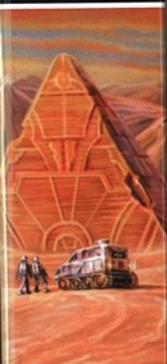

MORE
ФАНТАСТИКИ

Малькольм Джеймисон

УДАР ВСЛЕПУЮ

Малькольм Джеймисон
УДАР ВСЛЕПУЮ

MORE
ФАНТАСТИКИ

«Издатель В.В. Мамонов»

MORE
ФАНТАСТИКИ

MOORE
ФАНТАСТИКИ

Малькольм Джеймисон

УДАР ВСЛЕПУЮ

Издатель В.В. Мамонов

2016

Malcolm JAMESON

Blind Man's Buff and Other Stories
Copyright © 1939-45 by Malcolm Jameson

Перевод с английского *Е. Селиверстовой*

Джеймисон М.

Удар вслепую / Малькольм Джеймисон; [пер. с англ.] —
ИП В.В. Мамонов, 2016. — 352 с.

ISBN 978-5-00096-092-9

«Удар вслепую» — сборник захватывающих межпланетных приключений от Малькольма Джеймисона (1891-1945), автора рассказов о космическом патрульном Булларде.

На этих страницах есть все, что так ценят любители старой доброй НФ «Золотого века»: романтика фронта — пески Марса, болота Венеры, каменные спутники Юпитера, мужество и находчивость героев, способных выпутаться из множества критических ситуаций, на которые столь щедры другие миры, — и добрая толика юмора. Недаром критик Грофф Конклин называл произведения Джеймисона «живыми, остроумными и читаемыми».

Помимо фантастических произведений в книгу вошло также эссе «Подножие ног Господних».

Впервые на русском языке!

© **Malcolm Jameson, 1939-45**

© **Майя Курхули, иллюстрации, 2016**

© **Перевод, издание на русском языке, оформление**
ИП В.В. Мамонов

УДАР ВСЛЕПУЮ

Яркая точка превратилась в диск несколько дней назад, теперь это уже была блестящая серебристая сфера, маячившая впереди. Помощник судьи Лоример посапывал в радиобудке с наушниками на голове. Хартли завершил последние настройки обожжаемой им «Мэгги» — прибора с рентгеновским взглядом — и направился туда, где Трэвис неотрывно следил за монитором.

— Толстосумы сговорились против нас, — заметил Хартли, рассматривая то, что было изображено на мониторе.

— У них есть деньги, если ты это имеешь в виду, — мрачно усмехнулся Трэвис. — Но не уверен, есть ли у них мозги. Тандем Фарингтон-Дрисколл все время проворачивал свои грязные делишки. Этим же они занимаются и сейчас. Большинство этих бедняг, оставшихся там, снаружи, умрет до завтрашнего дня. Игра Дрисколла проста, как Правило Трех. Из ста кораблей, совершающих посадку на Венере, погибает один. Итак! Он посылает сто с лишним кораблей. Его конкуренты — ты, я и старый Бак Тернер — всего лишь одиночки. Даже если мы объединимся, чего мы не сделаем, то у нас все равно не будет шансов против его псов.

- Если только мы не будем умнее, — добавил Хартли.
— Да, — хмыкнул Трэвис.

Другие корабли находились слева и справа от них, медленно опускаясь по большой спирали, конечная точка которой была примерно в сорока милях ниже. Центром флотилии был одинокий корабль, на котором находился главный судья, направлявшийся с Земли на другую планету. Они прибудут в точку, находящуюся в десяти диаметрах от Венеры. Оттуда же они будут улетать. После этого все будут бороться за честь (и за богатства) называться первым, ступившим на планету.

На большинстве кораблей красовался желто-синий знак новой Венерианской компании по освоению земель, которая принадлежала корпорации Фарингтон-Дрисколл. Ржавая посуда старика Бака Тернера болталась в дальней части круга. Неподалеку находились две полностью перестроенные яхты, на борту которых были студенты колледжа, ищущие приключений. Впереди, в квадранте от них, было еще несколько независимых кораблей, от которых не было толку. На одном из них находился человек, который считал, что единственным способом справиться со смертельным туманом Венеры было измерение его глубины с помощью гибкого трала, после чего в определенных местах можно было устанавливать воздушные шары с якорями. Он считал, что установка подобных буев поможет избежать самых опасных мест. Другой считал себя экспертом метеорологии. Его корабль был под завязку забит контейнерами с разноцветной мукой. Он собирался сбрасывать ее на перистые облака Венеры и изучать их с помощью возникаю-

щих пятен. Определив движение воздуха в верхних слоях атмосферы, а также восходящие и нисходящие его потоки, специалист надеялся, что у него получится определить, где именно находятся опасные места.

Надеждой Трэвиса и Хартли был магнар, или «Мэгги», как они предпочитали называть его. Это был небольшой прибор, обладавший всеми преимуществами суперрадара, только инвертированного. Если старомодные радиоустановки использовали вибрирующие электрические потоки для создания магнитных волн, то магнар действовал по обратному принципу. Движение магнетронов создавало электрическое напряжение, которое отражалось от окружающих объектов. Результаты были намного лучше, чем при использовании стандартного электронного оборудования, потому что этот прибор был и проникающим, и аналитическим. Прибор прекрасно показал себя во время тестов на Земле, однако, им еще только предстояло узнать, как он поведет себя на Венере. На этой планете наблюдались странные магнитные явления, причиной которых, возможно, была близость к мощной радиации Солнца. Северное сияние наблюдалось на всех широтах. Здесь также имелся низкий пояс, невидимый практически для всего, кроме длинных волн. Как бы то ни было, они полагались на свой прибор и надеялись, что он сможет им благополучно приземлиться, а также определить границы принадлежащего им участка в соответствии со строгими правилами Управления Геномики.

Прозвучал предупреждающий сигнал и Лоример ожил.

— Это сигнал готовности, — сказал он, включая громкоговоритель.

— Внимание всем кораблям, — прогремел голос главного судьи. — Через пять минут мы прибываем на стартовую позицию. Убедитесь в том, что вы не обгоняете главную станцию, иначе вы будете дисквалифицированы. Прошу вашего внимания. Я повторю правила. Корабли отправляются с включенными микрофонами, чтобы я мог следить за вашими передвижениями. После вхождения в гравитационное поле планеты вы должны на неё сесть. На борту для поддержания связи должен оставаться помощник судьи. После приземления необходимо сразу же установить радиомаяк, чтобы при необходимости, я мог спуститься для проверки. После этого вы имеете право исследовать территорию.

Наступила пауза, чтобы все еще раз подтвердили свое согласие с правилами. Трэвис кивнул. Сигналы поступали громкие и четкие. Ужасные землетрясения и потоки кипящей вулканической грязи, выпадающей в виде дождя, заставили его отойти от места посадки, но маяк, который он установил, должен был помочь ему благополучно вернуться в стратосферу. Маяк перестал подавать сигналы через час, сообщая о том, что был уничтожен землетрясениями. Однако он показал, чего именно можно достичь.

— После осуществления разведки, — продолжал голос из динамиков, — вы должны отметить границы своих владений. Смутные описания, деревянные колья, зарубки на деревьях и пирамиды из камней не принимаются. После недобросовестного освоения Марса было слишком много судебных разбирательств. Необходимо предъявить точные топографические карты. Границы должны быть четкими, а углы должны быть привязаны к заметным объектам мест-

ности. Если это возможно, то все должно быть привязано к планетарной сетке. В случае возникновения споров выигравшей стороной будет считаться та, которая предоставит наиболее точную карту.

— Да вы что! — фыркнул Хартли. — Ждете хорошей топографии в густом тумане. Хорошо, что у нас есть «Мэгги».

Трэвис молчал. Ему было интересно, как эти оговорки попали в условия игры. Мог ли Дрисколл иметь к этому отношение? Он знал, что такие оговорки бессмысленны, но они могли помочь ему выиграть игру. Планетарная сетка предполагала либо наличие предварительной тригонометрической съемки, либо определение широты и долготы, что в данной ситуации было невозможным. Может быть, Дрисколл собирался провести подобное исследование. У него было много людей и все знали, что на борту у него достаточно инфракрасного оборудования. Если у тебя достаточно людей и времени, то тригонометрическую съемку Венеры можно провести с помощью детекторов тепла и раций направленного действия. Эта мысль ему не нравилась.

— Осталось десять секунд, — предупредил лайнер, после чего раздался длинный звуковой сигнал.

— Вперед и удачи, — сказал помощник судьи.

Экран больше не был абсолютно черным с небольшой серебряной точкой в центре. Теперь он был наполовину черным, а наполовину серебристым: бархатное, усеянное звездами небо вверху и яркая поверхность Венеры внизу. Разделительная линия представляла собой арку, верхний край планеты. Постепенно арка становилась менее

изогнутой, пока не превратилась в прямую линию — горизонт. Внизу лежало бесконечное поле белоснежного цвета, плоское, словно пол. Это было лишь похоже на снег. Это был твердый слой ледяных осколков, замерзший верхний слой перистых облаков, отделяющий стратосферу от области облаков и тумана. Трэвис занимался управлением. Он увел корабль с прямого курса и повел его в «горизонтальный» полет по дуге. Альтиметр показывал постоянное значение — двенадцать километров.

Они не торопились. По сигналу «ПОШЕЛ» некоторые псы Дрисколла очень заторопились, впрочем, как и некоторые энтузиасты среди прочих участников. Всполохи фиолетового пламени их двигателей говорили о том, что все они хотят быть первыми. Когда они понеслись вперед, каждый — к своему сектору венерианской поверхности, Трэвис не спешил. Большинство из первых погибнет, если можно верить истории, и он не хотел быть одним из них. Он видел, что осторожный Дрисколл тоже отстал. Он сразу понял его стратегию. Хитрый финансист посмотрит, кто из его разведчиков выживет, а потом пойдет на его сигнал. Если не выживет ни один из них, так что с того. Он может отказаться от экспедиции и отправиться домой. Всегда будет следующий раз.

— Что ты слышишь? — спросил Трэвис Лоримера, сгорбившегося в радиобудке и прислушивающегося к переговорам других кораблей.

Его лицо было белым, а глаза вылезали из орбит. Иногда его била крупная дрожь.

— Я... там внизу полная неразбериха, — сказал он, облизывая губы. — Они падают налево и направо. Ты слышишь

переговоры, а потом дикий крик... Что-то про скалу в тумане... Или вообще ни звука и лишь помехи... Сэр, вы не думаете, что нам лучше вернуться?

— Мы не такие психи, какими кажемся, — мрачно сказал Трэвис. — Но мы пока не собираемся возвращаться.

Он немного изменил настройки корабля. Большая часть скорости была погашена за счет сопротивления воздуха. Работал только один двигатель и то только для того, чтобы поддерживать наименьшую скорость. Трэвис потянул рычаг, открывающий короткие крылья корабля и лопасти стабилизатора. Теперь корабль превращался в планер с достаточным запасом мощности для полета.

— Готовь «Мэгги», — сказал он, — и начинай работу.

Хартли включил магнитоскоп. Это был дополнительный прибор, который превращал координаты в лучи света. Весь секрет был в магнетронных трубках, которые передавали полученное визуальное изображение на вогнутый экран в дальнем конце помещения. Некоторое время на экране не было ничего, кроме тумана, который начал медленно рассеиваться. Через него начинало проступать изображение. То, что они увидели, было просто потрясающе.

Слой замерзших облаков исчез. В нескольких милях ниже перед ними раскинулось лазурное море, в котором поблескивали каменистые островки, расположенные длинной, изогнутой цепочкой. Это был океан, который человеку еще никогда не доводилось видеть. Его поверхность казалась твердой и блестящей, словно сделанной из льда, но эта кажущаяся твердой поверхность поднималась и вновь опускалась, оголяя всё новые скалы, протыкающие ее

насквозь. Все это было похоже на мираж, ведь у островов не было ни берегов, ни пляжей. Их границы постоянно изменялись из-за движения странного кристального моря.

— Похоже, это ионосфера, — предположил Трэвис, завожженный ошеломляющим видом. — Это явление искажает радиолучи, а иногда и вообще прерывает их. Во всяком случае, мы знаем, что это такое. Хоть что-то.

— Опустись как можно ниже и посмотри, что произойдет, — предложил Хартли. — Может быть, всё зависит от угла наклона. Может быть, оно пропадет.

— Так точно, — сказал Трэвис, направляя корабль вниз.

Блестящая поверхность неумолимо поднималась навстречу кораблю. Она не поддавалась ни на йоту. Она не исчезала. Она была всеобъемлющей. Версия, выдаваемая прибором, могла оказаться иллюзией, но то, что они увидели собственными глазами, было реальным и осязаемым. Если бы Трэвис сохранил угол движения, то через несколько минут для их корабля наступил бы момент последнего испытания. Он бы либо разбился о твердую поверхность, либо прошел бы... *но через что?*

— Стой! Не спускайся. Пожалуйста, не надо! — закричал Лоример.

Он незаметно подошел к остальным и с ужасом смотрел на экран.

— Это самоубийство, точно вам говорю.

Трэвис отпустил рычаги управления и выровнял корабль.

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил он.

Лоример был очень напуган. Его трясло и он сбивчиво рассказал о том, что слышал по радио. Большинство из тех, кто спустился вниз, исчезли — все независимые корабли и десятки кораблей Дрисколла. Многие разбились о скрытые туманом скалы, некоторые докладывали о том, что попали в болото, которое их засасывает. Несколько кораблей Дрисколла дезертировали и вернулись обратно. Благополучно приземлился лишь один. Он до сих пор жаловался Дрисколлу и судье на свое плачевное положение. Его выбросило в бушующий океан, и корабль черпал воду с каждой огромной волной, потому что при ударе лопнула обшивка. Альтиметр не работал. Венера оправдывала свою смертельную репутацию.

Лоример так и не закончил свой жалобный рассказ. Он вновь взглянул на псевдо-море, колышущееся за плечом Трэвиса. Оно было всего в нескольких ярдах от корабля, и впечатление производило потрясающее. Лоример застонал и потерял сознание. Трэвис бросил презрительный взгляд на лежащее тело и щелкнул переключателем.

— Может, воспользуемся парашютом? — весело спросил Хартли, когда Трэвис направил корабль на безопасную высоту.

Трэвис покачал головой.

— Слишком рискованно. Лучше оставаться вместе. Что со сверхзвуковыми частотами? Ты сможешь настроить на них «Мэгги»? Я сомневаюсь, чтобы кто-то использовал их для зондирования.

— Я могу попробовать, — сказал Хартли, изменяя настройки приборов.

Он не расстроился из-за того, что идея с парашютом не удалась. В конце концов, это был самый крайний вариант. Один из них должен был выпрыгнуть из корабля с автоматическим маяком, надеясь на то, что приземлится там, где сможет приземлиться и корабль. Если радио откажет, то можно передавать сообщения наверх с помощью баллонов. Однако поймать их и даже увидеть в верхних слоях атмосферы — задача не из легких для быстрого космического судна.

Звуковое зондирование дало результат. «Мэгги» не могла перевести данные в изображение, но Хартли смог расшифровать эхо.

— Та цепочка островов справа от нас, — сказал он, — заканчивается отвесной скалой. Всё, что приходит оттуда, очень слабый и замедленный сигнал. Я думаю, что это либо крутой обрыв, либо стена невероятно широкого каньона. Попробуй вон там.

— Здесь лучше, — мрачно сказал Трэвис и начал опасный спуск.

Прохождение сквозь загадочную ионосферу было неизбежным моментом. Они не могли не вскрикнуть, ожидая смертельного удара. Затем картинка магнитоскопа окрасилась матово-синим. Это было то же, что они видели на главном мониторе. Ужасная неопределенность длилась всего секунду, затем картинка прояснилась, но на этот раз на изображении появилась лазурная форма, опасно возвышающаяся впереди. Прямо под ними раскинулся потрясающий вид — необычайно странный, но такой же четкий, как вид

Земли с высоты птичьего полета. Магнар сумел пробиться через занавес, закрывающий обетованную землю. Венера принадлежала им!

Ландшафт представлял собой невероятную смесь земных форм. Пики горной цепи терялись в ионосфере, но всё остальное лежало перед ними, как на ладони. Крутые склоны огромной скалы спускались в долину. Однако эта долина была испещрена конусами вулканов, многие из которых были накрыты странным покровом грязно-коричневого цвета, возможно, вулканическим пеплом, превратившимся в грязь из-за постоянной влажности. Кое-где были кривые плато и одиноко стоящие плоскогорья, между которыми текли огромные реки. Далеко впереди, справа, было море. На этот раз оно было настоящим, испещренным большими и маленькими островами, многие из которых были окружены рифами и лагунами. Граница между морем и землей представляла собой болотистую область, где реки превращались в лабиринт извилистых ручьев и лагун в дельте реки. Там, где поверхность была достаточно ровной, возвышались бескрайние леса с высокими деревьями.

Трэвис кружил над поверхностью планеты, выискивая наилучшее место для посадки, ведь когда они приземлятся, то за пределами корабля им придется пользоваться краулером-амфибией¹. Неожиданно он обратил внимание на странное нагромождение камней возле гребня на одном из плато.

— Странная штука, — начал он, — это очень похоже на...

¹ Краулер — род вездехода.

Конец фразы замер на губах Трэвиса, потому что Лоример пришел в себя. Он был в ужасе. Он рванул через всю комнату с истеричными криками.

— Я не позволю убить себя, — заорал он. — Это безумие *не сойдет* вам с рук!

Трэвис и Хартли двинулись к нему, но подножка Хартли и апперкот Трэвиса запоздали. Удар уже был нанесен. Лоример опять потерял сознание, но теперь уже из-за яркого света, заполнившего экран. Всё остальное погрузилось во тьму. Магнитоскоп умер. Дрожащие пальцы Лоримера успели отключить половину устройств на панели управления. Медленно замигали аварийные огни, но измерительные приборы всё еще не могли успокоиться, особенно те, которые были связаны с магнитными цепями. Резкое отключение электроэнергии привело к возникновению магнетронных возмущений, которые обычно продолжают действовать на протяжении нескольких минут.

— Восстанови сверхзвуковые волны, если сможешь, — процедил Трэвис сквозь зубы. — Похоже, мне придется сажать эту птичку вслепую.

Он выругался, пытаясь вспомнить все подробности топографии, которые изучал. На обдуманное решение времени не было. Альтиметр показывал высоту в один километр, и они быстро снижались. Прежде, чем он успел взять корабль под полный контроль, по нижней части корпуса уже заскрежетали верхушки деревьев. Корабль подался вперед и начал падать. На секунду показалось, что он выровнялся, но он лишь продолжал свободное падение. Затем последовал удар, и их путешествие закончилось. Лениво перекаты-

ваясь, корабль заскрипел и остановился. Трэвис и Хартли сидели в тех углах, куда их отбросило, и прислушивались. До их слуха доносился равномерный плеск воды под килем и стук дождя по крыше.

— А вот и Венера! — криво усмехнулся Хартли.

— Ага, — буркнул Трэвис, поднимаясь на ноги. — Похоже так. Надо установить маяк. Я осмотрю оборудование.

— Мрачное место, — прокомментировал Хартли.

Когда он вернулся на корабль, то был по грудь вымазан грязью. Позади него виднелась стена горячего дождя, который превращался в пар, едва коснувшись земли. Чуть позади виднелся краулер, забрызганный грязью по самую кабину. Журчащие потоки воды неслись мимо него к более крупной реке, рев которой доносился издалека. Видимость ограничивалась пятью ярдами. Дальше был только жуткий желтоватый свет, плотность которого была одинаковой, куда ни посмотри. Влажность и удручающая полутьма были отличительными чертами Венеры.

— Что снаружи? — спросил Трэвис.

Успокоенный Лоример выглядывал из-за его плеча.

— Деревья, в основном. Удивительные деревья, — сказал Хартли. — Калифорнийские секвойи — это побеги по сравнению с этими деревьями. Если нам нужна органика, то она у нас есть. Тень здесь никакой роли не играет, потому что свет и так рассеянный. Между большими деревьями растут другие, поменьше, с фруктами, похожими на дыни. А под ними — густая поросль. Ужас. Идти очень трудно. Я рад, что нам не придется изучать эту планету дюйм за дюймом.

— Тогда лучше начать с «Мэгги», — сказал Трэвис. — Лоример помог мне установить ее. Все, что нам теперь нужно, это пантограф и твой профессионализм.

Хартли смыл большую часть грязи и направился за Трэвисом к люку, ведущему на крышу. Инструменты были разложены на плоской части крыши, укрытые от ливня наспех натянутой парусиной. Рядом стоял прибор, предназначенный для приёма данных о рельефе, которые будет передавать ему «Мэгги». Это был трехсторонний прибор с открытым верхом, состоящий из пластин, выполненных из прозрачных синтетических кристаллов. Трэвис зафиксировал манипуляторы пантографа на узлах, закрепленных на одной стороне магнара, и подсоединил к ним иглы. Когда он закончил приготовление, пантограф превратился в построительный прибор.

— Без «Мэгги» мы бы пропали, — сказал Трэвис, поглядывая на стены воды, окружившие их со всех сторон. — Люди Дрисколла взяли с собой огромное количество инфракрасного оборудования и болометров, но с ними проводить съемку на такой местности будет очень непросто. Что...

Корабль под ними заскрипел и задрожал так, что у них застучали зубы. Чтобы не слететь с крыши, им пришлось хвататься за распорки. Землетрясение, хоть и мощное, оказалось недолгим. Оно сошло на нет после ряда толчков и вокруг вновь наступила тишина — если не считать шум рек и дождя.

— Запиши время толчков, — крикнул Трэвис Лоримеру, который сидел в корабле.

— Я готов, — объявил Хартли, быстро забыв о землетрясении и возвращаясь к прибору. — Давай проведем первую

попытку точно. Они будут принимать наши последующие расчеты охотнее, если мы сразу покажем им, на что способны. Я начну с нижних слоев изверженной породы и буду постепенно продвигаться вверх. Используй для этого черный цвет.

Трэвис наполнил иглы пантографа легтеобразной массой, которая, высыхая, мгновенно твердела и превращалась в черное стекло. Это должен был быть гранит. Для других пород у него имелись другие цвета: темно-красный — для песчаника, оливковый — для сланцев, грязно-желтый — для известняка и т.д. Хартли включил питание.

Чтобы заложить основу для их работы, «Мэгги» понадобился час. Манипуляторы пантографа двигались взад-вперед под руководством оператора, накладывая цветной пластик на уже существующие слои. Там, где жерла вулканов переплетались, а таких мест было много, Хартли увеличивал напряжение, чтобы ускорить продвижение медленного излучения, ведь если прибор был настроен на базальт, то электромагнитные лучи будут отскакивать от ближайшей поверхности. Двум исследователям Венеры нужны были знания и опыт, но в итоге они были довольны результатом.

В ящике находился макет диорамы окружающего их ландшафта — пока что голая земля, на которой они стояли. Можно было пройти вокруг прозрачного ящика и увидеть, насколько глубоко залегала магма, и как пласты горных пород перекручивались, загибались и сжимались над ней. Это была мечта любого геолога, ставшая реальностью. Если бы их интересовали полезные ископаемые, то им всего лишь нужно было правильно настроить уровень излуче-

ния и выбрать подходящий цвет. Если бы кто-то захотел поспорить с ними, то буровая установка достаточно быстро подтвердила бы их догадки.

Хартли остановился, чтобы перекурить, однако влажный табак плохо тянулся. Исследователь немного изменил настройки и вошел в слой почвы и грязи, покрывавший коренные породы. Ближе к морю слой наносного ила становился толще.

— Послушай, — сказал Трэвис, — нам приходится мириться с тем, что тень корабля дала своё изображение, но что это за штука там сверху?

Он указал на узкий клин на поверхности модели. Он был пустым, что означало, что там не было зарегистрировано никаких сигналов. Кроме формы, у него не было ничего общего с конической дырой в центре модели. В центре модели находилась тень корабля, потому что ни один магнетрон не смог бы пройти через такое большое количество стали. Пантограф смог создать лишь пустой конус, по форме напоминавший верхнюю часть космического судна.

Хартли внимательно осмотрел клинообразную пустоту.

— Может быть, это морена. Кто его знает, может быть, здесь когда-то были ледники. Установи черный и я проверю на гранит.

Результат удивил его.

— Интересно, — пожал плечами Трэвис. — Ни вода, ни лед не могли оставить такие обломки, и я не понимаю, что за сдвиг мог вызвать подобное.

На месте пустоты был гранит, но в очень неестественной форме. Это была неизвестная до сих пор форма отло-

жения — гранит лежал тонкими плитами. На модели их толщина не превышала толщины бумажного листа, означая, что на самом деле они были не толще одного ярда. Наличие этих листов противоречило типу трещиноватости гранита, к тому же положение их было крайне необычным. Они лежали в ряд, рядом друг с другом, хотя иногда между ними было значительное расстояние. Это напоминало тайный ход, который иногда огибал низкие холмы, а иногда проходил прямо через них.

— И что ты думаешь? — спросил Хартли. — Может, остатки древней стены, разрушенной землетрясением?

— Слишком тонкие для стены, — решил Трэвис. — Давай пока забудем о них. Когда мы начнем съемку на месте, то нам все равно придется идти туда, вот тогда и посмотрим. Давай закончим с топографией. Темнеет, да и дождь становится холодным.

Хартли настроил «Мэгги» на воду, и неровности венерианской поверхности быстро заполнились прозрачным пластиком. Ущелья превращались в реки, а низины — в озера. Чтобы отправляться на разведку на краулере, им было необходимо знать глубину всех водных преград. Затем они поменяли иглы, и пантограф начал наносить на карту органические объекты, состоящие из целлюлозы. Леса начали обретать форму, но отдельные деревья различить было невозможно. Масштаб был слишком маленьким. На карте появлялись объемные массы зеленого стекла или небольшой зеленый налет там, где росла лишь трава.

— Эй, — воскликнул Трэвис. — Что это? Еще одна тень?

Двигающиеся руки прибора оставили четкую V-образную пустоту — своеобразный туннель прямо посреди леса. Это нечто явно не могло быть частью окружающей природы. Слишком четкой была форма.

Появление новой пустоты озадачило Хартли, потому что она заканчивалась именно там, где начиналось небольшое плато, которое они обнаружили ранее. Это означало, что невидимый объект мягче осадочных пород, но тверже дерева. Хартли изменил настройки. Пустота не исчезала. Он снова изменил настройки и увеличил мощность. Ничего не помогало. Что бы это ни было — оно было невероятно твердым.

— Корабль! — сказал Трэвис, когда очертания неизвестного объекта стали проявляться под механическими руками пантографа. Объект имел форму сигары, а по бокам находились два плоских объекта из того же материала. Очертания казались знакомыми. Это был «*Следопыт*» Дрисколла, а два других объекта — его краулеры. Сталь, из которой они были сделаны, прекрасно закрывала все, что находилось позади них.

— Он, наверное, только что приземлился, — сказал Хартли. — Он не может находиться там долго, иначе я не смог бы увидеть плато.

— Вот подлец, он использовал наш луч, чтобы приземлиться, — прохрипел Трэвис, повернувшись к люку.

— Что ты собираешься делать?

— Свяжусь с главным судьей и выражу протест.

Судья был спокоен.

— Спокойнее, мистер Трэвис. Не нужно так переживать. Венера большая. Огромная. На ней хватит места вам обо-

им. Я советую вам наладить связь друг с другом и прийти к соглашению. Один из вас отправится в одну сторону, а другой — в другую. В конце концов, мистер Дрисколл понес огромные потери. Он потерял много кораблей и людей, и вы могли бы проявить снисходительность. К тому же, в правилах ничего не говорится о конфликтах такого рода. Они не входят в мою юрисдикцию, но вы можете обратиться в суд. Кроме того, вам пока не принадлежит ни одна часть Венеры. Во всяком случае, до тех пор, пока вы не проведете соответствующую разведку.

— Но мы уже *провели* ее, — яростно настаивал Трэвис. — Мы разработали инструмент, который создает карты в полной темноте и пробивается даже сквозь плотную материю. Именно с его помощью мы обнаружили этого нарушителя. Я требую...

— Чепуха, — сухо ответил судья. — Мои помощники доложили мне, какие условия царят на поверхности. Протест отклоняется.

Щелчок завершенного сеанса связи привел Трэвиса в ярость. Глупая реакция судьи, конечно же, не могла считаться окончательным решением. Созданная карта подтверждает, что он ошибался. Однако появление Дрисколла не только не соответствовало правилам ведения честной игры, но и предвещало неприятности. Он мог и умел использовать любые доступные технические средства. Даже если бы он оказался на другой стороне планеты — это было бы уже плохо, потому что рано или поздно они бы встретились. Такой конфликт в самом начале не то что не предвещал ничего хорошего, это вообще было просто отвратительно!

Трэвис подошел к сейфу и достал свод правил. Он быстро просмотрел их, кипя от злости, но в конце концов ему пришлось признать, что главный судья отчасти был прав. В правилах о таком ничего не говорилось. Все зависело от качества проведенной разведки. Побеждал тот, кто создавал лучшую карту, вне зависимости от первенства появления на планете. Трэвис немного расслабился. В такой ситуации «Мэгги» должна оказаться намного лучше примитивных болометрических методов, которые наверняка будет использовать Дрисколл. Хартли согласился, что нужно игнорировать Дрисколла и просто продолжать работу.

— Завтра, — заявил Трэвис, когда они втроем сидели за ужином, — мы уберем подальше созданную карту, разберем «Мэгги» и передвинемся к краю разведанной местности, где продолжим работу. Тебе, Лоример, придется остаться здесь, чтобы поддерживать внешнюю связь. С тобой мы будем связываться с помощью раций.

Лоример кивнул, а Трэвис внезапно подскочил с места.

— *Тс-с-с!* Вы слышите то, что слышу я?

Снаружи доносилось шипение непрекращающегося дождя, однако сквозь него до их слуха донесся грохот техники и бульканье выхлопной трубы, наполовину забитой грязью. К ним приближался краулер. Потом они услышали оклик — слабый и неразборчивый. Шум краулера стал громче, а потом внезапно стих. Кто-то постучал по корпусу корабля.

— Эй, там, на корабле! — вновь послышалось за бортом.

Трэвис усмехнулся, встал и злобно сплюнул на пол. Это был голос Дрисколла.

Согласно межпланетному кодексу, а именно статье об аварийных ситуациях, они обязаны были впустить его, однако приветствие Трэвиса, открывшего дверь, было холодным.

— Я обязан впустить *тебя*, — сказал он, — но твои гориллы останутся в краулере.

Он закрыл дверь прямо перед лицом четверых крепких мужчин, которые всегда были рядом с Дрисколлом, когда он посещал внешние планеты.

— Что тебе нужно? — продолжал Трэвис.

— Мне? — рассмеялся Дрисколл со всей возможной вежливостью. — Мне ничего не нужно. Я просто хотел узнать, все ли в порядке у вас. Это опасное место, сами знаете.

— Ты знаешь, что с нами все в порядке, — грозно ответил Трэвис. — Ты прилетел сюда по нашему лучу и, несомненно, следил за нами все это время. Хватит ходить вокруг да около. Говори, зачем пришел.

Дрисколл удивленно приподнял бровь.

— Ваша враждебность удивляет меня. Хотя, у моего визита действительно есть другая причина. У помощника судьи на моем корабле закончились формы для отчетов. Он попросил меня раздобыть их у вашего помощника судьи.

Трэвис молча дал знак Лоримеру, который встал и отправился в свою каюту. Трэвис и Хартли железными взглядами проводили прошедшего вслед за ним Дрисколла. Они обменялись лишь пачкой государственных формуляров, но любое действие непрошенного гостя было подозрительным. Дрисколл убрал формуляры в карман, выразил свою искреннюю благодарность, но перед тем, как уйти, добавил:

— Раз уж я здесь, то можно было бы обсудить наши дальнейшие отношения. Ведь мы — единственные, кому удалось добраться сюда.

— Так вот в чем дело, — сказал Трэвис, ухмыльнувшись. — Давайте обсудим.

Двое компаньонов молча слушали прелюдию финансиста. Он вкрадчиво заметил, что Венера настолько огромна, что исследовать ее без денег невозможно... Необходимо строить космопорты... Для одной только транспортировки необходимы огромные средства... Для правильной разработки огромного количества полезных ископаемых требуется целая армия технических специалистов и астрономическое количество специального оборудования. Простым пионерам с такой проблемой не справиться. Они лишь мешают другим.

— Ага, — рывкнул Трэвис. — Значит, мы мешаем. Ну что же, это наше право.

Дрисколл не сдавался. Он терпеливо предложил вспомнить историю. Когда первопроходцам удавалось разбогатеть от того, что они нашли? Разве не будет лучше просто проложить путь и с победой уйти в сторону? Разве им не хочется получить миллион валоров? Каждому! Нет? Пять миллионов? Десять? Десять миллионов валоров — это большие деньги. Тогда сколько? Борьба за землю не должна превращаться в беспощадную игру. Они могут стать партнерами в большой компании, просто передав свои права. В дополнение к наличным можно получить еще и акции. Почему бы и нет?

— Мы хотим спать, — зевнул Трэвис. — Это был тяжелый день. Спокойной ночи.

С лица Дрисколла не сходила маска приторного дружелюбия, но, когда он вышел из корабля и поклонился в знак уважения, в его взгляде появился огонек, не предвещающий ничего хорошего.

— Я никогда не делаю своих предложений дважды, — сказал он.

— Ваше право, — сказал Трэвис и с треском захлопнул дверь.

Их разбудило землетрясение. Оно произошло прямо среди ночи, всего лишь через одиннадцать часов после последних толчков. Грохот от бьющихся друг о друга предметов в корабле был оглушающим. Ночные лампы беспрестанно мерцали, а койки в каютах надрывно скрипели.

— Надо подняться наверх и проверить «Мэгги», — сказал Хартли. — Подними Лоримера, чтобы он нам помог.

Лоримера не было на его кровати. Они нашли его на крыше. Они довольно быстро заметили, что люк был открыт. Первым на крышу поднялся Трэвис. Он пробрался через люк и вышел из столба света, пробивавшегося из корабля сквозь туманную ночь. Свет фонарика не вырвал из темноты ни магнар, ни диораму, хотя крепления все еще были накрыты непромокаемой парусиной. Шнур питания все еще лежал на крыше, но примерно в ярде от купола он обрывался. На крыше стоял лишь удивленный человек в пижаме, жмурящийся от прямых лучей фонаря.

— Я... я поднялся, чтобы закрепить ваше оборудование, — заикаясь, сказал Лоример. — Я... его здесь нет!

— Мы видим, — мрачно ответил Трэвис.

Он направил фонарь на корпус корабля. Он был влажным, но широкий, блестящий след говорил о том, что в этом месте по нему скользило что-то тяжелое.

— Нужно считаться с этими землетрясениями. Они могут оказаться регулярными, — сказал он.

Его голос звучал резко, но он даже не дрогнул. В нем не было даже намека на упрек или разочарование.

— Сейчас слишком темно, чтобы оценить масштаб ущерба. Идемте спать.

Внизу Хартли осторожно прикрыл дверь в каюту.

— Ты был спокоен.

— А почему нет? — спросил Трэвис. — Нет сомнений в том, что оборудование столкнула эта крыса. Но у нас нет доказательств. К тому же, это могло *быть* и землетрясение. Зато теперь мы знаем, чего можно ожидать.

— Например?

— Подготовка Дрисколла к исследованию этой проклятой, затянутой туманом планеты оказалась недостаточной... Лоример работает на него и, скорее всего, уже рассказал ему о прекрасных результатах работы «Мэгги»... Судья, что остался в стратосфере, скорее всего, просто дурак и вряд ли работает на Дрисколла. В противном случае, Дрисколл не стал бы пробираться сюда сквозь грязь, чтобы сделать нам такое заманчивое предложение. Я знаю, что он боится нас, но не ожидал, что он будет действовать настолько быстро. Он поступил хитро. У нас нет никаких доказательств, кроме наших подозрений, которые просто высмеют в любом суде мира.

— Значит, мы проиграли?

Трэвис рассмеялся.

— Я смогу сказать больше только после того, как завтра утром мы откопаем «Мэгги» из грязи. Зачем переживать об этом сейчас.

Никому из них не удалось быстро заснуть. В какой-то степени Трэвис был рад, что первый удар был нанесен. Война началась, пусть и скрытая. Это снимало все запреты. Трэвиса и Хартли на Венеру привела не жадность. Их мотивы были совершенно иными — своеобразная смесь научного любопытства, гордости за свою чудо-машину, и в какой-то степени — любви к приключениям. За всеми этими причинами просматривалась также уверенность в том, что человечество должно расширять свои границы или же оно угаснет. Им, конечно же, нужны были деньги. Как, впрочем, и всем остальным. Но деньги им были нужны лишь в разумных пределах. Алчность Дрисколла пыталась лишить их даже этих денег. Хорошо. Они ответят землевладельцу тем же. Ответом на его ложь и саботаж должны стать удары, которые причиняют боль — удары по его кошельку. Трэвис долго размышлял о возможностях, а потом провалился в сон.

Вся безжалостность потери стала очевидной лишь после наступления мрачного восхода. Фрагменты диорамы они нашли в грязи, рядом с кораблем. Она разбилась на три большие части, которые были покрыты трещинами. Хмурый Хартли вытащил все фрагменты и отмыл их от грязи. Некоторые части были безвозвратно потеряны, но самые крупные можно было скрепить в довольно сносную карту. С «Мэгги» дело обстояло по-другому — спасти ее было невозможно.

Судя по всему, она упала первой, а потом уже на нее свалилась тяжелая стеклянная диорама. Уникальные трубки и хрупкие детали были полностью уничтожены. На корабле были запасные детали, с помощью которых можно было восстановить большую часть повреждений, но для того, чтобы полностью вернуть устройству работоспособность, необходимо было вернуться на Землю. Но они не могли себе это позволить. Если они улетят сейчас, то потеряют все, чего добились.

— Мы пропали! — мрачно сказал Хартли.

— Да, если только признаемся в этом, — заметил Трэвис. — У нас есть гелиограф, болометр и еще кое-какие сюрпризы.

— Например?

— У меня есть одна догадка, которую я собираюсь подтвердить. Поговорим об этом позже.

Они внесли топографическую модель внутрь и отремонтировали ее. Затем они сфотографировали ее со всех сторон и заперли в сейфе. Для бедной «Мэгги» было предназначено место в мусорном баке. У них больше не было того преимущества, которое она им давала. С этого момента им придется исследовать Венеру самым сложным способом.

— Загружай все необходимое в краулер, Хартли, и прогревай мотор.

Трэвис связался с главным судьей по радиосвязи. Он говорил спокойно, но настойчиво. У судьи были определенные обязанности, и он должен был их выполнять. Он должен был уйти из стратосферы. Он должен был спуститься на поверхность и приземлиться между двумя соперниками.

Трэвис рассказал о том, как Лоример впал в панику во время посадки и о его «безалаберности», в результате которой он столкнул их оборудование с крыши корабля, якобы пытаясь закрепить его. Он потребовал немедленной замены Лоримера, а также предоставления охраны для корабля, так как они собирались покинуть его для проведения необходимых полевых работ. Он мягко намекнул на то, что не стоит стрелять ему в спину, пока его не будет на корабле, и напомнил судье о том, что произошло с некоторыми беспечными официальными лицами после скандалов на Марсе. Судья возмущался, но пообещал прилететь.

Через час Трэвис и Хартли уже удалялись от корабля в перепачканном грязью краулере. Трэвис улыбался, вспоминая реакцию судьи, увидевшего их карту. Он свято верил в то, что за такое короткое время таких результатов достичь было невозможно. С другой стороны, он был обычным государственным служащим, который больше всего боялся нарушить данные ему инструкции. Он был слабым и недалеким, но отнюдь не продажным. Они могли спокойно раствориться в тумане, оставив его на корабле. Перед их отъездом главный судья передал подробный отчет о проделанной работе на Землю.

— Я все еще не понимаю, к чему ты ведешь, — сказал Хартли, всматриваясь в грязно-желтый туман, заменивший собой дождь.

Хартли был за рулем. Картой ему служили фотографии диорамы, а компасом — гироскоп, установленный на линии так называемого «псевдо-севера». Он объехал очередную лу-

жу и вновь вернулся на курс, который должен был привести их к ближайшей части необычных гранитных отложений.

— Сейчас поймешь, — радостно сказал Трэвис, который был не так сильно расстроен потерей «Мэгги», как его напарник. — Ты думал, что те куски гранита являются остатками стены. Может быть. Но мне кажется, что это остатки дороги. Наши древние предки строили неплохие дороги. Вполне возможно, что эта планета обитаема, или когда-то была обитаемой. Если я прав, и эти плиты являются дорогой, то нам нужно всего лишь следовать по ней и, может быть, она приведет нас к чему-то, что поможет нам.

— Хорошо, но я все равно не... — возразил все еще удивленный Хартли, но резко прервал свою речь.

Они пробирались сквозь гигантскую траву, поднимающуюся на неопределенную высоту и на какой-то момент видимость оказалась просто потрясающей. Иногда наступали моменты, когда они могли видеть на целых пятьдесят футов вперед. И прямо перед ними лежала одна из старых плит.

Края были отколоты, а сквозь плиту пробивались растения, похожие на бамбук, однако было очевидно, что догадка Трэвиса оказалась верной. Несмотря на то, что поверхность плиты была покрыта склизким мхом, им удалось рассмотреть глубокую колею — четкие параллельные линии, оставленные на твердой поверхности дороги миллионами окованных колес. Ширина колеи составляла чуть меньше шести футов, что означало, что размер используемых на этой дороге транспортных средств мало отличался от тех, которыми пользовались люди.

— Я же говорил, — победоносно заявил Трэвис. — Теперь посмотрим, куда она нас приведет. Помнишь, как Лоример взбесился при посадке и вырубил электричество? Мы как раз изучали странные каменные образования на плато. Мне они показались руинами города. Они совсем недалеко. В любом случае, дорога всегда ведет от одного места к другому. Поворачивай направо и посмотрим, куда нас приведет эта дорога.

Они продолжили путь. Они часто теряли дорогу из виду, но в таких ситуациях их всегда выручала карта. Пока Хартли управлял неуклюжим краулером, Трэвис делился с ним своими соображениями.

— Мы должны провести съемку местности. Достаточно просто оглядеться, чтобы понять, насколько это сложно. На Земле можно провести астрономические наблюдения или триангуляцию, но здесь об этом не может быть и речи. Условия здесь хуже, чем в полной темноте. Это значит, что триангуляцию придется проводить с помощью тепловых маяков, показания которых будут сниматься или болометром, или радаром, или датчиком сверхзвуковых волн. Все эти методы слишком примитивны. Необходим очень мощный источник тепла, а не такая мелочь, как лампа. Радиоволны дают слишком расплывчатый результат, если только мы не имеем дело с металлом. Надеяться на сверхзвуковые волны в такой влажной атмосфере вообще нельзя. «Мэгги» у нас больше нет и нам придется стараться изо всех сил. Причем эти силы должны оказаться лучше, чем силы Дрисколла.

— И что теперь? — спросил Хартли, пытаясь увернуться от гигантского гейзера, появившегося у них на пути. Это

был один из целого ряда гейзеров, выбрасывавших фонтаны кипящей воды в воздух, который и так уже был практически пропитан водой. Краулер пробирался сквозь болото, где ему пришлось остановиться на несколько минут, чтобы переждать очередное землетрясение. В эту же секунду им по ушам ударил раскатистый гром отдаленного извергающегося вулкана.

— Что за планета, — прохрипел Хартли, вцепившийся в руль. — Даже если мы проведем разведку, то что мы получим? Я уверен, что поверхность планеты меняется чуть ли не каждую ночь.

— Вполне возможно, — невозмутимо ответил Трэвис. — Именно поэтому очень важно определить наше географическое, а не топографическое местоположение — долготу и широту. Если, конечно, это возможно. Нам остается лишь использовать болометр. Результат будет зависеть от того, насколько точна наша базовая линия. Там, в джунглях, где остался наш корабль, и где сейчас находится Дрисколл, на то, чтобы провести топографическую съемку, понадобится целый год. Конец линии все равно придется привязывать к точному ориентиру. Города подходят для этой цели куда лучше, чем деревья, озера или горные пики. Если мы сможем найти город, то у нас уже будет четыре готовых угла. К тому же города обещают и другую награду — древние сокровища. Если, конечно, эти города так же мертвы, как и эта дорога.

Хартли кивнул в знак согласия. К этому времени они уже достигли края карты, созданной «Мэгги».

— Просто следуй дальше по дороге, — сказал Трэвис.

Краулер продолжал карабкаться вверх. Через некоторое время заросли бамбука стали намного реже. Он уже был не таким высоким. Воздух стал намного прохладнее, что говорило о том, что они набирают высоту. Горячий пар леса сменился холодным туманом горного плато. Ехать стало намного легче, да и видимость улучшилась.

— Вот мы и приехали, — сказал Хартли, останавливаясь перед тем, что лежало у них на пути. — Судя по внешнему виду, эта груда камней мертва так же, как и Вавилон.

Поперек дороги, укутанная туманом, стояла зубчатая стена, в которой были видны лишь одни ворота, над которыми возвышалась башня. С левой стороны стена обрушилась в некое подобие рва и груда камней закрывала нижнюю часть ворот. Хартли быстро изучил завал и включил мотор. Неуклюжее транспортное средство взревело и начало карабкаться по камням. Через секунду краулер уже прошел под темной аркой ворот и выбрался на улицы мертвого города.

— Смотри, этот город наполовину погребен, прямо как древние Помпеи, — воскликнул Трэвис, указывая куда-то вперед.

Справа и слева стояли ряды зданий, нижние этажи которых были погребены под смесью грязи и камней, которая доходила до подоконников верхних окон.

— Городские стены удерживают грязь внутри, иначе бы дожди уже давно размыли ее. Понятия не имею, что мы найдем, если начнем копать.

Они продолжили исследовать местность. Это был довольно большой город с огромным количеством добротных

каменных зданий, но он был мертв уже очень и очень долго. В центре города находилась большая площадь, посередине которой возвышалась верхняя часть необычной пирамиды.

Она имела шесть граней и была усечена под необычным углом. Большая часть пирамиды была покрыта склизким мхом, но множество трещин давало необходимую опору, и они смогли забраться на вершину. На наклонной поверхности исследователи обнаружили круглое отверстие диаметром примерно в один фут — единственный вход, который они заметили. Посветив вниз фонарями, они увидели лишь пещероподобное помещение, наполовину заполненное вонючей дождевой водой.

— Ну что же, — радостно сказал Трэвис, вставая с колен. — Похоже, мы кое-что нашли. Свяжись по рации с судьей и скажи ему, что мы нашли место для передовой базы. Больше ничего не говори. Понял?

Все последующие дни они занимались лишь исследованием города. Они пробрались в верхние этажи погребенных домов и раскопали вулканический пепел и грязь, которыми те были заполнены. Исследователи обнаружили запертые двери, которые приходилось взламывать. Однако за дверями они нашли лишь ходы, ведущие на нижние этажи домов, где обреченные венерианцы в страхе прятались от приближающегося вымирания.

Если учитывать уровень влажности на планете, то всё, что они нашли, оказалось в на удивление прекрасном состоянии. Судя по всему, катастрофа сопровождалась сухой жарой, поэтому остатки венерианских существ превра-

тились в мумии, которые можно было легко изучить. Они были человекоподобными. Единственная разница заключалась в том, что они были более высокими и худыми, чем люди. К тому же, на ногах и руках у них было по шесть пальцев. Кроме мумий было обнаружено огромное количество артефактов, включая оружие и доспехи. Зачастую доспехи были очень богатыми — прочная сталь была инкрустирована золотом и серебром, и украшена драгоценными камнями необычных цветов с редким отблеском. За один день наши друзья нашли столько ценностей, что они способны были удовлетворить самого алчного человека в мире.

Трэвис доверил работы по инвентаризации археологических находок Хартли. После обнаружения этого древнего города они были просто обязаны подать заявку, которой будут не страшны никакие махинации приспешников Дрисколла. Именно поэтому Трэвис взял все необходимые инструменты и начал терпеливо собирать нужные данные.

Сочетание света и температуры было практически идеальным. Невооруженным глазом трудно было заметить, где встает, а где садится солнце, да и определить необходимое направление было практически невозможно. Однако гелиограф был очень точным прибором, и Трэвис был уверен, что сможет установить местонахождение солнца с точностью до одного-двух градусов. Результаты измерений болометра были менее удовлетворительными, потому что самая высокая температура была зарегистрирована в середине второй половины дня. Но с помощью двух приборов Трэвис мог примерно определить, когда именно наступал полдень, а также более или менее точно вычислить высо-

ту солнца. Время восхода и заката было неизвестно, так как были неизвестны горизонты, поэтому Трэвис не мог определить длительность дневного времени. Однако, рассчитав время между полуднями, а также воспользовавшись регулярностью землетрясений, он смог примерно определить длительность суток. Венера делала полный оборот вокруг своей оси за двадцать два часа и несколько минут.

Это был своего рода триумф.

— Широта здесь примерно шестьдесят пять градусов, — с ликованием заявил он Хартли.

— Ага. А что насчет долготы?

— Ноль. Или сто. Какая угодно. Я могу назвать ее, как мне хочется, — расплывшись в улыбке, ответил Трэвис. — Долгота может быть какой угодно. Самые первые земные карты использовали в качестве отправной точки западную оконечность Азорских островов, потому что люди считали, что мир начинается там. Позже американцы брали за основу Вашингтон, французы — Париж и так далее. До тех пор, пока они не решили остановиться на Гринвиче. Это неважно. Победителем будет тот, кто сделает это первым и будет кричать об этом громче всех.

Однако восторг Трэвиса продлился недолго. Его расчеты были приблизительными, но в них просматривалась четкая тенденция. Каждый день широта увеличивалась. Венера двигалась в плоскости эклиптики. На ней существовали времена года. Солнце забиралось все выше, поэтому сейчас на планете была весна. Трэвис был разочарован. Он ожидал этого, но открытие все равно стало для него шоком. Чтобы получить точные расчеты, ему придется вести

наблюдения целый год — двести двадцать пять земных суток. А потом ему понадобится еще год или два, чтобы убедиться в том, что его расчеты верны. Слишком долго. Дрисколл обойдет его, даже если его топографическая съемка будет хуже. Как только они передадут результаты работы, игра будет окончена.

Он вздрогнул, когда понял, что есть и другая проблема. Даже если у него будет время на исследования, то его топография с астрономическими широтами обязательно будет лучшей, только вот с долготой дела обстояли не лучшим образом. Погрешность в один градус была слишком большой. Возможная ошибка могла превратиться в расстояние до ста миль. Он попусту терял время. Лучше бросить эти глупости и уделить внимание более надежному способу поэтапной триангуляции. Когда он рассказал об этом Хартли, тот преподнес ему более приятную новость.

— Смотри, — сказал он, — я нашел эту картину в подвале дома. Мы должны пробраться в пирамиду.

Он показал Трэвису тонкую бронзовую пластину, на которой была выгравирована центральная площадь города. Линии были очень тонкими и площадь выглядела так, как она выглядела до катастрофы. Огромная пирамида заполняла почти всю картину. Площадь была переполнена людьми, поднявшими руки в воздух в молчаливой молитве. Группа жрецов стояла на плоской вершине пирамиды и взирала на толпу. Было очевидно, что на картине был изображен какой-то большой праздник, но самым главным было то, что на уровне улицы был вход в пирамиду. Широкие двери были открыты и туда стремились толпы мужчин и женщин.

Трэвис изучил гравюру. Дверь находилась прямо под нижней частью плоской вершины, на фронтальной стороне пирамиды.

— Ну что же, — сказал Трэвис, — теперь мы знаем, где копать. За работу.

Копать спрессованную грязь было тяжело, но, к счастью, копать пришлось недолго. Они прикрепили скребок к краулеру и воспользовались им в качестве бульдозера. Затем неуклюжее транспортное средство стало тараном, так как дверь была закрыта изнутри. Створки с грохотом упали и краулер проехал в темное помещение. Они остановились и включили фары.

— Это храм, а не могила, — заявил Хартли.

Это была огромная квадратная комната, где не было никакой мебели, кроме высокого алтаря, к которому вела широкая лестница. Над алтарем возвышался столб с изображением солнечных лучей, выполненных из золота и украшенных драгоценными камнями. Рядом с алтарем стояло несколько ваз, вокруг которых валялись осколки других ваз. Среди них можно было увидеть огромное количество драгоценных камней, причудливо переливающихся в свете фар.

Трэвис повернул фары и осветил стены. На каждой стороне столба были выгравированы огромные буквы венерианского алфавита, а все стены украшал гурт¹ с изображением шестиугольников и двенадцатиугольников. Каждый

¹ Гурт (*здесь*) — продольный горизонтальный выступ на стене.

квадратный фут стен под гуртом был выложен мозаикой. Темой большей части изображений были батальные сцены, что подтверждало мнение о том, что венерианцы были воинственным народом. На одной мозаике была изображена церемония, похожая на коронацию. Но самым интересным было изображение, которое они увидели последним.

Оно было сделано из темно-синих блестящих плиток, на которых были разбросаны яркие алмазы. Посередине проходила изогнутая золотая линия. На самой высшей точке дуги находилось стилизованное изображение солнца.

— Не может быть! — воскликнул Трэвис. — Это небесная карта. Надеюсь, что тот, кто изобразил здесь путь Солнца, был астрономом, а не художником, — сказал он, доставая камеру.

На исследование пирамиды им понадобилось несколько часов. По винтовой лестнице, спрятанной за столбом, они добрались до верхних уровней, каждый из которых был меньше предыдущего. Большинство из них были жилищами жрецов. Космические путешественники также обнаружили несколько темных камер для пленников, которых приносили в жертву. Когда-нибудь археологи расшифруют венерианский язык и узнают, что писали на стенах приговоренные к смерти. На верхних уровнях наши друзья находили множество сокровищ, но самым главным из них оказалась библиотека. Там было множество свитков, большая часть которых хранилась в тубусах, запечатанных воском. Большинство из них разобрать было невозможно, однако напарники решили изучить те, в которых встречались иллюстрации и диаграммы.

Очередная бронзовая дверь преграждала путь на самый высокий уровень. Открыть ее не удалось, и они принесли из краулера динамит. Им повезло, что они спрятались на нижнем уровне, потому что взрыв оказался неожиданно мощным. Поток дождевой воды рванулся вниз по лестнице и залил пол нижних уровней. Через некоторое время поток иссяк, и напарники стали подниматься по мокрой скользкой лестнице, чтобы взглянуть на последнее помещение.

Наверху они нашли еще один столб с изображением солнечных лучей, покрытый мхом, разросшимся здесь из-за высокой влажности. Под столбом находился плоский каменный алтарь, освещаемый светом, попадающим в помещение из отверстия в потолке. Трэвис включил фонарь. Водоросли, прилипшие к стене, указывали на уровень воды, скопившейся в помещении. В углах комнаты находились странные инструменты, покрытые темно-зеленой краской. Это были астробии, октанты и теодолиты необычной формы. На одном из инструментов была закреплена грубо обработанная линза.

Задумавшись, Трэвис и Хартли долгое время стояли в помещении, пытаясь понять, какие ритуалы здесь проводились.

— Мне кажется, я начинаю понимать, — неожиданно сказал Трэвис. — Я уверен в том, что они поклонялись Солнцу. Это не только храм, но еще и обсерватория. Тем же самым занимались и египтяне, и ацтеки. Мне кажется, что это отверстие в потолке вырублено таким образом, что солнечный свет освещает алтарь только в день летнего солнцестояния. И неважно, какие кровавые оргии проходили

здесь после этого. Главное то, что я могу проверить свои расчеты. Срез на вершине пирамиды смотрит на юг и если я смогу узнать, в каком именно месте солнце освещает алтарь, то я смогу определить широту в этот конкретный день. Это еще не все, но это обязательно поможет.

— В те далекие времена климат наверняка был совершенно другим, — сказал Хартли, рассматривая еле пробивающийся сквозь туман свет солнца.

— Конечно. Все дело в вулканах. Какое-то время эта планета была стабильной, а потом наступила новая эра формирования гор. То, что мы увидели, благодаря «Мэгги», прекрасно говорит о том, что происходило во время последнего периода геологических изменений. Но венерианцев сгубили не только землетрясения и извержения вулканов. Мощная вулканическая активность поднимает в воздух огромное количество воды. Во всяком случае, это происходит на Земле. Эта вода поднимается из ядра планеты, где она является его частью. Венерианцы быстро теряли города. Облака становились все плотнее. Самые умные решили объединиться и бежать. Среди них наверняка были те, кто додумался до космических кораблей — своего рода венерианские Леонардо да Винчи. Мы знаем, что им это удалось и, возможно, их раса выжила.

— Отлично, — согласился Хартли. — Только как это может нам помочь?

— У нас есть шикарная обсерватория, построенная специально для Венеры. Солнце поднимается все выше каждый день. Я буду вести наблюдения снаружи, а ты установишь здесь необходимое оборудование. Если мы одинаково

определим день летнего солнцестояния, то моя теория будет доказана. Это будет отправной точкой — долгота ноль градусов и соответствующая широта. Потом мы переедем в другой город и проведем дополнительные наблюдения. Мы справимся с этой задачей.

Вечером они открыли бутылку бренди, чтобы отпраздновать. Хартли вспомнил, чтобы забыл сделать ежедневный отчет. Им не хотелось, чтобы на их поиски отправили спасательную команду. Он сообщил, что с ними все в порядке, но разведка продвигается медленно.

— Спроси, как дела у Дрисколла, — предложил Трэвис.

— Не очень хорошо, — сказал Хартли, завершив сеанс связи. — Для нас. Судья сказал, что он призвал вернуться все корабли, которые дезертировали, ведь так как они еще не достигли Земли, то все еще являются частью его экспедиции. Так что теперь у него еще больше кораблей. Судья сказал, что Дрисколл отхватил себе сотни квадратных миль территории по другую сторону от нашей. Они собираются нанять еще больше людей, чтобы начать строительство места для посадки.

— Это плохо, — простонал Трэвис.

Он бы не завидовал, если бы это был не Дрисколл. Дополнительная помощь оказалась ударом ниже пояса.

— Он что-нибудь упоминал о том, что нашел какие-нибудь города?

— Нет, но он сказал, что Дрисколл очень уверен в себе. Мне кажется, что он осторожничает так же, как и мы.

— Ага, — пробубнил Трэвис.

Это были плохие новости. Среди людей Дрисколла было достаточно умников, а у них не было единоличных прав на раскрытие древних тайн.

Летнее солнцестояние наступило два дня спустя, но им понадобилось еще несколько дней, чтобы удостовериться в правильности своих расчетов — Солнце снижалось слишком медленно, чтобы это можно было зафиксировать с помощью грубых инструментов, которые были у них в наличии. Трэвис постоянно сравнивал документы, найденные в храмовой библиотеке, с документами, некогда найденными в Персии. Он ничего не понимал в иероглифах, но разбирался в цифрах. Он долгое время не мог разобраться, пока наконец не понял, что венерианцы использовали двенадцать базовых чисел вместо десяти.

— Конечно, — пробормотал он, — у них ведь по шесть пальцев. Поэтому они используют двенадцать базовых цифр. Я должен был догадаться — все эти орнаменты, форма пирамиды и так далее.

После этого ему не составило труда разобраться в простых вычислениях древних венерианцев, однако более сложные расчеты все еще оставались загадкой, ввиду отсутствия объяснительных текстов.

Хартли открыл очередной тубус и разложил свиток на импровизированном столе.

— Смотри! — воскликнул он.

— Карта! — закричал Трэвис, подбегая к столу.

Но его надежда тут же умерла. Это была карта, но карта чего? На ней не было ни берегов, ни рек, ни гор. Она была не похожа на карту звездного неба. Она была вообще ни

на что не похожа. Она была покрыта тысячами маленьких черных изображений вспышек. Некоторые из них были маленькими, другие были крупнее. Все они были соединены между собой ломаными линиями. Возле каждой вспышки была пара иероглифов — судя по всему, названия — но они не могли прочитать их. На карту была нанесена прямоугольная система координат с цифрами по бокам. Четыре горизонтальные линии были толще остальных и между теми, что находились посередине, в самом центре карты были изображены две двойные вспышки, выполненные из золота. Одна из них была расположена под верхней линией, а другая — над нижней.

Хартли и Трэвис изучали карту несколько часов. Трэвис достал таблицу с числовыми кодами и начал расшифровывать значения цифр. Вертикальные линии были обозначены трехзначными числами от 0 до 999 по двенадцатеричной шкале. Горизонтальные линии доходили до значения 499 по той же шкале. Все числа располагались по порядку — горизонтальные сверху вниз, а вертикальные — справа налево. На самой верхней и на самой нижней части карты ничего не было.

— Это точная копия проекции Меркатора, — уверенно заявил Хартли.

— Я знаю... подожди! — Трэвис неожиданно повеселел и засмеялся. — Вот, что получается, когда заикливаешься только на одном. Мы думаем о круге в триста шестьдесят градусов. Их система намного проще. В их круге тысяча семьсот двадцать восемь градусов — двенадцать в кубе! Теперь всё ясно.

Он открыл выдвижной ящик и достал фотографии, сделанные в храме. На одной из них был изображен столб, возвышающийся над алтарем. Трэвис схватил лупу и дал такую же Хартли.

— Давай посмотрим, сможем ли мы найти такие же иероглифы на карте. Они могут означать храм или город. Мне кажется, они должны быть в средних широтах, так что ты возьмешь верхнюю часть, а я — нижнюю.

Через некоторое время Хартли вскрикнул. Он нашел такие же иероглифы. Напарники изучали карту еще полчаса, и им стало ясно, что больше таких иероглифов на карте нет. Было очевидно, что вспышки на карте символизировали пирамиды, а линии между ними должны были быть дорогами. Перед ними лежала церковная карта Венеры.

Предстояло еще много работы. Хартли вскочил и достал результаты измерений из верхней священной комнаты. Он давно подозревал, что угол наклона срезанной вершины пирамиды должен соответствовать лучам летнего солнца. Угол наклона составлял двадцать один градус от горизонта. Он отнял это значение от максимальной зарегистрированной высоты солнца — шестьдесят восемь градусов. Получилось сорок шесть. Это значение не соответствовало числам на карте, но венерианская система была другой. Если бы на Земле широта пролегла от полюса к полюсу, а не в обе стороны от экватора, то тогда это бы походило на то, что было сделано на этой карте. Трэвис провел быстрые вычисления и перевел венерианские градусы в земные. Ответ был потрясающим. Получалось сорок шесть.

— У нас получилось, — захохотал Трэвис. — Теперь все встало на свои места. Двойные золотые вспышки — это земля обетованная. Благословение Солнца снисходит на них дважды. В тропиках Солнце оказывается в зените дважды в год, поэтому жрецы могут проводить свои кровавые обряды два раза. Я уверен, что у этих храмов будет плоская крыша. Чем выше от экватора, тем больше угол наклона крыши. Ведь они должны поймать лучи Солнца раз в год. Ближе к полюсам угол наклона будет самым большим. За полярным кругом Солнце вообще никогда не встает, поэтому храмов там мало и расположены они далеко друг от друга. Теперь у нас есть ключ, так чего же мы ждем? Вперед!

— Куда? На корабль?

— Еще рано. Мы отправимся в другой город и перепроверим все данные.

Без карты найти другой город было бы непросто. Он находился в низине и всё, что от него осталось — это лишь плоский камень, который вполне можно было принять за выход коренных пород. Они откопали отверстие в крыше пирамиды и сбросили в жертвенную камеру отсасывающий шланг. Заработал насос краулера и вскоре из шланга полилась грязная вода. Напарники пообедали и принялись расширять дыру с помощью ломов. Им не нужно было пробивать дорогу в главный зал у самого основания пирамиды. Столб в верхнем помещении также был украшен соответствующими иероглифами храма. Трэвис и Хартли очистили столб от грязи и сравнили иероглифы с картой. Они совпадали.

Когда они вернулись в краулер, где спрятались от дождя, превратившегося из мелкой мороси в ливень, им пришлось пережить очередное землетрясение. У них было время подумать о том, какое богатство свалилось на их головы.

— Это значит, что вся эта чертова планета принадлежит нам? — спросил ошарашенный Хартли.

Трэвис кивнул.

— Без всяких сомнений.

— Но, что мы будем с ней делать? Жить я здесь не собираюсь.

— Не знаю. Выкинем отсюда Дрисколл и отдадим ее бедным.

Он ухмыльнулся.

— Я тоже здесь жить не собираюсь.

ЛИЛИИ ЖИЗНИ

Пробирка с грохотом упала на пол и от нее тут же потянулся едкий дымок.

Паркс, не обративший на это внимания, схватился за край стола и простонал:

— Что-то не так с расписанием, еще и часа не прошло...

Его затрясло и он упал.

Максвелл, сидящий на стуле, резко повернулся к нему, а потом бросил взгляд на часы. Было только два часа. Следующий укол нужно было делать только в три часа. Однако не было сомнений в том, что у Паркса начинаются судороги. Его руки уже дергались, и предательские спазмы смертельной венерической болотной дрожи постепенно начинали охватывать все тело. Лицо Паркса стало похоже на безумную карикатуру человеческого лица — дикая ухмылка на маске невыносимой агонии.

Максвелл встал и с тяжелым вздохом отодвинул стул. Если у Паркса уже началось, то и у него самого тоже скоро начнется. Максвелл, не торопясь, подошел к ящику с лекарствами и достал из него два блестящих шприца. Он наполнил оба шприца жидкостью из ампул. Паракобрин был

не лучшим средством, но это было единственное лекарство, доступное людям. Затем он положил шприцы на «стену плача» — железные перила, прочно закрепленные на тяжелых опорах, — и подошел к скулящему Парксу.

— Давай, старик, — мягко сказал он, — давай избавим тебя от этого.

Паркс позволил довести себя до места, а все остальное было уже привычным делом. К тому времени, как Максвелл воткнул иглу в кожу и начал вводить лекарство, Паркс уже вцепился в перила так, будто хотел сломать их. Максвелл тяжело вздохнул. Он закатал себе рукав и ввел янтарную жидкость в свои вены.

На протяжении пяти бесконечных минут двое мужчин корчились на полу, пока лекарство прокладывало себе путь по их телам — расплавленное железо, разъедающая кислота, агония, разрушающая душу. А потом все закончилось. Пальцы ослабили смертельную хватку, мышцы обмякли, дыхание восстановилось.

— Я... больше... не... хочу... этого, — сквозь стиснутые зубы произнес Паркс. — Я...

— Придется, — мрачно ответил Максвелл. — Мы всегда так говорим... все говорят... но мы все равно продолжаем. Ты же знаешь, какие у нас есть варианты?

— Я знаю, — обреченно ответил Паркс.

Без паракобрина дрожь становилась хронической и обязательно заканчивалась безумием. Среди других вариантов были веревка, прыжок с высокого здания или яд.

— Ладно, давай вернемся к работе. Что было в той пробирке?

— Эксперимент 11-0-4. Теперь уже не важно. Я использовал последнюю кору снукера. У нас нечем заменить ее. Во всяком случае, до тех пор, пока Хоскинс не привезёт нам новую партию.

— Тогда забудем. Давай посмотрим. Может, 11-0-3 удался.

Паркс медленно пошел за товарищем, постепенно приходя в себя. В следующий раз он сделает укол заранее. Паракобрин не доставляет удовольствия, но принимать его лучше в спокойном состоянии, а не после того, как судороги уже начались.

В лаборатории их, как всегда, ждало разочарование. Подопытная обезьяна билась в предсмертных конвульсиях. Через минуту она будет такой же мертвой, как и кучи привитых морских свинок, валяющихся в дальних клетках. Последняя версия формулы не сработала. Двум третям человечества придется еще какое-то время пострадать. Лучшего лекарства против болотной дрожи, чем паракобрин, еще не найдено.

Максвелл посмотрел на другие клетки. Там всё еще было несколько обезьян и морских свинок, и у самих ученых еще были другие варианты сыворотки в запасе. Люди в поисках жизненно необходимого лекарства не должны унывать. Тысячи ошибок ничего не значат. Это часть процесса.

— Мне кажется, — начал он, — что у нас был лучший...

— Я открою дверь, — прервал его Паркс, услышав тихий стук в дверь. — Похоже на Хоскинса.

Это был Хоскинс — межпланетный контрабандист. Он принес с собой тяжелый мешок и недовольную ухмылку.

— Плохие новости, ребята, — сказал он, опуская мешок на пол. — С Венеры больше ничего не будет. Они устроили планетные патрули и ужесточили портовые проверки. То-ни поймали, а с ним и его корабль, на котором были товары для вас. Его бросили в кутузку, а товар сожгли. Это значит, что у вас больше не будет коры снукера, жуков-гизлеров, дынь тванги-тванги и всего прочего. Шан Ди бросил работу, а значит у меня больше нет поставщика. Я бросаю дела. Извините.

— Для нас нет *ничего*? — спросил потрясенный Паркс.

Он был абсолютно уверен в том, что лекарство от дрожи кроется в органических объектах с Венеры, где и зародилась эта болезнь. Именно там должны быть естественные враги вируса. Однако позже начали появляться другие венерианские болезни, и карантинная служба установила более жесткое эмбарго. Без контрабандной органики у него с Максвеллом будут связаны руки.

— У меня есть это, — сказал Хоскинс, открывая мешок. — Это не совсем то, что вы обычно заказывали, но этот товар появился у меня случайно и я хочу избавиться от него. Это добыча из храма Томбов, который когда-то ограбил Шан Ди. Товар должен был отправиться в музей, но он ворованный, а в музее задают слишком много вопросов. Может, он вам понадобится.

Он запустил руку в мешок и достал маленькую статуэтку. Это была искусно выполненная нефритовая статуэтка кофейного цвета. Она была изготовлена из Священного

камня томбовианцев, и считалось, что сделал его сам Томбов. Фигурка представляла собой толстого божка томбовианцев, сидящего на троне и сложившего свои пухлые руки на животе. На шее у него висело ожерелье из жемчуга, а голова была покрыта болотными лилиями. Лилии росли вокруг трона. Они были выкрашены в приятный зеленый и бледно-желтый цвет.

— Шан Ди сказал, что это томбовианский Бог Здоровья, а храм находился в болотах Ангра, где племена Ангра проводят свои оргии.

— Ага, — ответил Паркс. — Видевшие эти оргии люди говорили, что это не самое приятное зрелище. Нет, нам это не нужно.

— Не знаю, — неуверенно сказал Максвелл. — Бог Здоровья, говоришь? Хм-м-м. Подумай. У большинства томбовианцев иммунитет к дрожи. По крайней мере, он у них был, пока там не появились наши первопроходцы. Может, стоит изучить статуэтку. Сколько?

— Для вас — нисколько, — сказал Хоскинс. — Вы были хорошими клиентами. Считайте это подарком. Но вот за это придется заплатить.

Он вновь запустил руку в мешок и достал оттуда полную пригоршню прекрасных переливающихся шариков. Они были размером с шар для гольфа и были похожи на мыльные пузыри — тонкие, хрупкие и переливающиеся всеми цветами радуги. Осмотрев один из них, Максвелл обнаружил, что они достаточно крепкие, хоть и почти невесомые. Судя по всему, они были сделаны из какого-то невероятно прочного кристалла.

— Что это?

— Наверное, драгоценные камни, — пожал плечами Хоскинс. — Они тоже из храма. Шан Ди сказал, что они висели на шее какого-то идола. Ожерелье было сделано из этих камней и травы. Видишь, на статуэтке изображено такое же ожерелье.

Максвелл, нахмурившись, посмотрел на камни. Хоскинс сказал, что они стоят тысячу. Это была большая сумма, но что такое деньги для людей, приговоренных к страшной и мучительной смерти? Эти шарики были как-то связаны с оздоровительными ритуалами томбовианцев, а дикий Томбов, который был ужасным чудовищем, обладал прекрасным здоровьем. Умирили только цивилизованные. Вряд ли камни обладали какими-то оздоровительными характеристиками, но они были из храма. Значит, они были символом чего-то и могли оказаться разгадкой к тайне.

Максвелл открыл ящик и положил туда камни.

— Выпиши чек, Паркс. У меня предчувствие.

Паркс, все еще не отошедший от судорог, послушно кивнул. Когда Хоскинс ушел, они вытащили сферы из ящика и начали осматривать их. Потом они поделили обязанности, и каждый занялся своим делом.

Они проводили тесты, результаты которых были не обнадеживающими. Яркие шарики были кислотостойкими, ударопрочными и невероятно твердыми. Максвеллу удалось распилить один из них. Они были пустыми внутри. Однако когда пила пробила внешний слой, из шарика вышел какой-то газ. Парксу удалось взять образец неприятно

пахнущего газа, анализ которого привел его в замешательство. Органические газы Венеры обладали крайне сложной молекулярной структурой.

— Эй, — вскрикнул Максвелл некоторое время спустя, поднимая глаза от микроскопа. — У меня тут есть немного пыли, оставшейся от распила шарика. У нее не кристаллическая структура. Она имеет клеточную структуру. Это точно не минерал, но и не растение или животное. Во всяком случае, не в той форме, к которой мы привыкли. Это просто...

— Венерианская органика, — закончил за него Паркс.

Все живое на Венере было сплошной головной болью для исследователей. Четких границ между флорой и фауной не существовало, а бывало и так, что и растения, и животные смешивались даже с минералами. По сравнению с венерианскими жизненными циклами даже репродуктивный процесс земной амобы казался элементарным. Паркс знал об одном из таких циклов: водяной муравей оплодотворялся, прикрепляясь к коже угрей, которые потом выползали на землю и откладывали яйца, которые потом превращались в мох. Странные птицы без перьев ели этот мох и у них развивались кишечные паразиты. Эти паразиты покидали тело птиц и превращались в ползающих муравьев, у которых затем развивались крылья и они отправлялись в океан. Это был обычный венерианский симбиоз: муравьи были нужны для выживания угрей и птиц. И все они были друг для друга и пищей и носителем. Ученые, пытавшиеся проследить этот процесс, потерялись в многообразии различных вариантов.

Максвелл и Паркс посмотрели друг на друга.

— Ничего другого нам не остается, — сказал Максвелл. — Хоскинс больше ничего не привезет. У нас есть только это. Я хочу знать, почему у диких томбовианцев не бывает дрожи и почему лилии для них священны. Я хочу знать, что это за шарики. Мы летим на Венеру.

Прибытие в порт Ангра было невеселым. Руки и ноги опухли от большого количества профилактических уколов. Более того, им пришлось отказаться от большинства своих гражданских прав. Несмотря на любые предосторожности, белым людям редко удавалось продержаться на Венере более трех месяцев без того, чтобы не подхватить какой-нибудь вирус, каждый из которых навсегда закрывал им дорогу на стерильную Землю. Именно поэтому люди приезжали на Венеру на свой страх и риск, заранее снимая ответственность с государства и всех тех, кому они были небезразличны.

У их попутчиков дела обстояли не лучше. Некоторые из них были отчаявшимися учеными, как и они сами, которые бились над той же проблемой на протяжении многих лет. Другие были миссионерами, которые прибыли на планету, чтобы отпустить грехи тем, кто пробыл здесь уже больше трех месяцев. Среди пассажиров были работники карантинной службы и Радиоактивного Синдиката, которые должны были сменить тех, кто работал на урановых шахтах. Большинство из них относилось к своим обязанностям с неподдельной неприязнью.

Корабль прошел сквозь горячий и удушающий желтый туман и приземлился на поляне, расчищенной посреди

джунглей. Их ожидала удручающая картина — множество потрепанных белых палаток с изображением Красного Креста. Посреди мусора валялись люди, к которым прилетели миссионеры. Они были совсем не похожи на тех людей, какими они были всего несколько недель назад. Многие из тех, кто пришел в порт, были лишь слабой тенью людей. Смогут ли они вернуться домой, зависело от врачей.

— Вот так местечко, — пробурчал Паркс.

— Когда на тебя снова нападет дрожь, — мрачно напомнил Максвелл, — тебе будет все равно. Любое место, в котором ты окажешься, будет таким же.

Он осмотрел шеренгу прирученных томбовианцев, терпеливо стоящих возле расставленных стульев. Они были носильщиками, рабами в этой дыре. Они были тощими и их била мелкая дрожь. Они тоже были больными. Им было еще хуже, чем белым. Считалось, что использование паракобрина на землянах приносит прибыль, но тратить ценное лекарство на аборигенов никто не собирался. Болота были полны аборигенов и возможность получить табак — единственный неместный товар, которые они ценили — позволяла пополнять ряды рабов снова и снова. Максвелл увидел, как один из носильщиков забился в конвульсиях и с криком упал на грязную землю. Никто не заметил этого. Это зрелище было слишком привычным. Может быть, завтра мусорщики уберут труп.

Томбовианцы были гуманоидами, очень похожими на человекообразных обезьян с Земли. Характерным отличием аборигенов были ноги. Плоские и широкие ступни позволяли легко передвигаться по грязи. Благодаря плоским

ступням, томбовианцы распределяли вес тела по большой поверхности и легко ступали по тонкому слою, покрывающему болота. Их ступни были похожи на утиные, с перепонками, соединяющими длинные пальцы.

К кораблю подошел начальник порта и приказал принести носилки для людей и их оборудования. Он выкрикнул резкий приказ на томбовианском языке, и носильщики молча подняли носилки и унесли их.

Несмотря на плохую видимость, поездка понравилась Максвеллу. Было что-то особенное в том, что тебя несли на плечах десятки бегущих рабов. Он был восхищен обильной растительностью, которую он видел вокруг. Его окружало бесконечное множество самых различных видов жизни — потрясающий простор для научных исследований. Если учесть уровень смертности людей, то человечеству, скорее всего, никогда не удастся изучить все венерианские формы жизни. Животные, если это были животные, которые иногда появлялись в поле зрения, были такими же удивительными, как и цветущие лианы или дымящиеся кусты и деревья, издающие металлический треск.

Хорошее самочувствие покинуло Максвелла, как только их караван вышел на поляну и двинулся вдоль низкой глиняной стены. Над зданиями, укрывшимися за стеной, развевался грязный флаг ОМ — Объединенной Миссии. Ученый увидел загоны, в которые сгоняли новых томбовианцев, где их должны были «подготовить» к рынку рабов. Земляне не могли выжить и работать в этом ужасном климате, поэтому им приходилось использовать аборигенов. Именно они добывали уран, занимались строи-

тельством и транспортировкой. Язычники-томбовианцы не подходили для такой работы. Они были слишком неподатливыми.

Максвелл цинично подумал о статистике, о тех тысячах аборигенов, которые ежегодно проходили через жернова освобождения. Это решение не было принято евангелистами. Это была экономически обусловленная необходимость. Все земляне, вне зависимости от вероисповедания, были согласны с тем, что томбовианцы были ленивыми, развратными и безответственными подлецами. Дикие аборигены были закоренелыми лгунами и прирожденными ворами. Если им что-то не нравилось, они пытались сразу убить виновного, и используемые ими методы были не самыми приятными. Они не видели смысла работать, потому что еды вокруг было достаточно. Они были очень сильными и крепкими, поэтому физические наказания не пугали их. Их философию можно было приравнять к нулю, поэтому абстрактными понятиями достучаться до них было тоже невозможно. Таким образом, чтобы сделать их полезными, *нужно* было обратить их в христианство.

Поворот дороги оставил позади миссионерское поселение и его ненавистную пристройку — рынок рабов. Впереди показались отдельные хижины города Ангра. Они прошли сквозь обязательный лазарет с одетыми в белое работниками и стеной плача. Затем они остановились возле низкого здания, на котором было написано:

Бюро Исследовательского Координирования

Дежурный врач был изможденным, болезненным мужчиной с мрачными глазами. Безнадежное выражение лица не изменилось даже тогда, когда Максвелл поведал ему о своей теории. Когда Максвелл закончил рассказ, врач покачал головой.

— Несбыточная мечта, — сказал он, — только время потеряешь. Другие приходили на Венеру и были уверены в том, что иммунитет к дрожи развивается у томбовианцев благодаря тому, что они едят или пьют. Все это уже было изучено сотни раз. Изучали даже вонючий болотный воздух, которым они дышат. Результаты всегда были негативными. Не существует практически никакой разницы между нашими типами крови и типами крови томбовианцев. Реакция на витамины у них такая же, как и у нас. Мы считаем, что иммунитет томбовианцев представляет собой элементарный естественный отбор. Современные обитатели болот являются потомками тех, кого болезнь не могла убить. Именно это и является причиной их иммунитета.

— Чушь, — сказал Максвелл, которого уязвило негативное отношение врача. — Что становится с их иммунитетом, когда их обращают? Крещение не влияет на антитела. Вы никогда не задумывались о том, что смысл заключается в их тайных ритуалах?

— Религия, — уверенно сказал врач, — это тема, которую я никогда не обсуждаю. И тем более я не собираюсь обсуждать отвратительные ритуалы болотных дикарей. Я хочу вас заверить, сэр, что если бы вы знали томбовианцев так же хорошо, как их знаем мы...

Максвелл фыркнул и отвернулся.

— Пойдем, Паркс. Это очередная глупая история «зна-тока». Если ученый позволяет олепить себя предубеждениями, то он уже не ученый.

В лазарете они попытались выяснить местонахождение Шана Ди, бывшего разведчика, работавшего на Хоскинса. Этот контрабандист говорил, что Шан Ди был обращенным аборигеном, который некоторое время прожил среди белых, а потом снова вернулся к дикарям. Он очень быстро подцепил дрожь, и ему хватило ума сбежать. Тот факт, что он предал обе стороны, сделал его своего рода изгоем. Его терпели, но ему не доверяли. Он успешно работал посредником, потому что именно он был единственным дикарем, который был знаком с землянами, и говорил на их языке, хотя Хоскинс и предупреждал, что говорит тот очень странно.

— Шан Ди? — спросил интерн, удивленно поднимая брови.

Он не ожидал, что уважаемый человек будет спрашивать о таком проходимце.

— Наверное, он в тюрьме, — продолжал молодой человек. — А если нет, то вы найдете его в одном из баров на окраине, сильно перебравшим занкры. Если собираетесь встретиться с ним, то возьмите с собой патрульного. Если обращенный переходит на плохую сторону, то он становится по-настоящему *плохим*.

— Мы справимся, — сказал Максвелл.

Предубеждения, касающиеся томбовианцев, встречались здесь на каждом шагу. Он все еще полагался на рекомендации Хоскинса.

Окраина не была приятным районом. Она была темной, грязной и очень, очень вонючей. Повсюду на грязных маграсах лежали белые, которые не могли попасть домой. Для окружающего мира они уже были мертвы, хоть их мускулы и подрагивали от редких судорог. Они решили облегчить свою судьбу именно таким образом — они решили пойти по пути занкры. Занкра не являлась лекарством, но она облегчала боль. Занкра представляла собой смесь протомезила и активных алкалоидов. Это средство было очень дешевым. И целую тыкву — а занкра представляла собой ее сок — можно было купить примерно за одну медную монету. Когда Максвелл и Паркс зашли внутрь, кто-то как раз решил почать новую тыкву. Возле двери они увидели аборигена, который в тот момент делал дырку в тыкке, чтобы протиснуть внутрь трубочку.

— Мы друзья мистера Хоскинса, — сказал ему Максвелл. — Где нам найти Шана Ди?

Томбовианец внимательно посмотрел на белого, как будто сомневаясь в чем-то, а потом сказал:

— Я Шан Ди.

Максвелл также внимательно смотрел на аборигена. Ученый с радостью обнаружил, что парень кажется наверняка здоровым. У него не было даже остаточных судорог, которые все еще проявляются после приема паракобрина. Однако, плечи и руки Шана Ди были свидетелями того, что когда-то и он был жертвой дрожи. Они были покрыты шрамами от укусов — это был явный признак болезни, которая не подвергалась лечению. Шрамы были очень старыми и подтверждали то, что хотел знать Максвелл. Шан

Ди явно излечился. Он сделал то, что считалось невозможным. Но как? Вернувшись к своей языческой культуре?

Шан Ди был непростым парнем. Плохо было уже то, что он разговаривал на очень ломаном английском, которому его научили первые миссионеры. К тому же он был очень подозрительным, упрямым и изворотливым. Вопросы Максвелла сразу навели его на мысль о том, что он знает об ограблении храма. Шан Ди прекрасно понимал, что если об этом узнают томбовианцы, то его обязательно ждет ужасная смерть.

— Не понимать, почему цветок лилии тебе хорошо, — повторял он, отводя глаза. — Томбовианцы не едят. Томбовианцы носят. Цветок лилии нехорошо для землян. Канкилона выходить из цветка лилии. Земляне канкилона не любить. Земляне священники говорить — канкилона ужас... ужасный монстр. Земляне хотеть убить все канкилона. Канкилона умирать, томбовианец умирать. Умирать нехорошо для томбовианцев. Всем хорошо, если земляне не видеть канкилона.

Вот так. Это нельзя было прояснить никакими вопросами. Им предстояло догадаться, что это был за «ужасный монстр» — канкилона. На Венере это могло оказаться чем угодно — начиная от обычной мухоловки и заканчивая огнедышащим драконом. Понятно было лишь одно — между лилиями и монстрами существовала связь, и миссионеры этого не одобряли. Было ясно и то, что монстры были необходимы для жизнедеятельности томбовианцев.

Вопросы об искрящихся шариках, наполненных газом, ничего не прояснили, хотя позже в ответах появился

смысл. Шан Ди отчаянно пытался уклониться от ответа и было очевидно, что он наврал Хоскинсу об этих шариках.

— Маленькие светящиеся шарики не драгоценные камни, — признался он наконец. — Маленькие светящиеся шарики — нехорошо. Маленькие светящиеся шарики один день красиво... шесть-восемь дней... нет маленькие светящиеся шарики. Совсем нет. Может быть, маленькие светящиеся шарики папа-папа канкилона.

— Он врет, — сказал Паркс. — У нас в сейфе их восемнадцать. Мы изучали их дольше недели, и ни один из них не исчез. Я бы сказал, что они очень даже постоянные.

Шан Ди отказался углубляться в эту тему. Максвелл отметил связь шариков с загадочным канкилона, на которую намекнул туземец, но не стал обращать на это особого внимания и перешел сразу к делу. Сможет ли Шан Ди сделать так, чтобы они смогли поприсутствовать на одной из оргий томбовианцев?

Шана Ди охватил ужас. Храмы томбовианцев всегда были табу для землян. Они были табу даже для самих томбовианцев, включая жрецов, за исключением тех дней, когда проводились церемонии. Томбовианцы не посмеют убить землян, если те осквернят священное место. Они уже были научены горьким опытом. Но о том, что они сделают с Шаном Ди, было даже страшно подумать. Ради них Шан Ди был готов воровать, заниматься контрабандой и даже убивать, если земляне смогут предложить достаточно табака, однако на такое он пойти не мог.

— Разве жрецы Томбовианцев не любят табак? — вкрадчиво спросил Максвелл.

Это был именно тот вопрос, который нужно было задать. Он попал в цель. Шан Ди задумался. Он посасывал занкру и загибал пальцы, считая в уме. Наконец он решился.

— Может быть так, — все еще неуверенно ответил он. — Может быть Томбов жрецы разрешать Шан Ди прятать землян на стороне храма, но жрецы не давать землянам заходить в храм Томбов. Земляне не любить видеть канкилона. Земляне болеть. Земляне пукум. Земляне сходить с ума. Земляне уничтожать храм Томбов. Земляне в храме нехорошо. Лучше земляне прятаться снаружи.

Оба ученых клятвенно пообещали, что будут незаметно наблюдать со стороны. Они будут воплощением скрытности. И заплатят любую разумную цену. Они не насмеялись над чужой религией и не были реформаторами. Они лишь хотели раскрыть секрет здоровья томбовианцев. Шан Ди успокоился. Он даже заулыбался.

— Жрецы Томбов лучше жрецы-земляне. Томбовианец хочет долгая жизнь *сейчас*, на болоте. Томбовианец не хочет долгая жизнь *потом*, в раю. Рай нехорошо. Очень далеко. Болото лучше.

Паркс и Максвелл улыбнулись. В конце концов, они не могли винить этого беднягу. Как религиозная доктрина, которую им преподносили, могла оправдать тяжелый труд и страдания? Лучше быть здоровым сейчас, а они пусть надеются на свой рай. Они не стали спорить, а принялись подсчитывать количество табака, которое Шан Ди посчитал необходимым. Чтобы добраться до того места, где проводился Праздник Долгой Жизни, им понадобилось три недели — тяжелейший путь, который они частично проде-

лали пешком, а частично на каноэ. Шан Ди показал им отметки, которыми была ограждена священная земля. Через три дня их должны были убрать. Однако до этого обычным томбовианцам было запрещено пересекать эту невидимую черту. Шан Ди при этом направил их утлую лодчонку прямо в священные земли. Он позаботился о своем прибытии. Он провел лодку мимо треног из тонких веток, которые были украшены черепами. Мутная лагуна сужалась. Они проплывали между двумя полями лилий. Шан Ди объяснил, что лилии растут не везде и наказанием за воровство лилии на священной земле была смерть.

Максвелл с интересом изучал растения, но обнаружил мало отличий от их земных сородичей — венерианские лилии были крупнее и имели желтый цвет. А затем он увидел ужасных монстров, которые ползали среди лилий. Вначале он видел их лишь краем глаза, а теперь рассмотрел одного из них во всей красе. Он был похож на гигантского тарантула — круглое дрожащее тело размером с баскетбольный мяч было полностью покрыто блестящими волосками. У него было несколько волосатых лап, каждая из которых заканчивалась когтем. У монстра также были уродливые острейшие клыки, с которых капал зеленоватый яд. Над клыками расположилось несколько светящихся глаз, жутко переливающихся красными и фиолетовыми оттенками.

— Канкилона, — сказал Шан Ди.

Паркс вздрогнул. Не хотелось даже смотреть на этих монстров. Шан Ди говорил, что томбовианцы *едят* их?

Лагуна обмелела и сузилась. Шан Ди быстро причалил к болотистому берегу. Это был остров, на котором распо-

лагался храм. Они вылезли на берег и спрятали каноэ под широкими листьями растущих на острове кустов. Взяв все вещи, они направились в глубь острова.

Они вышли на поляну, окруженную высокими болотными кипарисами, под которыми расположились сотни маленьких хижин. Вдалеке стоял храм — впечатляющее строение из серого камня. Впечатляющим было и то, что ближайшие камни можно было найти лишь в нескольких сотнях миль от этого места. Лишь истинная преданность могла заставить аборигенов принести сюда эти тяжелые камни. Огромные двери храма были закрыты и заперты. Вокруг не было ни души.

Шан Ди не обращал на это внимания и занялся обустройством укрытия. Он построил для них хижину, состоящую из двух комнат. Хижина стояла в стороне от остальных. Шан Ди был изгоем, но его терпели. Ему разрешили присутствовать на празднике, но он должен был держаться подальше от истинно верующих. Благодаря статусу Шана Ди, земляне могли жить в дальней комнате и следить за происходящим через потайные отверстия. Шан Ди же будет флегматично сидеть в дверях и поэтому никто не посмеет приблизиться к неприкасаемому. Шан Ди сказал, что они увидят всё, что необходимо. А затем наступит ночь и кульминация Праздника. К тому моменту томбовианцы уже будут пьяными в стельку и не заметят, что кто-то наблюдает за ними из темноты.

Максвелл и Паркс разложили снаряжение. Они прихватили с собой еду в брикетах и табак, который предназначался жрецам. Они также не забыли и научное оборудо-

вание: мерные стаканы, пробирки, реактивы и multifunctionальную спектрографическую камеру. Однако самым важным был запас паракобрина. Паркс быстро терял силы и укол ему был необходим практически каждый час. Они уложили лекарство в надежное место и стали ждать.

Вся последующая неделя оказалась не особо интересной. В первые несколько дней томбовианцы прибывали в поселок. Все они были перепачканы болотной грязью с головы до ног. Они приводили своих женщин и детей и тащили огромное количество тыкв занкра. Каждая семья селилась в своей хижине, а затем приходила на встречу племени. Эта встреча была такой же, как и любая другая встреча варваров в любом другом уголке Солнечной системы. Она сопровождалась монотонным боем барабанов, дикими плясками, а также большим количеством еды и выпивки. Нередко встречались абсолютно пьяные аборигены, однако в течение первых пяти дней все это было похоже лишь на дружескую встречу. Жрецы показались лишь на пятый день.

После этого все изменилось. Храбрые томбовианцы больше не лежали пьяные до беспамятства прямо на земле до самого полудня. Они работали. Их женщины также работали.

Они уходили в болото, шлепая по воде своими плоскими ногами. Мужчины несли странные сети, сплетенные из гибких тонких лиан. За ними шли мальчишки, державшие в руках клетки, сделанные из прутьев. А женщины собирали лилии. Они методично обрывали лепестки и листья, оставляя лишь черенок и сердцевину. Мужчины вернулись толь-

ко к вечеру, и Максвелл понял, чем они занимались. Они вернулись с сотнями пойманных канкилона. Паукообразные существа, недовольные тем, что их посадили в клетки, издавали ужасные звуки. Жрецы открыли двери лишь для того, чтобы забрать пауков. Затем двери снова закрылись.

Так продолжалось еще три дня. Когда болото опустело и там не осталось ни одной лилии и ни одного паука, Максвелл сделал потрясающее открытие. На несколько минут в день сквозь толстый слой облаков пробивалось солнце — редкий случай на Венере — и в это время происходило чудо. Илистая поверхность превращалась в море света. То, что Хоскинс продал ему, выдавая за драгоценные камни, лежало повсюду и сияло в солнечных лучах. Шариков вокруг было столько, сколько сухих листьев в осеннем лесу. Затем небо затягивалось облаками и удивительный огонь угасал.

— И что ты думаешь об этом? — спросил Паркс, удивленно озирающийся вокруг. — Это могут быть семена лилий?

— Вряд ли, — ответил Максвелл. — Они слишком легкие и хрупкие. Чтобы прорасти, семена должны пройти в землю. А эти штуки даже в воде плавают.

Наконец наступил последний день Праздника. Мужчины и женщины облачились в торжественные одежды из лилий. На них были венки, гирлянды и головные уборы из листьев. При этом они пили огромное количество занкры. Во второй половине дня они танцевали, а к вечеру хор пьяных голосов превратился в дикий вой. Затем ворота храма открылись и внутри загорелись факелы.

— Скоро друзья Хоскинса увидеть пир канкилона, — заметил Шан Ди.

Он был взволнован, словно сожалел о заключенной сделке.

— Нельзя жрецы позволять вас видеть, — предупредил он. Максвелл и Паркс повторили свое обещание.

Примерно около полуночи они решили, что аборигены уже настолько пьяны, что ничего не замечают. Максвелл и Паркс выскользнули из своей хижины и направились через поляну к храму, пытаясь не наступить на лежащих повсюду томбовианцев. Они остановились возле дверей храма и заглянули внутрь. Оргия была в самом разгаре. Они увидели пир. Двое служителей храма отрывали лапы канкилона и протягивали орущее существо жрецу. Высший жрец принимал канкилона и резкими движениями вырывал у него клыки. Он складывал клыки в корзину, стоящую у главного идола. Труп паука жрец бросал визжащим аборигенам. Начиналась возня, слышался крик разочарования, когда не успевший абориген видел, как более быстрый соплеменник вонзается зубами в мешок с ядом.

Паркс схватил Максвелла за руку.

— Я... Мне нужно вернуться в хижину, — задыхаясь, сказал он.

— Что случилось? — резко спросил Максвелл. — Не можешь смотреть? Мы же не слабонервные миссионеры.

— Э-это не то. Я забыл про укол. Смотри, как трясет. Ты оставайся. Я мигом.

Максвелл отпустил его. В этом не было ничего необычного, а он не хотел упустить ни одну деталь проводимого

ритуала. Он проводил взглядом исчезающего в темноте Паркса и начал поворачиваться обратно к храму.

Он не закончил поворот. Его обхватила сильная рука, а вокруг ног обвилась чужая нога. По плоским ступням он понял, что попал в лапы томбовианца. Затем он услышал насмешливый голос. Это был голос Шана Ди. Шан Ди был очень пьян. От него воняло занкрой.

— Землянин хотеть длинную жизнь, да? — с насмешкой спросил абориген. — Окей, окей. Землянин получать долгую жизнь. Землянин получать сок канкилона.

Максвелл почувствовал, как под дикий хохот обезумевшего томбовианца, его тянут назад. На его лице оказалось волосатое нечто. Он не мог дышать. Он отбивался и попытался закричать. Шан Ди именно этого и хотел. Зубы Максвелла прорвали мягкий мешок с ядом канкилона. В рот полилась отвратительная, вызывающая тошноту маслянистая жидкость. Она лилась по щекам и плечам. Максвелл чувствовал себя оскверненным и грязным. Он хотел умереть на месте. А затем с ним что-то произошло.

В одно мгновение исчезли и тошнота, и отвращение. На их место пришло возбуждение, экстаз, которого он никогда не испытывал. Он больше не был больным человеком и никогда им не станет. Он был силен и здоров — чемпион среди чемпионов. Жизнь была прекрасна. Он должен был выразить это чувство. Максвелл издал боевой клич, потрясший поляну. Затем всё закружилось. Огни то загорались, то потухали. Крики внутри храма стихли, как будто он оказался далеко от них. Больше Максвелл ничего не помнил.

Он проснулся, когда зарождалось утро следующего дня. Он лежал лицом на земле за пределами храма. Какое-то время он не шевелился, ожидая приступа головной боли. Ужасная интоксикация, о которой он вспомнил, должна была принести с собой головную боль, причем самую ужасную. Но голова не болела. Не было неприятного вкуса во рту. Максвеллу пришлось признать, что чувствует он себя хорошо, что в сложившихся обстоятельствах было удивительным. Он даже подумал о том, не сошел ли он с ума. Он осторожно встал, ожидая появления судорог. Дрожи не было. Он был совершенно здоров. Он перестал волноваться и быстро вскочил на ноги, тут же пожалев об этом. Его голова обо что-то ударилось, после чего сразу последовал грохот. Он удивленно уставился на то, что упало. Это были три палки, концы которых были связаны веревкой. На него с мертвой улыбкой уставился череп. Ночью кто-то построил над ним эту конструкцию — предупреждение о том, что он табу, что он проклят!

Максвелл бросил взгляд на храм. Двери были закрыты и заперты. На поляне также было пусто. Хижины опустели, аборигены ушли. Праздник завершился. Теперь все было табу. Часы Максвелла говорили, что наступила вторая половина дня. Он проспал не одну ночь.

И тут он вспомнил о Парксе и его сердце дрогнуло. Паркс сказал, что вернется. Где он? Шан Ди напал и на него? Максвелл огляделся, но никого не увидел. Он начал ходить кругами по поляне.

Он резко остановился возле хижины. Там стояла еще одна тренога. Но это было еще не всё. Рядом торчала палка

с отрубленной головой томбовианца, а примерно в футах от палки были разбросаны обглоданные кости — почти человеческие кости. Голова принадлежала Шану Ди. Это означало, что Шан Ди нарушил закон и понес наказание. Это было жутко. Максвеллу стало страшно от того, что может оказаться внутри хижины.

В хижине все было очень плохо. Обе комнаты представляли собой неразбериху из уничтоженного имущества. Большая часть научного оборудования была безнадежно испорчена, а пищевые брикеты были перемешаны с химикатами. Весь табак исчез до последней щепотки. Но хуже всего было то, что помещение пропиталось запахом паракобрина. Объяснение нашлось быстро — разбитые ампулы и сломанные шприцы. Грабители, подобно нацистам, уничтожили все, что не представляло для них никакой ценности.

Однако в тот момент Максвелла это не волновало. Он хотел найти Паркса. И он нашел его под кучей разорванной одежды. Максвелл снял с него изодранные вещи и с подавленными чувствами опустился перед ним на колени. Он чувствовал себя убийцей, потому что Паркс не хотел отправляться в эту безнадежную экспедицию. Именно Максвелл настоял на поездке. Напряженное лицо Паркса было мертвенно-бледным, а сутки неконтролируемых конвульсий истощили тело так, как этого не могли сделать появляющиеся несколько раз в неделю судороги. Паркс не успел сделать укол, и болезнь прогрессировала. Максвелл должен был предвидеть это и вернуться в хижину вместе с

ним. Теперь уже было поздно. Паракобрина больше не было. К утру Паркс умрет. Максвелл несколько минут сидел на полу, бичуя себя за содеянное. Он был охвачен неприятными мыслями. Затем неожиданно его осенило. Но ведь он сам пропустил не меньше двух укусов! Все еще не веря в это, он вытянул вперед обе руки. Он не заметил и намека на дрожь. Как... почему...

В следующий же миг Максвелл вылетел на улицу и начал обыскивать другие хижины. Скоро наступят сумерки, поэтому нельзя терять времени. В одной из хижин он нашел сеть для канкилона. В другой он обнаружил сломанную клетку, которую ему удалось быстро починить. И он направился к краю болота.

Максвелл быстро понял, что ловить хитрых канкилона живьем нужно группой. Первые пауки, которых он заметил, быстро ускользнули от него. Четвертый кружил вокруг и яростно отбивался. Максвеллу было не до игр. Если паук умирает, то его яд теряет свою силу? Он не знал этого. Но он знал, что должен добыть яд, даже *любой* силы, как можно быстрее. Он воткнул нож в монстра и смотрел, как он умирает. Так как никакой емкости у него с собой не было, он оторвал кусок рубашки и смочил его в яде, после чего сразу же побежал к Парксу.

— Открывай рот, старик, — попросил он, но ответа не услышал.

Максвелл открыл челюсти напарника и заблокировал их веткой. А затем, капля за каплей, он начал выжимать маслянистую вонючую жидкость в рот Парксу. Тот поморщился и попытался отвернуться, но был ещё слишком

слаб. Он был вынужден проглотить яд. Максвелл выжал последние капли и стал ждать.

К счастью, реакция была быстрой. Всего за несколько секунд едва ощутимое дыхание Паркса стало ровным и у него уже можно было нащупать пульс. Напряженные до предела мышцы шеи расслаблялись, черты лица стали естественными, а кожа порозовела. Через некоторое время Паркс заснул. Максвелл осторожно осмотрел его с головы до ног. Судорог не было. Даже легких. Максвелл облегченно вздохнул. Затем он зажег факел. Он должен был собрать остатки пищевых брикетов.

Новое лекарство было чудом, но выздоровление Паркса шло медленно. Либо потому, что болезнь зашла слишком далеко, либо потому, что яд был не совсем свежим. На полное выздоровление понадобились недели, а не часы или дни, и в это время Максвелл мог вести наблюдения.

Он внимательно следил за болотом. Он хотел узнать, что случится с яркими шариками. Шан Ди говорил, что через некоторое время они исчезнут. Он надел сапоги, собрал несколько светящихся сфер и положил их в хижину. Он каждый день нес караул на краю поляны.

На протяжении недели не происходило ровным счетом ничего. А потом наступила очередная ночь. По чистой случайности в эту ночь Максвелл не мог заснуть и вышел на поляну, чтобы подышать свежим воздухом. Именно тогда он увидел переливающийся фиолетовый свет, который пронизывал все болото. Казалось, что лужи наполнены жидким антрацитом, который освещается мигающим го-

лубоватым пламенем. Максвелл вернулся в хижину, надел сапоги и взял факел. Он начал изучать.

Он обнаружил миллионы медленно ползающих существ, отдаленно напоминающих утконосов. Многие из них ели стебли лилий, однако большинство из них просто лежало на земле, словно в трансе. Все они смотрели на светящиеся шарики. Именно их светящиеся фиолетовые глаза были причиной такого необычного освещения. Однако Максвелла это не удивило. У большей части представителей венерианской фауны были светящиеся глаза. Удивило его то, какое влияние на шарики оказывал этот фиолетовый свет. Они уменьшались в размере. Они превращались в камешки, твердые и достаточно тяжелые. А затем они исчезали. Лишь небольшие пузырьки говорили о том, что в этом месте шарик утонул в трясине. Максвелл успел подхватить несколько шариков до того, как они исчезли.

На следующий день он разрезал один из них. Теперь это было семя, возможно — семя лилии. Это был еще один интересный пример хитрости Природы. Было очевидно, что на первых стадиях развития семя было неплодоносным, поэтому его легкость и форма позволяли ему оставаться на поверхности болота. Затем, подгоняемые симбиотическим инстинктом, странные утконосы притягивались к шарикам и каким-то образом делали семена плодородными с помощью своих фиолетовых глаз. После этого семена опускались в трясину, где и прорастали.

Максвелл хотел подтвердить свою теорию. На следующую ночь он вернулся на болото хорошо подготовленным. Он прихватил с собой связку сухих веток и спектрографи-

ческую камеру. Он снял на камеру фиолетовый свет и рассчитал длительность его воздействия. Затем он отметил сухими ветками несколько мест, где появлялись пузырьки. Если там появятся лилии, то эти сферы — семена лилий. На следующий день он превратил свою камеру в проектор. Он воссоздал свет утконосов и направил его на шарики, которые принес в хижину в самом начале. Они тоже превратились в семена. У него появились первые доказательства. Затем он посадил семена в заранее подготовленном месте.

Паркс медленно выздоравливал. Максвелл находил новых пауков, но с каждым днем их становилось все меньше. В один день он не смог найти ни одного. Судя по всему, Праздник проводился именно тогда, когда их здесь было больше всего. Когда появятся новые и откуда они придут? Максвелл задумчиво посмотрел на кучу паучьих трупов, лежавших перед хижинкой. Он надеялся узнать хоть что-то о репродуктивной системе канкилона.

Все шарики, которые он разрезал, содержали в себе семя. Кроме одного. В этом шарике он обнаружил нечто, похожее на яйцо. Но ведь эти шарики были яйцами канкилона! Он получил еще одно звено в жизненном цикле пауков. Ему оставалось лишь ждать.

Он должен был ждать. Паркс выздоравливал, но он все еще не мог отправиться в обратный путь. На обратном пути у них уже не будет помощи Шана Ди. Максвеллу было интересно, оставили ли обозленные жрецы их каноэ. Он решил проверить.

Лодка осталась там, где они ее спрятали. Максвелл опустил ее на воду и проверил. Он попытался научиться управлять ею, и выплыл далеко от лагуны. Подплыв к запрецающим треногам, которые окружали плантацию лилий, он быстро повернул обратно. Прямо за границей запертой зоны находился лагерь томбовианских воинов. Это была неприятная находка.

Однако несколько минут спустя он успокоился. Один томбовианец заметил Максвелла в ту же секунду, как он увидел их. Они долго смотрели друг на друга. Другие томбовианцы поднялись на ноги и тоже безразлично смотрели на Максвелла. Они не кричали и не выражали агрессии. Когда Максвелл развернул каноэ и поплыл обратно к храму, дикари сели на землю, как будто ничего не произошло.

Паркс догадался, для чего нужен этот лагерь. Он уже достаточно окреп, чтобы говорить, и с большим интересом наблюдал за исследованиями Максвелла.

— Эти канкилона — большой секрет томбовианцев. Они уже знают, насколько земляне эгоистичны и как бездумно они используют то, что у них есть. Они не хотят убивать нас. Если бы они хотели этого, то убили бы нас в ту ночь. Но они не позволяют нам вернуться в Ангру с живым пауком или с их яйцами, или с чем-то еще, что представляет для них хоть какую-то ценность. Они выпустят нас живыми, но с пустыми руками.

— Понятно, — мрачно ответил Максвелл. — Они так же, как и мы, знают, что если земляне раскроют секрет яда пауков, то миллионы людей наводнят эти болота и уничтожат этот вид за один сезон. Канкилона слишком мало. Они от-

правятся по пути бизонов и дронтов. И мы окажемся в тупике.

— Верно, — согласился Паркс. — Мы обязательно должны исследовать этот яд и понять, какие элементы позволяют справиться с болезнью. Но всё наше оборудование уничтожено. Если мы не сможем взять с собой образец яда, то всё окажется напрасным.

— Посмотрим, — сказал Максвелл.

Тем временем там, где шарiki уходили в трясину, начали появляться лилии. Скоро растения начнут развиваться. И настанет время нового Праздника. Ученые хотели покинуть это место до его начала. На это была и *другая*, более веская причина. Если они не вернутся в Ангру как можно быстрее, то они превысят шестимесячный срок пребывания на планете. Ничто не убедит глупых работников карантинной службы в том, что Максвелл и Паркс ничем не заболели на Венере.

Когда они забрались в лодку, чтобы отправиться домой, первые лилии уже зацвели. Максвелл подвел каноэ к краю плантации и сорвал одну лилию. Это был странный цветок. В нем не было ни пестика, ни тычинок. Это был бесполой цветок. На одном из лепестков Максвелл заметил небольшое уплотнение. Он разорвал лепесток и обнаружил в нем небольшую опухоль. Он разрезал ее. Оттуда высыпались сотни маленьких черных существ. Это были маленькие канкилона!

— Теперь мы всё знаем. Лилии вынашивают пауков, пауки откладывают яйца, появляются добрые утконосы и яйца превращаются в семена лилий. Вот и всё.

— А еще, — добавил Паркс, — канкилона дают здоровье и *после того*, как они отложили яйца, томбовианцы приходят и съедают этих пауков. Знаменитые сокровища храма — это всего лишь запас семян на случай засухи.

— Засуха на Венере, — рассмеялся Максвелл. — Ты сошел с ума.

Однако он понял, что имел в виду Паркс.

На краю болота их обыскали томбовианцы. Они делали это молча, не проявляли агрессии, но обыскивали их очень тщательно. Обыск лодки не выявил контрабанды. Суровый командир махнул рукой в направлении Ангры. Максвелл опустил весла в воду и направил каноэ вперед.

— Жаль, — заметил Паркс. — Но мы хотя бы излечились. Может быть, в следующий раз нам повезет больше.

— Мы не излечились, — мрачно заметил Максвелл. — Наша болезнь лишь приостановилась. Не забывай, что томбовианцы проводят ритуал дважды в год. Нам повезло больше, чем ты думаешь. И вот доказательство.

Он постучал пальцами по карманному компьютеру, в котором сохранил спектральный анализ фиолетового света.

— Дома, — сказал он, — у нас полно яиц канкилона, и мы знаем, как активизировать их. Первую партию мы посадим во влажной теплице. А потом мы будем расширяться. Мир не должен знать о том, что это будет очищенный яд канкилона. Они, наверное, назовут это вещество Никсиджит, или как-нибудь по-другому.

— Ну что же, — безразличным тоном заметил Паркс, — мне кажется, долина Конго — это не так уж и плохо.

— Все не настолько плохо, как кажется, — сказал Максвелл.

Месяц спустя он пришел к такому же выводу. Они были на пути домой. Они были одними из тех, кто чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы сидеть в комнате отдыха. Рядом с ними сел миссионер.

— Как хорошо возвращаться на Землю, — прохрипел он. — Это был тяжелый крест — работать с этими дикими томбовианцами. Ах! Дикари, погрязшие в суевериях и совершающие ужасные ритуалы. У наших диких племен тоже есть ужасные традиции, но в томбовианской культуре нет ничего хорошего.

— Хм-м-м, — ответил Максвелл, улыбаясь. — Я бы *так* не сказал.

ЛЕНИВЫЙ БОГ

Пять законов Турма

1. Начальник — это НАЧАЛЬНИК.
2. Никаких убийств в племени.
3. Никакого похищения женщин.
4. Женщины делают женскую работу.
5. Мужчины делают мужскую работу.

Оба они были осужденными. Эткинс, естественно, был главным. Он был умным. Второго послали из-за того, что если эксперимент Фрайхофера удастся, то обязательно потребуется грубая физическая сила. Именно поэтому наказание смягчили и Бамми Турмону. Ему было всё равно. Если у него было достаточно еды и возможность спать столько, сколько захочется, то он был доволен.

Да, Эткинс был умным. Возможно, даже слишком умным. Он был третьим среди лучших ученых в мире, где именно ученые занимали очень высокое положение. К сожалению, ему не повезло в том, что он был чрезвычайно самовлюбленным и амбициозным, и поэтому хотел быть первым, а не вторым или третьим. Именно поэтому он по-

пытался украсть формулу Хаммонда и при этом убил охранника. Оба преступления разрушили бы его жизнь, но вместе взятые они привели к тому, что Эткинс получил смертный приговор. Даже Эткинс, какой бы властью он ни обладал, не смог избежать наказания — камера смерти сейчас или двадцать лунных лет. Однако именно в тот момент к старту готовили ракету Фрайхофера, и Эткинс, будучи настоящим ученым, совершившим кражу и убийство, оказался идеальным кандидатом.

Конечно, он согласился. Это была смерть, как ни посмотри, но зато она была не такой медленной и унижающей, как в камере смерти, и не такой долгой и мучительной, как на Луне. К тому же у него был ничтожный шанс выжить. За это он должен был вести подробный дневник первопреходца и попытаться успешно сбросить его на Марс.

У Турмона особого выбора не было. Его участие во всем этом стало прихотью судьи. Совершенное им преступление, если это было преступление, было слегка неопределенным. Он был тунеядцем в мире, где все поклонялись эффективному существованию. Когда он был младенцем, кто-то допустил какую-то ошибку, иначе Турмон бы никогда не покинул ясли. Однако он был здесь — глупый от природы и не признающий работу ни в одной ее форме. Каждый последующий судья делал вывод, что для этого парня не было места в высокоразвитом обществе. Обвинить его могли только в тунеядстве, в чем его и обвиняли ровно сто раз до того, как он встретился лицом к лицу со своим последним судьей. Этот судья оказался приверженцем казуистики.

— Турмон, — сказал он, — я дам тебе еще один шанс. Не хочешь оказаться на корабле, где ты будешь только есть и спать?

— Мне подходит, шеф, — пробурчал Турмон. — Главное, чтобы мне не нужно было таскать тяжести.

Именно так отобрали случайных членов команды *«Небесного посланника»*. Когда ракета отправилась по спирали в разреженную атмосферу Марса, один из них, собранный и внимательный, являлся наблюдательным пунктом во плоти, а другой блаженно похрапывал на своей кровати.

— У нас получится! — прошептал Эткинс самому себе, взволнованно проверяя траекторию полета в тысячный раз.

Затем он рассчитал скорость снижения. Она была слишком высокой, чего он и боялся. Хотя он и учитывал атмосферное торможение. Оставалось лишь одно, и действовать нужно было быстро.

— Поднимайся, болван! — прокричал он спящему Турмону. — Забирайся в капсулу. Будем прыгать.

— Что? — пробормотал лентяй, приоткрыв один глаз.

Эткинс бегал по каюте, собирая всё необходимое. Один большой пакет уже был собран и опущен в желоб в хвостовой части в ожидании спуска. Там было всё необходимое для долгого пребывания в пустыне. Однако Эткинс был слишком предусмотрительным, чтобы полагаться лишь на это. Он хотел иметь кое-что и при себе. Он схватил единственный пистолет и прикрепил его к поясу. Он также взял один фонарик с новыми батарейками, несколько банок с сардинами и флягу с водой. Ему казалось, что

наряду с огромным количеством сухой еды, которая была у каждого из них, этого будет достаточно. По сравнению с огромным Турмоном, Эткинс был щедрым человеком. Кто знает, каково ему будет, когда его охватит жажда?

— Прыгай, бездельник! — приказал Эткинс, хватаясь за пистолет.

— О'кей, о'кей! — огрызнулся все еще заспанный Турмон. Он привык слушаться приказов. Он никогда не сомневался в авторитете того, кто отдавал эти приказы. Напор Эткинса также сыграл свою роль. В следующую секунду Турмон уже был на пути к песчаной бесконечности, раскинувшейся внизу. А еще через секунду за ним последовал Эткинс.

Приземление было достаточно медленным для того, чтобы увидеть заднюю часть ракеты. Она ударилась в коричневый каменистый склон примерно в трех милях от них. За ней все еще тянулся парашют, который должен был доставить экстренный запас на землю. Удар был мощным. Ослепляющий разноцветный огонь, поднимающийся вверх дым и горящая масса, медленно стекающая вниз по склону.

Увидев эту картину, Эткинс выругался и очень обрадовался, что прихватил с собой оружие. Если условия окажутся слишком сложными, то он приберет к рукам еду Турмона. Увидев эту картину, Турмон ничуть не растерялся и чувствовал себя на безжизненном Марсе, как дома. Навстречу Эткинсу летел песок, и он начал маневрировать, чтобы приземлиться помягче, неподалеку от того места, где уже приземлился Турмон. Эткинс уже успел осмотреться. Окружающий его пейзаж был в точности похож на то, как

описывали Марс писатели — планета блуждающих красноватых дюн, раскинувшихся между горной цепью на западе и похожей на ленту лагуной, тянущейся к полюсу, на востоке. Единственным признаком жизни была широкая зеленая полоса, проходящая вдоль блестящего канала. Это означало наличие растительности. А может, даже и животных.

Они приземлились недалеко от воды. В трех милях от них на жаре мерцали горы, испещренные множеством пещер. В противоположной стороне находились трава, кусты и вода. Над головой у них поднималось Солнце — бледный карлик по сравнению с огромным светилом, каким его знали на Земле.

— Сегодня ночью будет очень холодно, — сказал Эткинс подошедшему Турмону. — Нам придется укрыться в одной из тех пещер. А пока давай пойдем к каналу и посмотрим, что там растет.

— О'кей, — пробурчал Турмон.

Ему не нравилось это место. Один песок и острые камни. Здесь не поспишь, да и еды не видно. Он побрел за энергичным бывшим ученым, изредка поругиваясь, потому что горячий песок жег ему ноги.

Примерно через одну милю Эткинс остановился перед следами, пересекавшими их путь. Следы шли с юго-запада и напоминали человеческие следы, уходившие к каналу. Эткинс заметил, что у обладателей этих следов длинные пальцы, а ноги покрыты шерстью. Большой палец был похож на большой палец руки и, судя по всему, также был противопоставленным.

— Здесь есть обезьяноподобные существа, — сказал он моргающему Турмону. — Странно.

— Ага, — прокомментировал его звероподобный спутник.

Он действительно был похож на животное. Низкий лоб, густые брови, крупные глаза, выпирающая челюсть и крепкое телосложение.

«Такие, как ты», — хотел добавить Эткинс, с ухмылкой осматривая похожего на гориллу напарника. Однако пока он не желал провоцировать его. Вместо этого он сказал:

— Надеюсь, они съедобные.

— Ага, — радостно согласился Турмон.

Он ненавидел сухие пайки. Он больше никогда не поведется на сладкие обещания судьи.

Они продолжили путь. Еще через милю они наткнулись на нечто, похожее на руины древнего храма. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это были окаменевшие деревья. Из-под песка торчали стволы упавших деревьев.

— Ага, значит, раньше здесь были деревья, — заметил Эткинс. — Это подтверждает развитие человекоподобных. Если выжили они, то и у нас получится.

Продолжив путь к каналу, он начал думать о возможных вариантах развития событий. В худшем случае на обезьян можно будет охотиться. Если они разумны, то будет даже лучше. Такому сверхсуществу, как Эткинс, не составит труда взять над ними контроль. Он скорчил рожу при мысли о том, что будет королем племени обезьянок, но утешил себя мыслью о том, что это лучше, чем оказаться на Луне.

Через секунду он понял, что на Марсе есть и другие животные. Когда земляне подошли к первому полю, поросшему низкой травой, они обнаружили пасущихся на нем существ, похожих на маленьких лошадей. Как только животные почуяли их, они убежали. Там были своего рода кролики, которые усакали от них. А вдалеке находилось существо, напоминающее свинью. Когда трава стала выше и толще, они увидели своих первых марсиан.

Марсиане отдаленно напоминали человека. Они представляли собой истощенных высоких людей с выступающими ребрами и вздутыми животами. Волос на них было не больше, чем на обычных людях. Рудиментарные хвосты примерно четыре дюйма в длину были единственным, что говорило об их обезьяньем прошлом. Первая группа, которую они заметили, была слишком занята своими делами, чтобы обнаружить появление незнакомцев с другой планеты. Они стояли плотным кругом, крича и яростно жестикулируя. Затем воздух разорвал жуткий вопль и круг рассыпался. Объект охоты ускользнул. Коричневатое животное проскочило в образовавшуюся дыру и убежало. Это был огромный кролик.

— Не заводись, ты их напугаешь, — крикнул Турмон, но было уже поздно.

Эткинс уже выхватил пистолет и прицелился. Турмон, как и Эткинс, понял, что заметившие их обезьянолюди зачарованно смотрели на них. Турмон был другим. Ведя жизнь заядлого тунеядца, он развил невероятное умение оценивать людей. Назовите это шестым чувством, телепатией или интуицией — Турмон в совершенстве овладел

этим умением. Марсиане были дружелюбными, обычные люди, но очень простые. Правильно было бы направиться к ним с широкой улыбкой. Затем позволить им дотронуться до себя, но всё — в свое время. Поторопишь их, и они со всех ног умчатся к холмам.

Именно так и произошло. Эткинс выстрелил невероятно точно. Его целью был убегающий кролик, и выстрел достал его. Кролик сделал последнее сальто и упал замертво. Затем Эткинс подбежал к нему, поднял высоко вверх и показал марсианам. Он хотел показать им, каким прекрасным охотником является, но, повернувшись к марсианам в ожидании одобрения, он никого не увидел. Они бросились в разные стороны с диким визгом.

Турмон покачал головой. Так они ничего не добьются. Эткинс был слишком прямолинейным. Если Эткинс и расстроился, то не показал этого. Он положил тушку рядом с тропой и направился к воде. Это будет их ужин. Время от времени он останавливался и изучал растительность и почву. Почва была глинистой и на ней росло множество растений, доказывая тот факт, что в скором времени Марс станет прекрасной обитаемой планетой. Здесь произрастали зерновые, похожие на пшеницу, а также кукуруза. Повсюду валялись обгрызенные початки и скорлупа. Группа марсиан искала пищу. Судя по всему, они покидали свои пещеры днем и приходили к каналу в поисках еды.

Они подошли к водоему к полудню. Тропа шла на север вдоль канала. По тому, насколько сильно была затоптана трава, Эткинс понял, что тысячи обезьянолюдей ходили здесь, словно стаи саранчи, сгрызая все созревшие зерна.

Там, где они побывали, не оставалось ничего съедобного. Судя по всему, племя было очень голодным. Впрочем, так они и выглядели. Возможно, двое землян смогли бы догнать марсиан намного раньше, если бы Турмон не устроил забастовку.

— Не могу, — пробормотал он, — мои ноги не выдерживают.

Он снял обувь и засунул свои истерзанные ноги в густую жижу канала. Эткинс ругался и даже угрожал ему пистолетом, но Турмон не реагировал.

— Иди, если хочешь. Мне и здесь хорошо, — таким был его ответ.

Еще на корабле Эткинс понял, что у Турмона есть только две скорости — далеко позади и полная остановка. Поэтому он поборол свое нетерпение и ждал.

Несколько часов спустя толпа марсиан приняла «новичков» отстраненным молчанием. Судя по всему, беглые охотники уже успели рассказать о двух странных существах, одно из которых могло убивать на расстоянии вспышкой и громким звуком. Оживленное щебетание обезьянолюдей прекратилось сразу же, как только Эткинс подошел к ним.

— Спокойнее, босс, — предупредил Турмон. — Они примут нас, если ты не перегнешь палку.

Но у Эткинса были свои соображения по этому поводу. Он собирался произвести быстрое и ошеломляющее впечатление. Он протиснулся в самый центр толпы — странное смешение мужчин и женщин всех возрастов, начиная с

младенцев и заканчивая стариками, — к высокому борода-тому существу, которого он принял за главаря обезьян. Он совершил то, что считал проявлением дружеских намерений. Он достал банку сардин и ловко открыл ее, открывая взору вожака ряды маленьких серебристых рыбок. Окружавшие их обезьянолюди ахнули и отступили на шаг с ужасом в глазах. Эткинс спокойно съел содержимое банки, но это не помогло. Окружающие были восхищены, но это была смесь восхищения и страха. Они не убежали. Они не посмели сделать это.

— Босс, я же говорил. Теперь эти люди...

— Ах, заткнись, — раздраженно рявкнул Эткинс. — Неважно как они отреагируют. Главное, указать им на мое превосходство.

Турмон заткнулся. Он знал, хоть и не упомянул об этом, что эти люди были не только охотниками, но и рыбаками. Отмачивая в воде свои большие ноги, он видел, как группа обезьянолюдей, стоявшая по шею в воде, окружала рыбу так же, как другие окружали кролика. Они знали, что такое рыба, и знали, что она не водится в банках без воды и воздуха. То, что сделал Эткинс, слишком сильно походило на магию. Магия не только поражала примитивный разум, но и вызывала недоверие.

Солнце садилось и вскоре племя направилось через пески к холмам, не обращая никакого внимания на незнакомцев. Эткинс настоял на том, чтобы Турмон шел с ним. К утру температура могла опуститься до нескольких сот градусов ниже нуля, заметил Эткинс, а растения, находившиеся вокруг, были слишком зелеными, чтобы стать топливом

для костра. Пещеры были единственным местом, где земляне могли выжить. К тому же, он хотел изучить привычки марсиан на протяжении целого дня. Так он сможет более тщательно разработать свою линию поведения.

— Ага, — сказал Турмон, с неохотой бредя по песку.

В ту ночь Эткинс совершил главную ошибку. Как он и предполагал, марсиане проводили холодные часы в пещерах. Дровесины вокруг видно не было, да она бы и не помогла, потому что Эткинс не позаботился взять с собой спички, ведь он был некурящим. Поэтому не оставалось ничего другого, как сделать то, что делали обезьянолюди — собраться в группы и прижаться друг к другу в поисках тепла.

Из соображений престижа Эткинс выбрал пещеру вожака, в чем и заключалась его ошибка. После того, как Эткинс доказал всем, что он маг, жены вождя посчитали, что он неотразим. Именно поэтому, когда он вошел в пещеру в поисках тепла, они отреагировали на его появление в силу своего неразвитого ума. Они покинули своего господина и собрались вокруг новичка. Турмон предупредил Эткинса, почувствовав ауру злобы. Однако тот был глух к любым предупреждениям своего слабоумного компаньона. Он не был рад близости немых марсианок, но хотел получить тепло, необходимое ему для выживания.

За тем, что произошло дальше, Турмон наблюдал издалека. Пещера была большая и разные семьи собирались в группы в соответствии с принятыми у них правилами. Турмон, не хотевший совершить ошибку, выбрал группу холостяков, с которыми собирался поделиться своим теплом. Поэтому он оказался слишком далеко от Эткинса, чтобы

помочь ему советом. Либо для того, чтобы укрепить свои позиции в качестве волшебника планетарного масштаба, либо исходя из каких-то других причин, Эткинс включил свой фонарик, как только стемнело. В лучах яркого света появились сотни обезьянолюдей, приготовившихся ко сну, и пещеру огласили крики марсиан, недовольных тем, что кто-то нарушил их покой. Озлобленные марсиане набросились на Эткинса. Свет погас и в темноте послышались звуки борьбы, ворчание и тяжелое дыхание. После этого пещеру надолго окутала зловещая тишина. Однако вскоре помещение наполнилось ровным дыханием спящих. Инстинкты подсказали Турмону, что Эткинса больше нет. Марсиане были простым народом и им были не нужны супермены.

Через три дня пути Турмона и племени разошлись. Их жизнь была для него слишком напряженной. Она была бессмысленной даже для его ограниченного интеллекта. Их жизнь была однотипной и напоминала жизнь коровьего стада. Они всегда были голодными, и восходящее солнце гнало их на поиски еды от одного конца плодородной земли до другого. Они не переставали двигаться, практически моментально используя всю энергию, полученную из созревших зерен. Они не могли остановиться. Зерновые росли не везде и практически нигде их не росло так много, чтобы еды хватило на несколько дней. Результаты неэффективной охоты и рыбалки были такими же сомнительными. К тому же, чтобы добраться до ближайшей пещеры, им дважды в день приходилось проделывать путь длиной от трех до десяти миль.

— Черт с ними, — пробурчал Турмон и спокойно ушел.

Он обнаружил, что его нечастые фразы доносят его мысли до обезьянолюдей, а он понимает, о чем говорят они. Невысокий интеллект марсиан прекрасно сочетался с таким же невысоким интеллектом землянина — в их головах было всего несколько мыслей и все они были самыми элементарными. Проблему общения решить было несложно. Когда племя с сожалением покинуло его, Турмон начал обдумывать свое положение.

— Вся эта беготня, — сказал он вслух, — просто глупости. Зачем издеваться над собой только для того, чтобы согреться?

Турмон ненавидел работу, но еще больше он ненавидел необходимость таскаться по горячему песку. Он вытащил из земли кусок глины подходящей консистенции и вылепил из него кирпичи, добавив немного травы, чтобы глина лучше держала форму. К наступлению ночи землянин построил глиняное иглу, в которое натаскал большое количество сухой травы и веток. Он курил, поэтому у него были спички, и ночь он провел достаточно комфортно. Была лишь одна проблема. Бамми нарушил основное правило своей долгой жизни в качестве бездельника. Он работал целый день!

После этого он отдыхал целых три дня и наслаждался жизнью. Никто не говорил ему, когда нужно просыпаться и что нужно делать. Никто не обвинял его в безделье. Все было идеально, но было одно *но*. Проблема была в еде. Турмон ненавидел таблетки Виталекс, которые он ел. Они были очень питательными и этим все сказано. Однако он мечтал о нормальной пище. Поэтому он решил, что надо что-то

делать. В его жизни наступил очередной памятный день — день, в который он задумался о будущем, той части своей жизни, которую он предоставил судьбе. Судьба уже не могла помочь ему. На этой недружелюбной планете не было ни запасного выхода, ни гостеприимной тюрьмы. Если он что-то и получит, то должен будет сделать это сам.

Мысль была неприятной, но чем дольше он думал об этом, тем неизбежней она становилась. Завершив непривычный для него процесс размышлений, Турмон понял, что стоит перед простым выбором. Будет ли он выживать так, как это делают обезьянолюди, работая без остановки, или же он будет изворачиваться? Много работать он точно не будет. Понимание этого сделало с Бамми Турмоном то, чего не смогли добиться десятки судей. Понимание сложившейся ситуации побудило его к действию.

Самыми доступными видами пищи были пшеница и прочее зерно. Зачем бродить от одного края плодородной земли до другого в поисках пары семян, если их можно выращивать в одном месте? Ответ был очевиден. Неуклюжий Турмон поднялся со своего ложа и отправился на поиски семян, которые были не замечены племенем.

Он нашел много семян, но носить их в руках было слишком тяжело. Ему пришлось бы слишком часто возвращаться к хижине. Он сел и сплел себе корзинку из камыша. Это была не очень хорошая корзинка, но свою цель она выполняла, поэтому через несколько дней у Турмона появилось зерно. После этого он заставил себя заняться еще более тяжелой работой — он выкорчевывал траву и разрыхлял землю корявой палкой. Он видел, как фермеры делали то же

самое железными инструментами. Он рассыпал зерна по земле и назвал это первым посевом. Это была невероятно тяжелая работа, но на следующий год он соберет урожай, и при этом ему практически не придется никуда ходить.

Турмон считал, что заслужил зимний отдых и начал отдыхать круглыми сутками. Через несколько дней он понял, что зерновая диета так же скучна, как и сухие брикеты. Ему не хотелось есть кукурузу и пшеницу сухими, как это делали марсиане. Кроме того, он обнаружил, что повсюду растут фасоль и горох. Если бы он мог сварить их...

Горшок, который он сделал, был крайне примитивным. После того, как несколько горшков не выдержали испытаний, ему наконец удалось создать горшок, который можно было использовать. Турмон был очень рад. Иногда он уходил дальше в поле и собирал еще больше еды, которую он хранил в других построенных им иглу. Совсем скоро он уже мог перестать работать и начать наслаждаться жизнью.

Он облегченно вздохнул и лег на то, что он назвал гамаком. Именно в этот момент ему в голову пришла Великая Идея.

— Если это хорошо для меня, — спросил он самого себя, — то почему это не может оказаться полезным для обезьян?

Он обдумывал этот вопрос всю вторую половину дня, лениво развалившись в гамаке. Постоянные походы за едой наверняка доставляли этим диким марсианским существам не больше удовольствия, чем Турмону. Проблема заключалась в том, что им постоянно не хватало еды. К тому же, они не могли быть уверены в том, что очередной поход

принесет им насыщение. Согласятся ли они меньше работать и гарантированно получать больше еды? Он почесался и ухмыльнулся.

— Конечно, согласятся!

Это было оригинальное решение. Он, Бамми Турмон, срам и позор цивилизованного мира, думает о работе! Он понимал, что это необходимо, и гордился собой. Ведь он сделает так, что за него будут работать другие. Это была интересная идея. Он рассматривал работу совсем с другой стороны. Он смотрел на нее сверху. Он будет работодателем, а не тем беднягой, которому придется пахать на кого-то.

Турмон, проснувшийся на следующий день относительно рано, стал другим человеком на некоторое время. Он понимал, что для того, чтобы заставить обезьянолюдей послушать его, ему нужно предложить им что-то особенное. Он никогда не задумывался о капитале с большой «К», но понимал его необходимость. Он очистил еще один участок земли и посадил новые семена, чтобы ему было чем поделиться.

Когда семена закончились, он понял, что есть и другие вещи, которых ему не хватает для полного комфорта. Одной из таких вещей было мясо. Вначале это была лишь дополнительная работа, которая потом превратилась в спорт. Он делал ловушки, и в один прекрасный день его осенило, что если он может сплести корзинку, то сможет сплести и рыболовную сеть. Он сплел одну сеть, а потом еще несколько и отправился в воду, чтобы поставить ловушки для рыбы.

Через некоторое время дичи и рыбы у него было больше, чем он мог съесть. Он высушил часть мяса и начал экспериментировать с копчением. То, что у него получилось, никогда бы не прошло земную проверку, но для него этого было достаточно. Когда солоноватые воды канала отступили перед наступлением зимы, он обнаружил соль. Он собрал ее и отложил в иглу. Самым богатым трофеем наступившей зимы стала свинья, попавшая в одну из расставленных ловушек. Свинина стала прекрасным дополнением к его столу, но главным достоинством оказалось сало. Теперь он мог жарить.

Не стоит предполагать, что Турмон работал постоянно. Это было совсем не так. Были дни, когда он просто спал. Он никогда не переставал корить злую судьбу и проклинать милого судью, который уговорил его на это приключение. Но он поддерживал себя надеждой, что ему удастся всучить недалеким марсианам понятие совместного труда. В конце концов, они привыкли работать, а он решил их основные проблемы, которые составляли еда и жилье.

В тот день, когда впереди показался передовой отряд великого племени, Турмон встретил их немного позади северной границы своих плантаций. Обезьянолюди были еще более костлявыми и голодными, чем обычно. Ссориться с ними не хотелось, поэтому Турмон встретил их с широкой улыбкой и всем возможным гостеприимством. У него была пара корзин с кукурузой и пшеницей. Пока они жадно ели его дары, он жестами и звуками попытался объяснить, как у него оказалось так много еды и как они

могут добиться тех же успехов. Он также объяснил им, что такое дом и как «солнечная трава» может поддерживать в доме тепло.

Турмон не удивился тому, что большая часть туземцев отнеслась к его рассказам скептически. Люди, что с ними сделаешь. Старики качали головами. Они воспринимали подобные изменения слишком радикальными. К тому же в племени уже ходили легенды о двух странных пришельцах, один из которых открыто занимался магией. Они предпочитали проверенный путь и медленно отправились дальше, поднимая дикие зерна, которые они находили за границами плантаций.

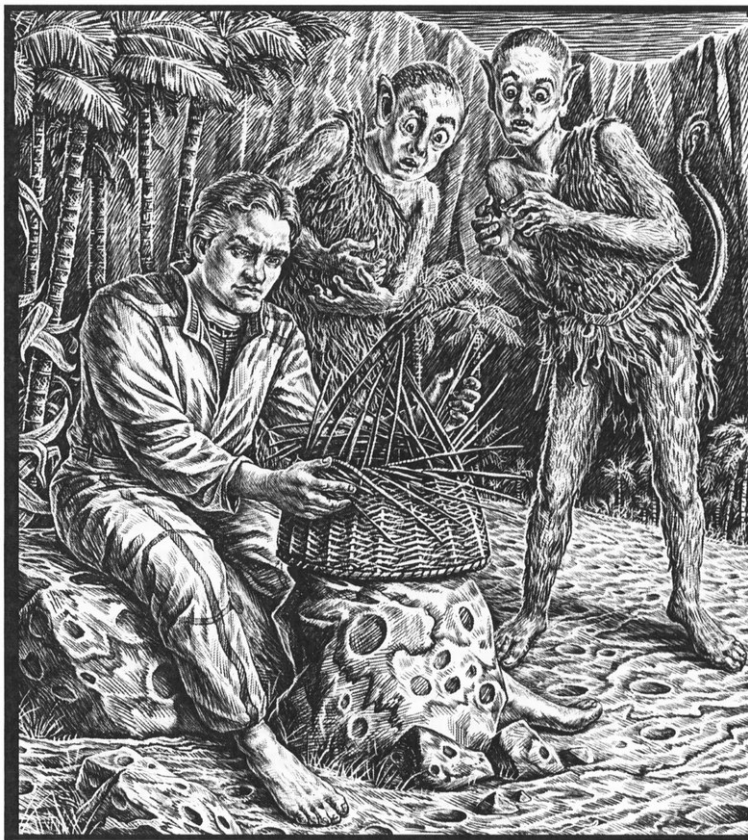
На следующий день консервативная часть племени продолжила свой путь на юг. Они не могли нарушить расписание, ведь зерна созревали вместе с солнцем, а солнце не обращало внимания на странные эксперименты людей. Примерно полсотни молодых смельчаков решили остаться. С ними были их жены и дети, а также несколько молодых холостяков. Турмону не без труда удалось разместить их всех. В конце концов, он разделил их на две группы и поселил одну из них за границами своих земель на севере, а другую — на юге. Он кормил их, пока они строили себе дома. Они договорились, что в первый год они также будут обрабатывать и его поля, а он будет давать им за это еду.

Именно так на Марсе сформировалось первое общество, а вторая зима Турмона оказалась намного легче первой. Однако ему приходилось бодрствовать днем намного чаще, чем ему хотелось. Ему приходилось постоянно наблюдать за работой своих обезьяньих фермеров, пока они не научи-

лись выполнять свои обязанности самостоятельно. Турмон убеждал себя, что на *следующий* год он наконец сможет купаться в роскоши. Те, кто завершил обучение в этом году, смогут обучать новичков в следующем. Новые проблемы появлялись каждый день, и решать их приходилось Турмону, так как марсиане считали его суперменом. В первую очередь необходимо было решить вопрос: кто, когда и чем именно будет заниматься?

Турмон начал издавать указы. Женщины должны были заниматься плетением корзинок и сетей, делать посуду из глины и хранить огонь. Дети должны были собирать сухую траву и сучья, чтобы питать прожорливую «солнечную траву». Мужчины должны были собирать семена и траву, высаживать их и обрабатывать землю, а также ставить ловушки и сети и собирать добычу. Распределив всю работу, Турмон попытался уйти на зимний покой.

Но у него не получилось. Пока не получилось. Ему еще предстояло научить их плетению корзин, приготовлению пищи и, может быть, переработке мяса. Ни одно из его изобретений не было уникальным — он просто вспоминал то, что знал. Однако все его изобретения встречались с восторгом племенем, главой которого он стал. Изобретение пращи позволяло убивать тех животных, которые были слишком осторожными, чтобы попасться в ловушку. Когда туш животных оказалось слишком много, Турмон понял, что шкуры, которые раньше объедались и выбрасывались, можно использовать для пошива одежды на холодные времена. Но появился вопрос: как? Над решением этого вопроса Турмон бился несколько часов, но в итоге он нашел

Ему еще предстояло научить их плетению корзин...

решение. Он ремонтировал свою одежду и пришивал пуговицы, но здесь у него не было ни иголки, ни ниток. В каче-

стве иглы он взял язычок своего ремня, а нитками послужили стропы парашютов. А потом смысленный обезьяночеловек улучшил идею Турмона. Он научился использовать мелкие кости и сплести волокна травы в нить.

Редкие осадки стали стимулом к появлению новых изобретений. Первая хижина Турмона частично разрушилась, и он потребовал выстроить новую, только теперь из камня. Камней в пустыне было в достатке, но их перевозка оказалась проблематичной. И они изобрели сани для перевозки камней. Тянуть их приходилось сразу нескольким марсианам, вследствие чего они не выполняли другие свои обязанности. Турмон знал про лошадей и поэтому он научил марсиан ловить жеребят.

С каждым годом к племени приходили все новые марсиане и количество мигрирующих племен стало уменьшаться. С каждым годом марсиане обучались новым ремеслам и их мозг развивался. С каждым годом Турмону — или Великому Турму, как его называли марсиане, потому что им сложно было произнести его полное имя, — приходилось работать все меньше. Поколение молодых, активных и благодарных обезьянолюдей занимало ключевые позиции в племени. Они приходили к своему почитаемому, но ленивому господину только тогда, когда встающие перед ними проблемы были слишком сложными для них. Ленивый Турмон редко выходил из дворца, который они построили для него. Он даже не собирался переезжать в другой, более великий дворец. Лишь на третье лето он позволил потревожить свой сон. В те дни, когда он бодрствовал, он проводил

суды и раздавал крупницы своих знаний своим преданным помощникам. Не осознавая этого, он постиг формулу великого лидерства. Он руководил.

Сани для перевозки камней и зерна, которые тянули пони, были слишком медленными?

— Хм-м-м, — говорил Турм и закрывал глаза. — Дайте подумать, дайте подумать.

После долго транса он открывал глаза и выдавал решение.

— Колеса, если мы сможем сделать их, — говорил он, — помогут нам. Колесо выглядит так...

Он рисовал колесо, или рычаг, или клин, или что-то другое, что было нужно марсианам и позволял им действовать дальше. Они слушали, уходили и работали. Если у них ничего не получалось, они возвращались, извинялись, а он критиковал их. Однако Турмону это не нравилось. Он вспоминал все то, что люди когда-то говорили ему. Многие из тех *клише* оказались неприменимыми в его государстве.

— Бог помогает тем, кто помогает себе сам, — говорил он, подвигая их находить решения, которые не мог найти он.

Они сокрушенно принимали его слова и уходили с желанием стать еще более достойными.

Марсиане работали много и получали за это сполна. Однако их потребности постоянно росли, в том числе и из-за постоянно растущих требований их повелителя. Неожиданное наводнение принесло к ним бревна, что навело Турмона на мысль о том, что где-то на Марсе есть лес. Он объяснил марсианам, как построить плот. Позже они пересек-

ли канал и обнаружили этот лес. Они привезли древесину, и Турмон потребовал строить мебель, объяснив им, что это такое. Для марсиан это было очередным откровением из земли грез, дарованным их повелителем. Под его руководством они научились делать топоры из камня, добываемого в пещерах. А позже они научились делать наконечники для стрел, которые использовались с помощью потрясающего устройства — лука. Прогресс шел вперед.

В один день, когда ветер подул не в ту сторону, Турмон задумался о гигиене. В его дворце не было комфорта и с этим нужно было что-то делать. Человек с его положением не должен был...

Была создана первая сточная канава. После этого были выкопаны другие каналы — для орошения. Нужно было как-то избавляться от появившейся в результате создания канав земли, и появилась новая идея — создание дорог и троп. Среди марсиан появился новый класс — класс, который в другом мире называли инженерами. Они не знали математики, но они знали, что можно сделать с землей, деревом и камнем.

Турмон расслаблялся все больше, по мере того как получал все больше комфорта. Его стало утруждать выслушивание жалоб из далеких деревень. Он распределил свою власть и назначил местных глав, дав им право говорить от своего имени. Он создавал правительство, но смотрел на это по-другому. Он лишь избавлялся от ненужной работы.

Спокойная жизнь Турма подошла к концу через несколько долгих лет. Главы всех деревень тихо стояли перед

его кроватью, а заплаканные наложницы выглядывали из своих комнат. Великий человек был смертным и был готов покинуть их.

— Не так уж и плохо... Марс не так уж и плох, — пробормотал Турм, готовясь погрузиться в свой последний сон, от которого его не сможет пробудить ни один преданный почитатель. — Тот судья не так уж и сильно врал. Много еды и много сна, говорил он. И никакой работы. Да. Так и получилось. Но это было непросто. Мне пришлось работать целый год. Мне пришлось очень много работать.

Он говорил слишком тихо, чтобы его могли услышать. Придворный писарь (Турм научил некоторых марсиан письму) склонился над ним, чтобы разобрать последние слова великого человека.

— Да, — сказал Турм немного громче, — чтобы узнать это, мне пришлось проделать миллионы и миллионы миль. Тяжелый труд оправдывает себя...

Шорох пера, которым писарь записывал сказанное, заглушил последние слова: «...но работы не должно быть слишком много!»

С вершины огромной базальтовой пирамиды в самом сердце Азота колоссальное изображение Турма с улыбкой дает свое благословение метрополии Марса. Турм, мудрый и терпеливый, ярко выделяется на фоне других богов, созданных примитивным народом. Он не был богом жестокости и грома. Он был богом мира и промышленности. Особенно промышленности. Ведь его последними словами были: «Тяжелый труд оправдывает себя!». Когда еще

в истории человечества у какой-нибудь расы был такой лидер? Какой другой расе удалось лишь за одно поколение пройти эволюцию веков? Никакой. Великий Турм был основателем цивилизации!

ТЫ НЕ ВЫИГРАЕШЬ

Оказаться на мели на Венере — это плохо! Они никогда... ну, почти никогда... не дают тебе передышку. Игра всегда ведется жестко.

Теперь была очередь Ларри Хойта. Он долгое время хотел, чтобы это было не так. Ужасно болела голова, рот был наполнен чем-то, что по вкусу напоминало болотную жижу Эроса, а резкие боли в животе могли быть лишь следствием укола концентрированной щелочи. Через некоторое время ему удалось разлепить веки, он открыл один глаз и сонно осмотрелся.

На протяжении минуты он не видел ничего, кроме наполненного дымом влажного воздуха. Потом он понял, что находится в ночлежке одного из притонов в азиатском квартале. Вдоль стен стояли койки, на каждой из которых лежало неподвижное тело. От некоторых доносился громкий алкогольный храп. На мокром полу лежали другие тела — результат очистки, которую вчера провели более хорошие, а лучше сказать не такие плохие бары. Совестливый бармен или же бармен, гордящийся репутацией своего заведения, подзывал одного из проходимцев, ждавших на

улице, давал ему четверть сола и просил позаботиться о пьянице, пока тот не проснется. Такое стремление к благопристойности на Венере было вызвано вполне объективными причинами — как это ни досадно, но те, кого выбрасывали на мокрые темные улицы Города Любви, очень часто умирали. Команды чистильщиков (для вас — работников системы здравоохранения) всё время жаловались, если количество трупов, собранных за ночь, превышало одну сотню.

Хойт огляделся, широко зевнул и снова упал на кровать. Он был слаб и его била мелкая дрожь. Люди, лежащие на других койках, были самыми разными — желтые, красные или коричневые. Его друга, Джимми Элкинса, среди них не было. Если только он не лежал на нижней кровати. Голова у Хойта кружилась так сильно, что он не рискнул проверить это. Он некоторое время лежал и пытался вспомнить, что произошло вчера. Как он ни старался, туман всегда сгущался именно тогда, когда в голове начинала всплывать очередная сцена вчерашнего бурного вечера.

Пришел смотритель, старик с миндалевидными глазами на бледно-желтом лице, одетый в дешевую хлопковую рабочую одежду синего цвета.

— Проснулся, да? — требовательно спросил он, толкнув Хойта в руку. — Тогда вали отсюда. Койка нужна другому.

Хойт застонал и сел. В этот момент он увидел в дальнем углу комнаты Джимми Элкинса, который пытался завязать шнурки, которых у него не было, и застегнуть единственную пуговицу на своей одежде, пуговицу на шортах цвета хаки. Кроме шорт на нем была лишь грязная майка.

— Эй, Джимми, — крикнул Хойт. — Что за фигня? Как мы сюда попали?

— А-а-а, — застонал Элкинс. — Одна из твоих очередных замечательных идей. Мы обязательно должны были пойти в «Летящего Дракона». Всё, как обычно. Ты проиграл пару сотен, а потом остановился. Они подослали к нам пару симпатичных девчонок и я, как дурак, пошел с вами в отдельный кабинет. А потом... мы напились. Всё, как всегда.

— Черт! — сказал Хойт.

Он только что понял, что на нем, так же как и на Элкинсе, не хватает некоторых предметов одежды, а карманы брюк вывернуты наизнанку.

— Ага, — согласился Элкинс, глаза которого были красными, как свекла. — И нам надо возвращаться на корабль. В таком виде!

— Вначале надо где-нибудь побриться, — сказал Хойт, задумчиво почесывая свою щетину длиной в четверть дюйма. — А еще надо найти плащ, чтобы укрыться...

— Что? — хмыкнул Элкинс. — Мы на мели. У нас нет ни гроша. Более того, старушка «*Кларисса*» может взлететь в любую секунду. Кто его знает, сколько сейчас времени и даже какой сегодня день. Та дрянь, которую подает Дракон Микки Финн, очень сильная.

Хойт молчаливо оделся. Потом они вдвоем проследовали к двери в сопровождении тихого азиата. Через секунду они оказались по щиколотку в грязи Венусбурга, с трудом пробираясь по улицам под обжигающим морозящим дождем, который шел здесь триста дней в году из трехсот.

— Нет, — сказал человек у ворот космопорта, когда они подошли к нему.

Они больше походили на статуи, украденные из мастерской скульптора, нежели на людей. Они были с головы до ног покрыты мокрой глиной.

— Ваш корабль, то есть корабль, который вы считаете вашим, ушел два дня назад. Сегодня среда.

— Что?! — воскликнул Хойт.

Согласно его представлениям, сейчас должен был быть понедельник.

— Н-но, они не могли. Я главный инженер, а это — младший штурман...

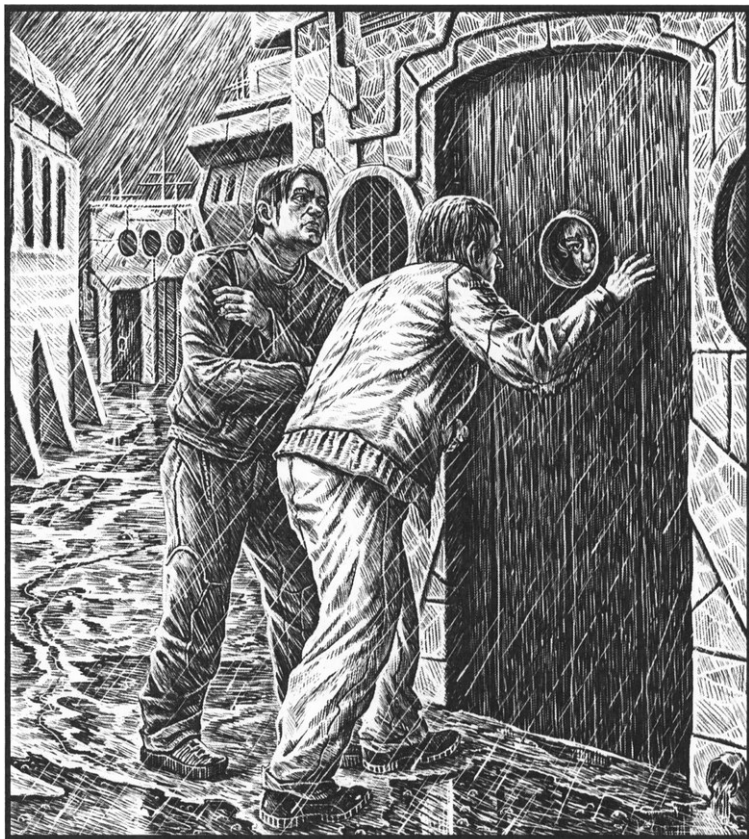
— То есть был, — рявкнул охранник. — Команда корабля не слоняется по Венере без дела. Или вы приходите вовремя или... Давайте, бродяги, уходите, или я запру вас в камере.

— Вы не понимаете, — вмешался Джимми Элкинс. — Сейчас сюда должна прилететь «*Матильда*». Мы все объясним перевозчику и вернемся на ней. Они принадлежат одной компании.

— Валите! — сказал охранник, расстегивая кобуру с бластером.

Агенты компании в здании «Адониса» были непреклонны. Правила есть правила, говорили они. Если они начнут делать исключения, то с Венеры не взлетит ни один корабль.

— Это, конечно, нелегко, — посочувствовал им служащий, — но вы сами постелили себе эту постель, так что теперь и лежите на ней.

Через глазок на двери на них смотрел синий глаз.

Хойт и Элкинс обменялись печальными взглядами и пошли по грязным улицам к главному посольству Земли.

— Извините, — надменно сказал служащий, ведь двум замызганным существам вход в офис был воспрещен. — Их нельзя беспокоить. Если бы главный посол занимался подобными делами, то у него бы не оставалось времени на серьезную работу. Протрезвейте, найдите работу и купите билет домой. Это единственный способ.

— Черт побери! — резко выругался Хойт.

У них не было другого выбора, кроме как уходить, потому что полицейский сикх недвусмысленно поигрывал перед ними своей тяжелой деревянной дубинкой. У Венеры не было времени на тех, кто не справлялся.

— И что теперь? — спросил Элкинс. — Ты все время считал себя самым умным из нас. И что придумал супермозг, чтобы вытащить нас из этой передраги?

— Ах, заткнись, — огрызнулся Хойт, выходя под дождь.

На следующем углу он повернул направо и направился в грязный овраг, ведущий к краю болота. Они поскальзывались и падали в грязь, но не останавливались и вскоре подошли к двери «Летящего Дракона», которая казалась невероятно аляповатой при оранжевом дневном свете Венеры. Ночью она была, во всяком случае, так казалось, просто шикарной. Сейчас она выглядела дешевой и низкосортной.

— Еще один прокол, — вздохнул Элкинс, когда после третьего стука из-за бронированной двери никто не ответил. — Этот кровопийца Руни не даст...

— Что у нас здесь? — рявкнул голос сбоку.

Через глазок на двери на них смотрел синий глаз. Это был глаз Магса Руни, хозяина дворца удовольствий, кото-

рый был известен космонавтам девяти планет под названием «Летающий Дракон».

— Я хочу поговорить с тобой, Руни, — сказал Хойт, вложив в свой голос всю уверенность, на которую только был способен.

Слышать подобное от человека с весьма сомнительной репутацией было нелепо. Руни рассмеялся.

— С Руни разговаривают деньги, — рявкнул он. — Покажи мне их и можешь входить. Иначе я вызову патруль и вас обвинят в бродяжничестве. За такое дают пять лет на блоках. У нас на Венере хватает своих бродяг.

Затвор глазка начал закрываться.

— Подожди, Руни, я не бродяга! — крикнул злой и протрезвевший Хойт. — Я был здесь пару дней назад, и у меня было более пяти тысяч солов, но потратить я успел лишь двести. А потом твои воришки опоили меня и забрали все. Я хочу получить эти деньги обратно или хотя бы столько, сколько понадобится, чтобы убраться с этой чертовой планеты. И я их получу...

— Иначе что? — ухмыльнулся Руни.

Затвор глазка резко захлопнулся. Хойт стоял под горячим дождем. Он дрожал от ярости и проклинал этого человека и всех ему подобных.

— С каждым часом тебе в голову приходят все более оригинальные идеи, — съязвил Элкинс. — На что ты надеялся? Если бы ты вел себя скромнее, то нам, может быть, дали бы выпить и подарили бы сэндвич. Даже худшие из них способны на благотворительность. *Один раз.* Во всяком случае, на день бы нам этого хватило.

— Отстань, — с отвращением ответил Хойт.

Он развернулся и направился в город по скользкому оврагу. Злость и отвращение он испытывал по отношению к себе. Он был слишком опытным астронавтом, чтобы не знать, как ведутся дела в таких заведениях, как у Руни. Идти туда с годовым заработком в кармане было абсолютным безумием. Неожиданно он сел в грязь и закрыл лицо руками. Элкинс беспомощно опустился рядом. В обычной жизни он был хорошим парнем, но от него не было никакого толку в той ситуации, в которой они оказались. Он не знал, как вести себя на Венере.

— Я думаю, — пробурчал Хойт, когда Элкинс слегка толкнул его локтем и предложил отправиться на поиски еды.

Чудовищность их положения становилась все очевидней. Они были уволены и занесены космической компанией в черный список, поэтому найти привычную работу было практически невозможно. Для этого нужны деньги, много денег. Кроме того, Хойт был одержим мстостью за свое уязвленное эго. У него было достаточно опыта, но из него выжали все соки, как из какого-то сопливого кадета! Терпеть такое было невозможно. Он хотел, чтобы Руни заплатил, причем заплатил с лихвой. Он хотел лишить его бизнеса. Он хотел этого даже больше, чем убраться с Венеры.

— Пойдем, навестим Эдди, — сказал он наконец, вставая и стряхивая грязь с ног.

У него был план. Лишь наброски, но наброски настоящего плана.

— Эдди?

— Да, Эдди Чарлтон, главный механик в мастерских космодрома. Мы дружили в школе. Я часто подкидывал ему разные ремонтные работы.

— Через пару лет на Венере «дружили в школе» уже может ничего не значить, — напомнил Элкинс, пессимизм которого усугублялся нарастающим голодом. — Но можно пойти. Судя по всему, это наш единственный шанс.

Передохнуть они смогли перед воротами в космопорт. Охранник не захотел их впускать, но послал за Чарлтоном, который вскоре появился у ворот. Одного взгляда на несчастную парочку хватило, чтобы понять, что произошло, и он лишь печально покачал головой.

— Извини, Ларри, — сказал он, практически сразу перебив его. — Я все понимаю. Это происходит каждый месяц, но я ничего не могу изменить. Я не много зарабатываю и не смогу прокормить еще и вас. Вот вам пятерка на двоих, но это последний раз...

— Подожди, Эдди, — взмолился Хойт, — ты не понимаешь. Мне не нужны подачки. Мне нужна лишь помощь. Дай мне возможность поработать в твоей мастерской. Помнишь, мы когда-то изучали роликовые подшипники и другие мелочи, которые входят в состав примитивных механизмов?

— Смутно... это был профессор Тинкхэм.

— Так вот, слушай...

Ларри Хойт отвел Чарлтона в сторону и пятнадцать минут объяснял ему свою необычную просьбу. Вначале Чарлтон только пожимал плечами, потом несколько раз кивнул.

— Да, да, — согласился он, — я понимаю, но в чем выгода?

— Руни обязательно клюнет на это. Это игровой автомат, и парень будет в восторге после того, как поймет, что выиграть на нем невозможно. Вся прелесть в том, что автомат отвечает всем требованиям.

— Я понимаю, что Руни заработает много денег, но как прибыль получим мы?

— Мы не будем его продавать... мы сдадим его в аренду на королевских условиях.

— То есть ты хочешь поквитаться с Руни, сделав его еще богаче?

— Он не станет таким богатым, как рассчитывает, — уклончиво ответил Хойт.

Чарлтон на секунду задумался.

— О'кей. Заходите и приведите себя в порядок. Вы будете лучше выглядеть без щетины и всей этой грязи.

Хойт торжественно махнул рукой Джимми Элкинсу.

— Вначале отмоемся, а потом вернемся и отомстим Руни.

— Ты уже пытался это сделать, — съязвил Элкинс.

— Я был не подготовлен, — рассмеялся Хойт.

Несмотря на толстый слой грязи на коже, головную боль и недовольство, засевшее внутри, в тот момент он чувствовал себя прекрасно.

— Готово, — сказал Чарлтон четыре недели спустя.

Они были в монтажном цехе номер пять. Перед ними стоял серебристый ящик шести футов в диаметре и высотой по грудь человека. Внизу у него было небольшое от-

верстие, ведущее в чашу, напоминающую ведро. У ящика была куполообразная стеклянная крышка. Под ней располагался хитроумный двойной кран, управлять которым можно было снаружи. Рядом с оригинальным изобретением стояли ящики с шариками одинакового размера. Все они были идеально отполированы, но выполнены были из разных материалов — из золота, меди, а некоторые — из стали. Там были шарики из слоновой кости и из прозрачных кристаллов.

— Замечательно, — воскликнул Хойт.

Сейчас он был совершенно не похож на того человека, который вошел в здание четыре недели назад. На нем больше не было грязных обрывков синей униформы космического офицера. Теперь он носил коричневый деловой костюм, в котором четко просматривалась земная мода разъездных торговцев. Если раньше он всегда был гладко выбрит, то теперь у него были густые усы. Узнать его смогли бы только те, кто был очень хорошо знаком с ним.

— Она великолепна, — разглагольствовал Чарлтон, — точнейший прибор, который мы когда-либо создавали. Нижняя кривая рассчитана математически с точностью до нескольких волн света. Коэффициент трения практически равен нулю. Эта штука сбоку — вакуумный насос, который поддерживает вакуум внутри автомата. А еще мы добавили камеру, которая записывает весь процесс от начала до конца. Он отвечает всем требованиям, и взломать его невозможно.

Ларри Хойт вновь осмотрел игровой автомат. Инженер одобрительно улыбнулся, осмотрев вогнутую кривую в нижней части автомата. Большинство людей приняли бы

ее за нижнюю часть эллипса. Он взял несколько шариков и положил в специальный отсек сбоку, который подавал их в цепкие пальцы маленького крана. Он передвинул кран и отпустил шарики. Они покатались по склону, навстречу отверстию, расположенному внизу. Когда они ударились о скрытый колокольчик, послышался звон.

— Все прекрасно, — сказал Хойт. — Грузите его на трактор и вывозите. Я поеду к Летящему Дракону на рикше.

— Удачи, — искренне пожелал Чарлтон. — Этот небольшой проект стоил нам три тысячи солов. Если твой план не сработает, то моя голова покатится с плеч вместе с твоей. Отправимся на болота вместе.

— Никогда, — рассмеялся Хойт, подхватывая внушительный чемоданчик профессионального продавца.

В нем находилось все необходимое для визита к Руни. Он даже подстраховался и отпечатал визитные карточки, назвав себя «Мистер Хойт, межпланетный представитель Теллурианской Компании Новелти».

Через полчаса он сидел в берлоге пользующегося дурной славой Магса Руни, лицом к лицу с этим скользким господином. Руни изучал плакат, лежащий перед ним. Его гориллоподобное лицо было хмурым, и он не переставал жевать свою черную сигару. На плакате крупными буквами было написано:

ТЫ НЕ ВЫИГРАЕШЬ!

Никаких магнитов и других уловок. Вы всё делаете сами. Вы выбираете шарики. Вы устанавливаете их.

**Вы отпускаете их. Вы решаете, какой из них для вас,
а какой — для заведения. Вы определяете финал.
ВАШ ШАРИК НЕ ВЫИГРАЕТ!**

**Десять солов за игру. Испытайте себя.
Игра без границ. Вперед! Вы неудачник.
Значит эта игра для вас.**

**Потому что
ТЫ НЕ ВЫИГРАЕШЬ!**

— Это бессмысленно, — проворчал Магс Руни, неуверенно качая головой. — Это глупый психологический ход. Зачем мне устанавливать автомат, в который никто не будет играть, когда каждый фут помещения должен приносить мне деньги? Конечно, они неудачники, но зачем напоминать им об этом?

— Вы когда-нибудь думали о том, сколько монет люди скармливают автоматам? — возразил Хойт. — И сколько они выигрывают? Практически ничего. Но они возвращаются. Потому что надеются, что в следующий раз им повезет. Вот в чем смысл.

— Нет, — окончательно сказал Руни. — Если бы ты смог сделать так, чтобы неудачники выигрывали хотя бы иногда...

— Это все испортит, — сказал Хойт.

Он придвинул стул поближе, и теперь всё выглядело так, как в салонах крупных межпланетных лайнеров, где люди вели доверительные беседы.

— Нет, мистер Руни, моя компания дарит вам редкую возможность. Этот автомат уникален в своем роде. У вас будут эксклюзивные права. Мы согласны, что через некоторое время новинка перестанет привлекать игроков, но это произойдет не раньше, чем через год, когда новость облетит всех. Именно поэтому мы не продаем вам автомат, а сдаем его в аренду. Вы будете отдавать нам пятьдесят процентов своей прибыли, а всё остальное забирать себе. Как только прибыль упадет ниже определенного уровня, мы заберем автомат. Разве это не честно?

— А что с издержками?

Ларри Хойт снисходительно улыбнулся.

— О каких издержках может идти речь? *Вы* не ставите на то, что выиграете. Вы ставите на то, что *он* не выиграет. На этом автомате не выигрывает никто. Это всегда игра вничью.

— Не понимаю, — промычал Магс Руни, вставая из-за стола.

— Я докажу, — настаивал Хойт. — Встречное предложение. Позвольте установить автомат на три вечера. Я заплачу вам за аренду места. Тысячу за ночь. Всю прибыль получаю я. Вы можете войти в игру в любое время после подписания контракта.

— У вас есть тысяча? — обрадовался Руни.

Хойт достал деньги. Это были последние деньги, которые он получил от Чарлтона на покрытие непредвиденных расходов. У него оставалось лишь десять солов, чтобы играть, но этого должно было хватить.

— Устанавливай, — сказал Руни, забирая деньги.

Он хлопнул в ладоши, привлекая внимание бармена.

— Пару крепких для нас с джентльменом. Из личных запасов.

Гонка Шаров стала гвоздем программы. В конце концов, десять солов для «Летающего Дракона» были мелочью. Любопытство заставляло людей подходить к автомату и интересоваться, почему на нем невозможно выиграть. Они пробова­ли. Попробовав один раз, они пробова­ли еще четыре, пять или десять раз. А некоторые особенно оптимистично настроенные или пьяные игроки пробова­ли двадцать, а то и все сто раз.

Типичным примером был худощавый седовласый старик, который оставался трезвым весь вечер. Судя по всему, он изучал системы, потому что весь вечер таскал с собой планшет и записывал данные, касающиеся игры на автоматах. Он долгое время записывал результаты «Перекрестка» — футуристического отпрыска рулетки, — где девять кругов, олицетворяющих планеты, двигались с разной скоростью и останавливались наудачу. Игра обещала неплохой заработок за определенные перекрестки, противопоставления, квадратуры и другие сочетания соответствующих планет и более мелкие выигрыши за предположения с погрешностью в десять градусов. Однако, увидев вывеску «Ты не выиграешь», он покинул стол «Перекрестка» и по­дошел к новому автомату.

Он некоторое время наблюдал за игрой, а потом выбрал пару шаров. Один из них был сделан из невероятно легкой имитации вене­рианской слоновой кости, другой — из пла­тины, тяжелой и плотной. Он скормил автомату десятку

и забросил в него шарики. С помощью кранов он установил более тяжелый на самом верху, а легкий — примерно в дюйме над центральным отверстием. Он отпустил их одновременно. Тяжелый шарик упал почти отвесно и набрал невероятную скорость на менее крутой поверхности. Более легкий шарик практически не двигался в самом начале, а потом начал медленно ползти к отверстию. Тяжелый шарик нагнал его в последнюю секунду и они вместе провалились в дыру под звон колокольчика.

— Игрок проиграл, — произнес крупье монотонным голосом. — Он выбрал более легкий шарик.

Старик вздрогнул и достал новую десятку. На этот раз он поменял шарики. Результат оказался таким же. Он попробовал два платиновых шарика, избавившись от шарика из слоновой кости. Разницы не было. Он выбрал платиновый и медный шарики, расположил их на одном уровне, примерно на половине пути до отверстия. Результат был таким же.

— Этого не может быть, — бормотал он, открывая кошелек.

Перед тем, как сдаться, он потратил сто восемьдесят солов. Неважно, где устанавливались шарики, и из какого материала они были сделаны, они всегда падали в дыру одновременно под звон колокольчика. Так и продолжалось. Чем больше интересующиеся проигрывали, тем больше они пытались.

— Вот твои тысяча за завтрашний вечер, — сказал Хойт, когда последний утомленный игрок покинул заведение. Он вытащил банкноту из толстой пачки.

— К черту! — сказал Магс Руни. — Я не интересуюсь мелочами. Вот твой контракт. Я забираю его. Это что-то, брат!

— Я так и думал, — засмеялся Хойт.

В то утро он полностью оплатил свой счет в мастерской космопорта. Затем он нанял аудитора — человека, который должен был каждый вечер стоять у автомата и считать выручку. На рассвете этот человек забирал половину выручки и отдавал ее Хойту, не забыв прихватить свои комиссионные.

К концу недели Хойт не только расплатился со всеми долгами, но и стал довольно богатым. Именно тогда он поведал Чарлтону о своем втором плане, а также переговорил с Джимми Элкинсом, которого он поддерживал всё это время.

— Я не понимаю, но смогу сделать их, — ответил Чарлтон.

— Ты дурак, но это твои деньги, — ответил Элкинс.

Ответом Ларри Хойта была широкая и довольная улыбка.

На следующую ночь Хойт и Элкинс появились в «Летящем Драконе». Хойт сбрил усы и надел стандартную синюю униформу космического инженера. На Элкинсе была привычная для него одежда. Никто не видел их в таком виде после злополучного вечера и никто, даже владелец, не обратил на них внимания. Заведения Венусбурга были сродни отношениям на одну ночь. Тебя либо обирали до последнего цента, и ты больше никогда не мог вернуться,

либо тебе преподавали такой урок, что ты никогда уже не захотел бы возвратиться. Никто не ждал, что перед дверью появится постоянный клиент.

Ребята предусмотрительно зашли в бар «Купидон», где немного выпили, чтобы от них несло так, как и необходимо в такое время и в таком месте. Зайдя в бар, они слегка пошатывались.

Они немного развлеклись за столом «Перекрестка», проиграв пару сотен. Хотя один раз Элкинсу повезло. А потом они подошли к автомату «Гонка шаров», вокруг которого собралась группа неудачников. Хойт купил пару шаров и проиграл. Он купил еще несколько пар и снова проиграл. Он бросил отвратительную игру и казавшийся подвыпившим Элкинс последовал за ним. Потом Хойт вернулся и перечитал плакат. Надпись была изменена согласно его предложению. Под основным текстом плаката был прикреплен еще один, на котором было написано следующее:

**ЕСЛИ ВЫ НЕ ДОВЕРЯЕТЕ ШАРАМ ЗАВЕДЕНИЯ,
ПРИНОСИТЕ СВОИ. ТОРГОВЕЦ СТОИТ НА УЛИЦЕ.
ЗА ДОПУСК ШАРОВ ВЗИМАЕТСЯ ПЯТЬДЕСЯТ
СОЛОВ. ОНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СТАНДАРТНОГО
ДИАМЕТРА И ВЕСИТЬ СТОЛЬКО ЖЕ, СКОЛЬКО
ВЕСЯТ НАШИ ШАРЫ ИЗ ТОГО ЖЕ МАТЕРИАЛА.**

— А-а-адну секунду, — еле шевеля языком, обратился Хойт к крупье. — Пожалуй, я попробую свои шары. О'кей?

— Конечно, — небрежно ответил крупье. — Но ты не выиграешь.

— Мы... *ик...* посмотрим, — невнятно ответил Хойт и поплелся к двери.

Наконец он вернулся. Тем временем главный инспектор венерианской полиции вошел в бар в сопровождении пары полицейских. Они стояли сзади и просто наблюдали.

— Вот золотой шар... чистое золото, — с трудом выговорил Хойт, доставая шарик из левого кармана куртки. — Ставлю на всё, что ты можешь мне предложить. Выбирай шар.

— Легко, — спокойно ответил крупье. — Но мы не будем пользоваться тем, что ты пьян. — Комиссар, пожалуйста, выберите шар... любой шар... и поставьте его, где хотите. Я попрошу вас выступить свидетелем того, что игра ведется честно.

— Конечно, — согласился комиссар и выбрал ярко-красный медный шарик.

Хойт установил свой шар и отпустил зажимы кранов.

Все вокруг ахнули. Все видели, как кассир измерил диаметр шара и взвесил его на сверхточных весах. Шар Хойта проиграл! Впервые с момента появления автомата в этом заведении, в нем прозвучало два удара колокольчика — первый, когда о него ударился медный шар бара, а второй — когда в него врезался более медленный золотой шар игрока.

— Только посмотрите, — пробурчал Хойт, — а я думал, что наверняка выиграю.

Он достал свой шар и положил его обратно в карман куртки. Потом он достал фляжку и сделал большой глоток, не выпуская из виду серебристый автомат, укравший у него шестьдесят солов.

— Эй, секунду! — неожиданно крикнул он. — Меня надули. Я неправильно поставил его. Я хочу попробовать еще...

— Конечно, сэр, — сказал любезный крупье, принимая деньги.

— Но в этот раз я выиграю, вот увидишь. Зови сюда менеджера. Сейчас будет представление.

Он вытащил шарик из кармана.

— Одну минуту, — резко сказал крупье. — Давайте проверим, тот же ли это шар.

Хойт, не глядя, вручил ему шарик и не следил за тем, как его измеряют и взвешивают. Через некоторое время появился Магс Руни.

— Что за визг? — грубо спросил он.

— Парень потерял пару монет. А теперь хочет сорвать джек-пот.

— Плевать, — ответил владелец «Летящего Дракона», а потом повернулся к Хойту и резко спросил: — Где бабки?

Ларри Хойт порылся в куртке и достал толстый кошелек, бросив его на стол.

— Считать не надо, — спокойно сказал Руни, косясь на полицейских. — Пересчитаем утром, когда будем сводить баланс. Парень не выиграет. Ты ведь знаешь об этом, дружок?

Хойт приоткрыл один глаз.

— Конечно! — сказал он.

Инспектор подошел ближе.

Хойт дрожащими руками установил оба шара, затем сделал шаг назад и спросил Руни, доволен ли тот.

— Мне все равно, — безразлично ответил Руни. — Отпускай.

В последовавшей после этого суматохе Элкинс успел наклониться к Хойту и прошептать:

— Как? Как ты это сделал?

Он был потрясен.

— Это был тот же шар, я могу поклясться в этом. Первый раз ты проиграл, как он мог выиграть...

— У меня было два шара, — прошептал Хойт. — Но они оба отвечают требованиям. У них одинаковый диаметр, вес и степень полировки. Но они неоднородны.

Чаша имеет форму перевернутого циклоида. Это таутохронная кривая — под воздействием только лишь гравитации любой свободно вращающийся объект, отпущенный в определенной точке, достигнет самой низшей точки за такое же время, как если бы его отпустили в любой другой точке. Вот почему платиновому шарiku и легкому шарiku нужно одинаковое время на то, чтобы упасть в отверстие. Неважно, где они находились изначально, на самом верху или прямо у отверстия.

— Да, — кивнул Элкинс. — Но первый раз твой шарик был медленнее, и ты проиграл. В этот раз он был быстрее, и ты выиграл. Как это возможно?

Хойт улыбнулся. Вокруг топтались люди, а Руни был крайне взволнован. Он пересчитывал содержимое кошелька под цепким взглядом инспектора. Еще можно было говорить.

— Они были неоднородны, — объяснил Хойт. — Абсолютный вес был одинаковым, но у первого шара была по-

лость в центре. Платиновое ядро, покрытое золотом. А у другого было плотное ядро в легкой оболочке, также покрытой золотом. Понимаешь? Все дело в инерции.

— В инерции?

— Да. Единственной силой, действующей на шары, была гравитация. Она может воздействовать либо одним из двух способов, либо их комбинацией. Поступательное движение или вращение. На шарик с плотным ядром действовала только сила поступательного движения, потому что ничто не заставляло его вращаться. Вся энергия поло-го шарика уходила на вращение, поэтому скорость поступательного движения была невелика. Вот откуда разница в скорости. Если шарики однородны, то на них действуют обе силы в равных пропорциях. Главное, чтобы масса была одинаковой.

— Понятно. Но я бы не додумался!

— Думаю, Руни тоже не догадается. Он попал в серьезную переделку.

Руни действительно попал в переделку. Он пересчитал содержимое кошелька три раза и сидел, то открывая, то закрывая рот, словно беспомощная рыба, выброшенная на берег.

— Н-н-но у меня столько нет, — заикался он. — Даже если я заложу бар.

— Ты знаешь, что в Венусбурге делают с теми, кто не может отдать долг, — жестко напомнил инспектор.

— Да, — жалобно простонал Магс Руни. — Но он обманул меня. Не знаю, как. Это нечестно.

— Очень плохо, — заметил инспектор, делая знак одному из своих спутников, чтобы тот достал наручники. — Каждый имеет право на свой ход. У тебя их было множество. Прочитай, что написано на плакате...

Впервые почувствовав железную хватку на запястьях, Руни развернулся и посмотрел на собственный плакат. Он решительно заявлял:

ТЫ НЕ ВЫИГРАЕШЬ!

ЧТО ДЕЛАТЬ С ДОБЫЧЕЙ?

I

Сэм Труман, штурман и исполняющий обязанности капитана *«Квазинда»*, стоял, прислонившись к ограждению, которое тянулось на двести футов вокруг уродливой сферы его мощного спасательного буксира. Он угрюмо смотрел на двух темнокожих членов своей команды, которые, словно мухи, прилипли к округлым буксирным кнехтам, торчавшим из корпуса корабля высоко над его куполом. Негры закончили шлифовать шершавые набалдашники и теперь проверяли соединения обогревателей. Чуть ниже огромные кабели терялись в корпусе буксира. С их помощью приземистое штормовое судно высасывало огромные запасы резервной энергии, которые могли понадобиться ему в любой момент. Снизу, из-под сопла ракетного двигателя, нависшего над опаленной и изрытой дырами поверхностью дока, поднимался едкий дым. Выхлопная труба ракетного двигателя была раскалена добела. *«Квазинд»* мог отправиться в бескрайний космос в течение десяти секунд

после приказа. Звуки, донесшиеся со стороны ближайшего судна, заставили капитана развернуться. Ага. Хигиокоптер. И еще один, и еще. Три красных судна скорой помощи поднялись в воздух. Судя по всему, на космических трассах уже начались проблемы. И вдруг, на фоне чистого марсианского неба, он увидел, как снижается сияющий суперлайнер, как под его ракетными двигателями разгорается огонь, и как он неуклюже приземляется на поверхность гражданского космопорта в миле от буксира. Поднимавшиеся в воздух хигиокоптеры скорректировали курс, немного покружились в воздухе, словно стая чаек, и последовали за огромным лайнером.

— Горячо! — слышалось из-за спины. — Смотри, как раскалился. Должно быть, там очень беспокойно, если сдались даже такое судно, как *«Коп»*.

Коренастый Бен Тиглмэн, инженер *«Квазинда»*, выбрался из недр спасательного буксира и удивленно смотрел на только что приземлившегося *«Коперника»*. Такой великолепный корабль, на борту которого находилось не менее дюжины больших шишек со всей Системы и, кто его знает, сколько ценного груза, неспроста вернулся в порт через десять часов после того, как покинул его.

Однако двое спасателей догадывались, почему это произошло. Прошлой ночью звезды сотрясались в диком танце. Плохая рефракция, не очень хорошая видимость. Люди сказали бы то же самое и несколько веков назад, но сейчас все были умнее. Именно поэтому *«Квазинд»* и пять его крепких братьев были наготове. Сэм Труман взял бинокль и начал разглядывать приземлившийся лайнер.

Его искореженный нос и прогнувшиеся бока говорили только об одном — о колоссальном давлении. Судя по всему, корабль попал в тайфун и оказался очень близко к его центру. Больше ничего не могло помять его настолько сильно. И если так пострадала сама «гордость небес», то через несколько часов эфир накроет волна сигналов SOS. Межпланетные спасательные (МПС) буксиры поднимутся в воздух и начнут рыскать среди космических обломков в поисках трофеев. Первый корабль, зацепивший буксирный трос за какую-нибудь развалину, получал половину от ее стоимости.

— Интересно, почему он не посылал сигналы? — поинтересовался Бен. — Мы могли бы оказаться там несколько часов назад.

— Может быть, сигнал надо было передать по Омнивоксу? — рассмеялся Сэм. — Это плохо для бизнеса. Можно отпугнуть денежных клиентов. Нужно быть очень осторожным с этими сухопутными крысами. Погода в вакууме? Ерунда! Для этого нужна атмосфера. Забыл, чему тебя в школе учили?

Услышав это, проходившие мимо рабочие МПС, рассмеялись.

— Ну что же, — сказал Бен Тиглмэн, с жадностью поглядывая на ускользнувшие из их рук пятьдесят миллионов, — надеюсь, нам удастся добыть что-нибудь стоящее.

Сэм Труман знал, о чем Бен думает. Четыре часа назад миссис Тиглмэн поспешила в родильное отделение Центральной больницы Гераполиса, оставив в лачуге, которую они называли домом, банду неугомонных маленьких Тиглмэнов. Как большинство спасателей, не занимавших

серьезную должность, Бен всегда был на мели. Даже хуже. Он был на самом дне. Бен покачал головой, улыбнулся и поспешил обратно в свое машинное отделение.

— Как там мои космические крюки? — крикнул ему вслед Труман.

— Четыре готовы к работе, а пятый высасывает энергию. Ты забудешь этих малышек энергией под завязку. Надеюсь, что они оправдают твои ожидания. Нам будет не до смеха, если одна из них взорвется.

Сэм Труман проследил, как ушел его инженер, и продолжил угрюмо рассматривать корпус своего «Квазинда». Да, он был готов к взлету, но капитана это не успокаивало. Этот корабль был, словно гриф, парящий в вышине в поисках падали. Сэм слишком хорошо помнил последний шторм: разбитые и беспомощные корабли, кружащие в потоках разбушевавшегося эфира и спокойно движущиеся между ними буксиры, забирающие только тех, кто сулил хорошую добычу.

— Мы не занимаемся благотворительностью, — это был один из девизов МПС. — Оставь сантименты космическим стражам — им за это платят.

Другой на его месте испытывал бы радостное возбуждение в предвкушении того, что будет. Это была интересная работа и иногда даже могла принести очень неплохую прибыль. Но Сэм испытывал к ней отвращение. Теперь, когда он был прекрасно осведомлен о политике компании, он ненавидел спасательный бизнес всей душой. Уже много раз он был готов ввалиться в кабинет менеджера и бросить в его жирное жадное лицо свое заявление об увольнении.

Однако, напомнил он себе, сегодня он этого не сделает. Он просто не мог этого сделать. Это стало бы проявлением трусости. К тому же это было бы напрасно. Его увольнение не спасет ни одного бледного, молящего о пощаде пассажира, которому приходится смириться со своей судьбой, потому что жадный владелец корабля отказался гарантировать минимальную стоимость спасения. Груз урановой руды был для спасателя так же привлекателен, как и пачка наличных. А что возьмешь с пары десятков спасенных людей? Только благодарность.

После такого он был готов уйти. А потом... Это «потом» оказалось самым сложным. Это было серьезным препятствием. Что бы он сделал потом? Тот, кого выгнали из Космической Стражи, и кто был занесен в черный список Эклиптической Линии?

Если он бросит работу, то у него ничего не останется. Совсем ничего. Ведь для молодого человека, воспитанного в традициях космического флота, не могло даже и речи идти о том, чтобы найти работу на планете. Это была бы не жизнь. Он даже представить себе не мог, как можно жить без той эйфории, которая охватывает тебя, когда ты вырываешься в космос, управляя грохочущим кораблем. Какая наземная работа может доставить такое удовольствие, которое доставляет закрепление троса на неподвижной развалине? Где еще почувствуешь тяжесть громоздких обломков, которая пытается разорвать буксирные тросы? Нет, печально подумал он, придется смириться. И полюбить эту работу. Хотя бы до тех пор, пока ему не удастся купить собственный корабль.

При мысли об этом он приободрился. На какой-то момент он стал капитаном, если быть более точным — всего лишь исполняющим обязанности капитана, но все-таки капитаном. Его должность позволяла претендовать на треть добычи, а не на те десять процентов, которые делились среди всех членов команды. Если сегодня он сможет забыть о своих угрызениях совести и будет делать то, что делают все — смирится с малообещающей работой и сконцентрируется на реальной добыче — то это будет хорошо! В следующий День Платежа он всем им расскажет, что думает о них, и уйдет. Стая шакалов! Многие из них... Лишь у Бена Тиглмэна были достойные принципы.

Именно Бен и прервал его размышления. Высунув голову из люка, он заорал:

— Началось! Пришло сообщение!

Сэм развернулся и пошел по извилистым коридорам в полукруглый центр управления, который находился в сердце огромного буксира. Он поднял упавшую ленту и прочитал:

«...серия возмущений эфира огромной мощности, проходящая сквозь пояс астероидов, абсолютная мощность — восемь четыре. «Низкий» максимум обнаружен в третьем квадранте, недалеко от Марса. Эпицентр удаляется от планеты. Зона низкого давления представляет собой удлинённый эллипсоид длиной около пяти миллионов миль по центральной оси. Гравитационный эквивалент в центре оценивается в несколько тысяч мегабар. Мощные зоны «высокого» давления были зарегистрированы над зоной,

под ней, перед и после нее. Поэтому экстра-эклиптические траектории движения невозможны так же, как и обычные. Перепад гравитации между Марсом и Юпитером на рекордной отметке, обильное зета-излучение. Тройное штормовое предупреждение для этой зоны.

Связь с астероидами в этой зоне полностью потеряна. Частичный доклад от Юноны сегодня в 04:56 по Стандартному Времени Системы. Выражаются опасения за безопасность жителей Юноны и Паллады. Ходят слухи о том, что хранителя маяка «Циклопа» выбросило на одного из далеких Троянцев, где также преобладают тяжелые штормовые условия...».

«СРОЧНО, Марс: лайнер «Коперник» вернулся на Гераполис через несколько часов после взлета. Несколько членов команды серьезно пострадали от компрессии. У многих зета-ожоги. Судно пострадало в результате столкновения с гравитационными волнами, однако вернулось на базу самостоятельно».

«Специальное сообщение для Космической Стражи и спасательных судов: это неполный список кораблей, которые, по заявлениям их владельцев, двигаются через зону шторма: «Стивен Кларк», с Титана на Марс, 1000 тонн родия, пассажиров нет; «Спутник Марса», из Гераполиса в Каллисто-Сити, различный груз, двенадцать пассажиров; «Гремучая змея», с Ио на...».

Пальцы Сэма быстро скользили по списку. Как правило, финансовые аспекты спасательных операций не занимали его, но сегодня... Сегодня все было по-другому. Здесь было что подчищать. Хватит одной хорошей буксировки, и он на-

всегда избавиться от этой грязной работы. У него будет свой корабль. Он сможет запатентовать и продавать свои космические якоря. И он сможет вновь поставить на ноги Бена, старого доброго Бена. Его доли капитана хватит на все.

Пока в списке не было ничего, что обещало бы хорошую награду, но это почти ничего не значило. По опыту он знал, что владельцы не спешат рассказывать о настоящих сокровищах. Они могли либо отдать всего лишь половину, либо потерять всё. Достойный трофей должен был вначале пасть в безвыходное положение. Лишь тогда он подаст сигнал. Подобные мольбы о помощи появятся позже. В такие дни, в пульсирующем и грохочущем вакууме пропадали и находились огромные сокровища.

Снаружи слышался глухой рокот. Это означало, что его сосед по боксу взлетал. «Тор» отправился первым. Полковые перекрытия «Квазинда» едва перестали трястись, как слышался второй взрыв, и корабль опять затрясло — еще один тягач взмыл в воздух. Сэм резко посмотрел на сигнальную панель, по которой ему передавали приказы из офиса диспетчеров. На ней все еще светилося: «Режим ожидания». Он понял, что происходит, и ухмыльнулся. Они давали первый шанс регулярным капитанам, а не ему. Все знали, что у большинства из них есть особые договоренности с менеджером — они откатывали ему часть своих трофеев. Кстати, Сэму тоже предлагали, и если бы он захотел...

В коридоре со стороны люка слышались шаги, и он услышал звонкое щебетание полукровки-марсианина, который был помощником менеджера. Сэм Труман развер-

нулся, чтобы увидеть, какие новости он принес. Вместе с помощником пришел высокий крепкий мужчина в форме капитана МПС. Этого капитана Сэм никогда прежде не видел здесь, но было в нём что-то знакомое — темная кожа, хорошо скрываемая самоуверенность...

— Это мистер Труман, ваш помощник, — сказал марсианин, — и он готов к вылету. Не спускайте с него глаз, — полукровка громко захихикал. — Он *альтруист*. Начинайте, капитан Вармс, и удачи вам.

— Я знаю мистера Трумана уже много лет, — нагло заметил новый капитан, — и я знаю, как с ним нужно обращаться. — Он повернулся к Сэму и отрекомендовался: — Эрик Вармс!

II

— Поехали! Мистер Помощник капитана, — спокойно и безразлично скомандовал капитан Вармс. — Дальнейшие приказы будут, когда мы поднимемся.

Он снял перчатки и бросил их на полку с картами, а потом начал изучать метеорологические приборы, расположенные на одной из панелей управления. Он недовольно нахмурил брови, переводя взгляд с детектора мезона на аргонметр.

— Там наверху погода обещает быть поганой, — мудро заметил он.

Сэм Труман, переполненный злобой, угрюмо нажал на кнопку, которая отключала предупреждающую сирену за

пределами корпуса. Когда герметичные двери закрылись и заблокировались, на приборной панели замигали небольшие огоньки. «Огонек готовности» Бена Тиглмэна зажегся над спусковым рычагом. Сэм открыл основной ракетный двигатель, зажал предохранительные скобы и передвинул рычаг. Сотрясающийся корпус «*Квазинда*» поднялся к зениту.

Сэм боролся с ускорением, его челюсти были плотно сжаты, а внутри него кипела злоба. Плохо было уже то, что его сместили в самый последний момент. В МПС часто так делали. Самым же ироничным в этой ситуации было то, что вторую скрипку ему приходится играть у Эрика Вармса. Это же Эрик Вармс, которому Сэм помогал с астронавигацией еще во времена академии и которого он научил основам космического дела. Эрик Вармс — его проклятие, его Немезида!

Это был тот Вармс, который в те времена, когда они еще были сопляками, настучал командиру о бутылке запрещенного венерианского «сока драконов», чтобы спасти свою шкуру. Тогда он сказал, что в Лунные Бараки бутылку принес Сэм Труман. Связанный кадетским кодексом чести, Сэм не отказался от обвинений. Они практически убили его, поставив крест на карьере в Космической Страже.

А пять лет назад, когда они были на последнем курсе Эклиптической Линии, именно Вармс первым сдавал экзамен на мастера. Он прекрасно провел свой корабль «*Элзи*» сквозь все препятствия. Настала очередь Сэма.

— Она твоя, — сказал Эрик, выйдя из корабля, — а теперь иди и задай жару!

Он знал, о чем говорил. Сэм вздохнул, вспоминая эти слова. В тот день он был слишком самонадеян, слишком уверен в себе. Он должен был проверить корабль. Он должен был *знать*, что там что-то не так. Ни одна магноновая цепь не вела себя так, как на этом корабле. Провода индикаторов также не могли сами отсоединиться от контрольной панели.

Это было страшное падение. Ужасно пострадал не только учебный корабль. Пострадало несколько наблюдателей. Это дорого обошлось Эклиптической Линии. Сам Труман несколько месяцев провел в больнице. Он бился в агонии и не знал, что комиссия по расследованию ковыряется во фрагментах «Элзи» и слушает бредовые рассказы его соперника на корабельный пост.

Когда он достаточно поправился для того, чтобы предстать перед матерыми волками космоса в суде, они уже знали, какое решение примут. «Преступная халатность» — таков был их вердикт. Наказанием стало исключение из Линии. Безработный и дискредитированный, он отправился на дальние планеты в поисках работы. Его «слава» следовала за ним по пятам, и ему приходилось кочевать с места на место. Он был затравлен и не мог накопить на свой собственный корабль — единственный инструмент, который мог помочь ему заниматься тем, что он действительно любил. Отчаявшись, он пришел в последнее убежище дискредитированных астронавтов — в спасательный флот. Это была дурная работа, но если случалась катастрофа, то появлялся и шанс. Когда эфир закручивался в узлы, для стервятников вакуума начиналось время охоты. Но теперь, когда перед ним уже

забрезжил спасительный свет, Эрик Вармс вновь перешел ему дорогу. Его кровный враг был его капитаном и именно ему достанется большая часть добычи!

Невооруженным глазом невозможно было заметить, что в космосе бушевал эфирный ураган огромной мощности, но они уже ощущали удары гравитационных волн. Корабль не вилял, направляясь в вакуум, не скрипел и не вибрировал. Люди просто чувствовали, как теряют и вновь набирают вес. Описать это тому, кто никогда не испытывал ничего подобного, просто невозможно. Это не было похоже на легкую тошноту, когда тебя резко бросает вниз или дергает наверх, как это бывает на Земле. Здесь все дело было в самом человеке, в его собственном гравитационном центре. В один момент ему казалось, что сейчас его раздавит окружающая его плоть, а в следующую секунду он уже был готов взлететь. Рука Сэма легла на переключатель компенсатора, и он выжидающе посмотрел на капитана. Как бы ни относился к нему Сэм, именно ему космическим законом было дано эксклюзивное право отдавать приказы. Вармс уловил вопрос во взгляде Сэма и ухмыльнулся.

— Если это тебя беспокоит, давай, включай. Я всегда делал так в лайнерах. Не хотел, чтобы пассажиры боялись.

Сэм чуть не подавился, но смог удержаться. Он знал, что когда-нибудь Вармс расплатится за это, но черед этому еще не пришёл. Вначале нужно доставить буксир в безопасное место.

Он закрыл крышку компенсатора. Он уже давно запомнил частоту вибраций и его опыт помог ему определить их

мощность. Настройка уже была произведена. Как только новые волны стали расходиться от корабля, гравитационные волны начали распадаться, и Сэму стало комфортнее.

Эти первые ритмичные импульсы лишь причиняли дискомфорт привыкшим к нему людям. На шикарных лайнерах всегда были небольшие компенсаторы, которые ликвидировали подобные неприятные ощущения. Всего лишь небольшая рябь эфира. Намеки Эрика Вармса говорили о том, что причинами его высокомерного поведения были простая глупость и жестокость. Сэм не собирался показывать ему свою личную неприязнь на протяжении всего полета, однако некомпетентность такого командира в любой момент могла привести к катастрофе. В таком тайфуне, который играл воздушными лайнерами, словно листьями во время земной осени, волны ошеломляющей силы могли в любой момент ударить по буксиру. И тогда они уже не будут думать о комфорте. Речь пойдет о выживании.

— Посмотри, Вармс, — ляпнул Труман, который сразу хотел выяснить отношения.

— *Сэр*, мистер. Именно так нужно обращаться к старшему по званию, — резко ответил новый капитан.

Сэм Труман посмотрел на него с равноценной злобой.

— Я всегда говорю так, — спокойно сказал он, — когда разговариваю со старшим по званию. Однако золотая нашивка на твоей фуражке не делает тебя старшим по званию, Эрик Вармс. В такой игре и в такой день важны только твои знания и смелость...

— Т-ты... — Вармс двинулся на него, угрожающе сжимая кулаки.

Сэм отскочил от панели управления и принял боевую стойку, внимательно наблюдая за противником. Если Вармс хочет решить этот вопрос именно так, то Сэм согласен.

Как раз в этот момент ударила большая волна. Невероятная мощность гравитации заставила их замереть на месте. Они беспомощно смотрели друг на друга, пока их мышцы сокращались под давлением, выжимая из их тел последние остатки воздуха. Их кулаки упали вниз, а кожа на лицах стянулась так, что они улыбались друг другу, словно мертвые шуты.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Как только давление упало, рука Сэма сразу же потянулась к панели управления и включила дополнительный генератор гравитации. Он повернулся к трясущемуся капитану, который все еще стоял в центре комнаты управления, где его застал удар гравитации. Сэм поднял кулак и показал его Вармсу.

— Мы превратились бы в маленьких углеводородных кукол размером не больше моего кулака, если бы я до этого уже не включил генератор. Его контрудар практически свел на нет силу волны. Ни человек, ни корабль не выдержали бы такого. Тысячи мегабар.

Эрик Вармс трясущимися руками задумчиво ощупывал покрытые синяками ребра. Бен Тиглмэн растерянно заглянул в комнату. Сэм махнул ему рукой, что означало, что тот должен молчать.

— Итак, Вармс, я уже говорил, — спокойно, словно ничего и не было, продолжил Сэм, — что лучше бы нам решить все вопросы до того, как и мы, и этот корабль превратимся

в кучу мусора, который можно будет перевозить на одном грузовике. Во-первых, нам абсолютно наплевать на то, как ты получил эту работу. Мы догадываемся, но это неважно. Ты капитан. Это решено. По закону мы должны смириться с этим, даже если учесть, что ты ничего не смыслишь в...

Вармс напрягся, и его рука потянулась к кобуре.

— Спокойно, Вармс. Бластер тебе не поможет. Эта игрушка ничего не значит, если учесть, что происходит вокруг. Я могу немного передвинуть этот рычаг, и ты поймешь, что последний удар был всего лишь ласковым объятием. Теперь можешь не блефовать. Спасателями становятся не за крутые разговоры. Я раскусил тебя, когда ты так «ловко» пошутил в доке. Такую погоду приборы, находящиеся в атмосферном слое, не регистрируют. Имеют значение только показания макулометра, а ты-то его и не заметил. Солнечные пятна также очень важны. В любом случае, откуда тебе было узнать хоть что-нибудь о погоде в Эклиптической Линии? Эта контора сажает свои корабли каждый раз, когда идет сигнал «Сила-3». Мы же хотим, чтобы ты заткнулся. А думать будем мы.

Мы знаем свое дело, потому что именно так мы зарабатываем деньги, а массовое самоубийство не входит в наши планы. Этим корытом должен управлять тот, кто знает, что делает. В спасательном флоте ты не имеешь права даже на *одну* ошибку. Одна ошибка — и ты *покойник*!

Капитан Вармс сглотнул и уставился на свои ботинки. Он знал, что его помощник зажал его в угол, а судя по тому, что на лице инженера была еле заметная усмешка, он тоже был против капитана.

— Я готов рассмотреть это предложение, — ответил он. — Почему бы и нет?

«Если эти кретины хотят делать всю работу сами, то пускай делают, — думал про себя Вармс. — К тому же мейнджер сказал, что они опытные».

Он в любом случае получит львиную долю добычи, а это было самым главным. Ему плевать, что они о нем думают. Он мог наблюдать и учиться. У него еще будет возможность отомстить им.

Сэм Труман ответил не сразу. Было непросто объяснить такое странное явление, которое завело в тупик даже ученых. Было известно только одно — волнения эфира происходили во время всплеска солнечной магнитной радиации и появления мощных космических лучей. Считалось, что при столкновении двух типов лучей под критическим углом происходило формирование «высоких» и «низких» зон. Между ними существовала зона гравитационного давления. Совсем недавно в созвездии Скорпиона была обнаружена мощная Новая, и появление солнечных пятен достигало своего максимума на протяжении целого столетия.

— Сейчас мы заходим в «низкую» зону, — начал Сэм. — Забудь о «высоких» зонах. Попасть в них практически невозможно, но если это произойдет тогда, когда ты будешь на поверхности большого астероида, то ты станешь настолько легким, что тебя может разорвать. Люди, корабли, камни — всё разлетается на части. Самое главное, что ты должен знать об этих зонах, это то, что они являются источником *положительных* гравитационных импульсов.

Они выбрасывают эти импульсы. Зоны называют гравитронами, и импульсы от них приходят волнами — пульсирующая радиация.

«Низкие» зоны совсем другие. Они дополняют «высокие» зоны и действуют совершенно иначе. В этих зонах всё становится тяжелым, по-настоящему тяжелым, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Гравитроны пытаются утащить тебя в центр «низкой» зоны. Ничего не поделаешь. Если заберешься слишком далеко, то ракетные двигатели тебе не помогут. А там такое давление, что тебя уже ничего не спасет. Зона затягивает огромные кометы и сжимает их до астероидов диаметром примерно в одну милю. При этом освобождается такое давление, что любая вещь превращается в пыль. Потом наступает хорошая погода. До следующего раза.

Я не знаю, часто ли ты выбирался из кабаков в Европе, чтобы посетить музей, но если бы ты был в музее, то увидел бы кусок металла, известный как «Ложный астероид». Он примерно двенадцать футов в длину и весит почти десять тысяч тонн. Это все, что осталось от круизного лайнера «Зимородок» вместе с его грузом, командой и пассажирами. Был сделан вторичный рентгеновский анализ этой глыбы, результаты которого приведены на специальной диаграмме. На другой таблице представлен химический анализ корабля, вместе со всеми запасами и пассажирами. Обе таблицы одинаковы. Это дает возможность понять, какое давление действует в сердце «низкой» зоны.

Сэм сделал паузу. Вармс нетерпеливо переминался с ноги на ногу, но не перебивал. Сэм продолжил:

— Мы не можем отправиться в центр, хоть мы и сильны. Однако мы можем подойти ближе всех. Эта посудина до отказа забита двусторонними генераторами гравитации, установками притягивающих лучей и поглотителями зета-излучения. На коммерческих кораблях места для них нет, а на кораблях Стражи две трети этого оборудования заменено оружием.

Прямо сейчас все корабли, метеориты и космический мусор движутся по спирали к центру ближайшей «низкой» зоны. Если они зайдут слишком далеко, то это плохо. Мы можем отловить их на краю. Кое-кого будет отбрасывать на астероиды, слишком большие, чтобы двигаться, и они будут застревать там. Это добыча. Кто рано встает, тому Бог подает. Самое сложное — добраться до них. Вокруг огромного планетоида плохая гравитация и корабль может отлететь прямо на нас.

Многие корабли все еще будут пытаться выбраться — ракетные двигатели против мета-гравитации. Если командам кажется, что они смогут выбраться, то они откажутся от нашей помощи. Если они знают, что всё кончено, то у нас есть клиент. Мы цепляем их и, если можем, вытаскиваем.

Когда у нас на буксире будет тяжелый корабль, а именно тяжелые платят хорошо, то придется вытягивать двойной вес, и это против такой же мощной гравитации, как на Юпитере. Не помогает даже то, что эта гравитация — ложная. Она ведет себя, как самая настоящая. К тому же она очень локальна, но мы работаем именно там. Что будет, если ее мощность не снизится через один квадрант, как это происходит с нормальной гравитацией? Эфир, который

якобы не существует, вполне может сыграть с тобой подобную злую шутку.

Что еще хуже, так это то, что чем глубже ты заходишь, тем сильнее становится зета-излучение. Выйдешь из-за экрана и увидишь, как твоя плоть начнет гореть. Это совсем не больно. Вначале. И это самое худшее. Через несколько минут, если тебя не раздавит раньше, то от костей начнет отваливаться мясо, поджаренное и дымящееся. Я не пытаюсь напугать тебя. Я просто рассказываю, что тебя ожидает.

Смысл в том, что нам понадобится все оборудование этой развалины, *исправно работающее*, чтобы выбраться отсюда с тем, что поможет нам расплатиться за горючее. Одна ошибка — и нам конец. Теперь ты видишь, насколько ты был самоуверенным...

— Ладно, хватит, — зевнул Вармс. — Самая занимательная и познавательная лекция, которую я когда-либо слушал. Раз ты так хорошо во всем разбираешься, то можешь принять командование, а я возьму дело в свои руки только в экстренном случае. Позовешь меня, когда я понадоблюсь.

Сэм посмотрел на выходящего из комнаты, и расплылся в победной улыбке. Это был хороший ход, чтобы сохранить лицо. Его вспышка ярости принесла желаемый результат, но огромного удовольствия от победы он не получил. Ему с Беном всё равно придется выполнять работу этого паразита и довольствоваться лишь небольшой долей прибыли. Добычу захватить было непросто, а тем более — если буксиром управляет некомпетентный капитан. Поэтому Сэм был доволен.

Коренастый Бен Тиглмэн одобрительно подмигнул ему. Их предыдущий капитан был очень похож на нынешнего.

III

Маленький гонг прозвучал три раза. Неподалеку находился объект с реальной гравитацией. Это была не та нематериальная, космическая псевдогравитация, которая создает погодные волны эфира. Сэм нажал на кнопку бокового перископа и навел его на объект. На видеопластине появилось изображение. Это был небольшой корабль, длиной примерно десять миль, который болтало так, словно он раскачивался на огромных волнах настоящей воды. Из кормы появилась яркая вспышка, исчезла и вновь возникла в паре миль за кораблем.

Эта вспышка доказывала, что трата огромного количества горючего не поможет. Вспышка была не похожа на обычный выхлоп ракетного двигателя, что говорило о начале процесса компрессии. Давление было очень высоким, гравитация была уже намного выше, чем на Земле.

— Он не справляется с плохой погодой, не так ли? — сказал Бен, выглядывая из-за плеча Сэма. — Небольшой грузовик с низкопробной рудой на оплату затрат и несколько пассажиров на борту — чтобы получить прибыль за экспедицию. Может, группа учителей, которая решила посмотреть на чудеса Вселенной во время летних каникул, или фермеры-пенсионеры, решившие слетать в космос.

— Им конец, — мрачно сказал Сэм.

У него вызывала отвращение именно эта часть спасательных работ. Это был космический бродяга, скорее всего, этот корабль отдали в залог, потому что его пассажиры были «никем». Так, небольшая горсточка людей, которая собрала последние деньги, чтобы отправиться в космос. На корабле не было маркировки Линии, поэтому для МПС это была невыгодная добыча.

Тонкая линия огня потемнела и исчезла. Натренированным взглядом прирожденного астронавта Сэм запомнил расположение звезд за вспышкой. Возле хвоста была яркая звезда, а впереди — еще пара. Яркая звезда позади корабля пряталась за мощностью шторма, и расстояние до первой пары увеличивалось. Борющийся корабль, который был не в состоянии противиться мощной силе, постепенно двигался назад. Вскоре он провалится в водоворот раскрывающейся «низкой» зоны.

Сигнал SOS прозвучал очень четко. Сэм увидел видеокод корабля и настроил микрофон, чтобы поговорить с капитаном. Вскоре он увидел размытое изображение старомодного отсека управления, забитого устаревшей аппаратурой. На него смотрел пожилой мужчина с изможденным взглядом из-под фуражки, на которой был указан его ранг, но не было эмблемы ни одной известной линии. За ним расположилась группа людей, собравшихся в зале управления, чтобы воспользоваться преимуществом одного небольшого компенсатора, который должен был быть на таком корабле. Сэму показалось, что среди них была женщина, но сигнал был таким плохим, что не мог дать абсолютной уверенности в этом.

— *«Вероника»* с Ио на Землю, капитан Трибл. Топлива нет. Мне нужно четыре часа, чтобы достать резервные запасы и разогреть их. Вы сможете продержаться меня так долго?

— Кто оплатит счет? — с неохотой спросил Труман.

На возбужденном лице капитана мелькнуло отчаяние.

— Ты можешь забрать мою долю на этот корабль, — с трудом ответил он. — Это все, что у меня есть. Восемьсот тонн трибонита в трюме и пять пассажиров. Они могут собрать немного денег. Я знаю, что трибонит не очень...

Он замолчал. Он знал, что просит невозможного. Репутация МПС была известна всем давно. Деньги на бочку, или хорошо продающиеся трофеи, — и железная гарантия спасения обеспечена!

— Разогревай топливо. Я иду.

Сказав это, Сэм Труман сам удивился своему решению. Должно быть, это стало выражением гнетущего недовольства, отвращения к похожему на свинью менеджеру в Гератполисе, ненависти к спящему Эрику Вармсу и всей политике МПС, а также — чувства омерзения к той роли, которую его заставляли играть так часто. Всё это заставило его принять такое безрассудное решение. Терпящие бедствие не могли заплатить адекватную цену. Сэм знал это. МПС уволит его. А потом он подумал, что они, наверное, уволят и только что нанятого капитана Вармса. Он должен быть на посту, а не спать. Сэм злорадно ухмыльнулся: капитан не должен покидать пост.

За кормой *«Вероники»* медленно появилась толстая уродливая сфера. Бен Тиглмэн стоял у стойки управления якорями, держа руки на переключателях. Буксирные кнех-

ты «*Квазинда*», грибоподобные катоды, уже раскалились добела, что позволяло им удерживать неустойчивые электронные лучи. Когда буксир подошел к борту раскачивающейся «*Вероники*», Сэм Труман заметил, что ее примитивные контра-катоды все еще были темными и бесцветными. Разозлившись, он щелкнул переключателем рации.

— Разогревайтесь, — прокричал он. — Я не могу зацепить вас.

На экране появилось взволнованное лицо капитана «*Вероники*».

— Все вспомогательное оборудование, кроме компенсатора, вышло из строя...

— Тогда пошлите туда пару людей с факелами!

— У нас нет зета-скафандров. Люди сгорят, как только выйдут. Вы не можете удержать меня магнитными крюками?

Сэм выругался. «*Вероника*» была окружена легким розовым свечением зета-огня, но магнитные крюки! Все равно, что использовать веревку из песка. Он хотел помочь этим людям, но у капитана чужого корабля просто не хватало необходимых ресурсов.

— Они хотят, чтобы их кормили с ложечки, — сухо заметил Бен, но Сэм уже натягивал на себя скафандр.

— Мы уже достаточно близко к ним. Я вручную нагрею их чертовы кнехты. Как только я подам сигнал, бросай крюк, немного подтяни и жди меня. Когда я вернусь на корабль, сразу давай полный газ. Гравитация здесь намного выше, чем я думал.

Он был уже на полпути к утопающей «*Веронике*», когда резкий порыв ветра отнес его далеко за корму корабля. Удар

был таким сильным, что кости у Сэма затрещали, словно в него выстрелили из дробовика. Небольшой компенсатор скафандра был не таким эффективным, как компенсатор буксира, но после первой волны Сэм все еще был жив, хотя дышать было тяжело. Он решил, что близость двух кораблей, обладающих реальной гравитацией, привела к тому, что между ними образовались волны мета-гравитации.

Ручные ракетные двигатели оставляли за собой яркий след, и было легко проследить, как он отлетел от кораблей, но, когда Сэм попытался вернуться, он понял, что не двигается с места. Он включил факел, чтобы использовать и его силу для движения, однако сдвинуться ему удалось незначительно. Случайная волна могла подхватить его и вернуть обратно. Он знал, что Бен следит за ним и, если понадобится, то он развернет *«Квазинд»* и вернет его на корабль. Однако это будет пустой тратой времени и им вновь придется подводить буксир к беспомощному прогулочному кораблю.

В голову Сэма пришла отчаянная мысль. Буксировочный луч за его нагретый шлем ухватится так же, как и за разогретый кнехт. Сэм направил факел на шлем, очень надеясь на то, что изоляция защитит его мозг. Ощущения были не очень приятными, но он продолжал нагревать шлем до тех пор, пока жар стал невыносимым. Он сомневался, что ему удастся нагреть шлем добела, но можно было попытаться. Он приказал Бену бросить ему небольшой буксировочный луч.

Его челюсти были сжаты от напряжения, а по лицу стекал пот. Эксперимент займет всего лишь одно мгновение. Если луч не подхватит его, то придется придумывать что-

то другое. Он с надеждой посмотрел на яркий зеленый луч, потянувшийся к нему от толстой сферы, видневшейся впереди. Луч проходил мимо него пять раз, пока наконец не нашел его. Сэма рвануло так, что чуть голова не оторвалась. Его невероятно быстро потянуло к буксиру, все тело наполнилось электричеством, заставляя мышцы биться в агонии, что причиняло невыносимую боль. Его охватил калейдоскоп безумных ощущений, ему казалось, что его одновременно повесили и посадили на электрический стул.

Когда он более-менее справился с охватившими его чувствами, которые сводили его с ума, он понял, что «*Квазид*» передвинулся вперед, потому что сейчас он болтался на буксировочном луче перед носом злополучной «*Вероники*». Судя по всему, Бен выключил луч — полоса зеленого света превратилась в облако дыма, и Сэма резко бросило на носовую часть дрейфующего корабля. Он схватился рукой за холодный кнехт и присел рядом с ним.

Корпус, на котором он сидел, был полностью покрыт бледным розовым сиянием и кнехты были целиком укутаны электрическими разрядами, но Сэм не обращал на них внимания. Скафандр давал ему надежную защиту от них, и он не ощущал смертельного покалывания, которое могло свидетельствовать о брешах в его защите. Он направил факел на кнехты, и они начали понемногу нагреваться, становясь вначале темно-красными, потом бордовыми, а затем бледно-серыми. Он прокричал что-то в микрофон и отпрыгнул. Он только что пережил шок буксировки небольшим лучом, и ему не хотелось попасть под воздействие более мощного импульса.

Мимо него пролетела изогнувшаяся змея сошедших с ума электронов, но в тот момент, когда она ухватила за нос «*Вероники*» в предвкушении желанной добычи, Сэм находился уже достаточно далеко. Луч ухватился за кнехты и укрепился на них. «*Квазинд*» натянул буксировочный луч и начал медленно двигаться назад, словно паук, подтягивающий на тонкой паутине свою жертву. Видя, что работа сделана, Сэм ушел в космос, включив и факел, и двигатели, и начал медленно приближаться к открытому люку под корпусом буксира.

Бен Тиглмэн слишком давно работал на буксире, чтобы сильно удивляться тому, как ему удалось подцепить Трумана, но, изучив шлем скафандра, который снял Сэм, он все-таки спросил:

— Ну и как это было?

— Ужасно! — ухмыльнулся Сэм, растирая шею.

Утомленный электрическими судорогами, он налил себе стакан воды и выпил его залпом.

— Продолжаем работать, — добавил он. — Через несколько часов эта развалюха сможет двигаться сама. Мы сбросим их, и если наш друг Вармс все еще будет спать, то будем считать, что мы сделали хорошее дело и не окажемся за это в аду.

— Буксир и так идет на полном ходу, — сказал Бен. — Быстрее эта старушка двигаться не сможет.

Сэм подошел к перископу и посмотрел на свой груз. Он раскачивался взад-вперед, повиснув на ярком зеленом луче, словно рыба, подцепленная на крючок и пытающаяся

сорваться с него. Иногда Сэм терял корабль из виду из-за выбросов ракетного двигателя буксира, но того, что он видел, было достаточно.

— Продолжай движение, — сказал он Бену и сел на небольшой диван.

Он закрыл глаза и некоторое время абсолютно не шевелился. Ему здорово досталось. Затихающие космические волны ритмично пульсировали во всем теле, клоня Сэма ко сну. Примерно через час звуковой сигнал привлек внимание к телекоммуникатору. Начал приходить поток сигналов бедствия, которого они так давно ждали. Сэм тяжело поднялся. Как только они избавятся от *«Вероники»*, они пойдут на зов одного из них.

Первые два были далеко — в зоне Юпитера. Потом пришел сигнал от *«Протея»*. Вместе с *«Пылью кометы»* они потеряли управление и попали в один и тот же водоворот. Они неслись навстречу смерти, кружась и приближаясь друг к другу на опасное расстояние. В конце концов их сожмет так, что они превратятся в один бесформенный кусок металла. Четкий сигнал пришел от *«Эстрелла Верде»*, который четыре недели назад вышел из Оберона и направлялся в Аналитическую Службу с неназванным грузом на борту, оценивающимся в сорок с лишним миллионов. У корабля было мало горючего, и его накрыло транссистемной волной «высоких» и «низких» зон. В последнем сообщении говорилось, что он падает на скопление астероидов. Они думали, что это была передняя группа Троянцев, но не могли идентифицировать ближайший астероид. Затем пришло срочное сообщение от *«Испанской Звездной Линии»*,

владельцев корабля, которые гарантировали его стоимость и просили как можно быстрее послать к кораблю спасательное судно.

IV

Капитан Вармс, разбуженный постоянным писком, покачиваясь, вошел в зал управления. Глаза у него были покрасневшие, а волосы растрепанные. Он взял в руки ленту сообщений и начал внимательно читать ее.

— Ага, — сказал он, увидев последнее сообщение. — Эта «*Эстрелла Верде*» выглядит неплохо. Какой у нас курс?

Он нахмурился, переведя перископ вперед и увидев красную точку Марса. Затем, почувствовав, что «*Квазид*» с трудом двигается под тяжестью груза, он перевел перископ назад, чтобы посмотреть в хвост корабля. Он хотел знать, что у них на буксире сейчас, и Сэм рассказал ему.

— Да, да, — огрызнулся Вармс, — какая выгода для нас? Ах! Это опять твоя чертова сентиментальность? А вот и решение.

Ни Сэм, ни Бен даже не успели пошевелиться. Резким движением Вармс отключил буксировочные крюки. Тяговый вал застонал, лишившись груза, но потом сработали автоматические тормоза. Щелчок автоматического выключателя был подобен взрыву. Трепещущая зеленая лента, на которой висели жизни пассажиров «*Вероники*», исчезла. Странник улетел в тайфун, снова потеряв надежду на спасение.

— Через час мы бы могли отпустить их, — спокойно сказал Сэм, хоть и задыхался от злобы. — На борту помимо команды были женщины.

— Женщины! — оскалился Вармс. — Так вот в чем дело? *Мне* нужны деньги. Дай мне достаточно денег, и я найду себе столько женщин, сколько захочу.

Он приблизился к своему помощнику в своей обычной самодовольной манере.

— Я выслушал тебя, мистер, согласился с тобой и позволил тебе распоряжаться буксиром. И *вот* что ты сделал. Ты глупец, вот в чем твоя проблема. В глупости. Ты полный дурак. Ты не понимаешь, в чем смысл, и никогда не понимал этого. Ты был точно таким же и в академии, когда мы повесили на тебя ту выпивку и тебя выперли с Луны. И в тот день на Эклиптических экзаменах ты начал вытворять каскадерские трюки, великий и могучий мистер Труман. Ты думал, что уже стал капитаном. Это должно было стать легкой прогулкой, работа уже почти была у тебя в кармане. Тебе даже не хватило мозгов, чтобы проверить свой корабль. Неужели ты думал, что я позволю тебе сделать это? Какой же ты дурак...

Самоконтроль Сэма проломился под напором Вармса. Правая рука метнулась вперед и ударила в подбородок обидчика, а затем последовал удар левой, и капитан отлетел к стене. Сэм сумел обуздать ярость, охватившую его, и спокойно стоял и смотрел, как Вармс пытается прийти в себя. Когда капитан поднялся, на Сэма было направлено оружие.

— Тебе конец, Труман, — прорычал он, наливаясь злобой.

Увидев, что Сэм ничего не предпринимает, он стал говорить спокойнее:

— Ты был сопляком и им остался. Ты ударил старшего по званию. За это я могу пристрелить тебя на месте. Меня оправдают. Но я этого делать не буду. Шахты Япета с радиоактивной рудой мне нравятся больше. Не так быстро, зато надежно. И вполне легально...

Бен Тиглмэн был похож на кошку, прыгнувшую на мышь. Стремительный прыжок к Вармсу — и вырвавший оружие из рук капитана Бен уже был в другом углу, направив бластер на Эрика.

— Что ты собираешься с ним делать? — спросил он Сэма, не сводя глаз с Вармса.

— Пока ничего, — тихо ответил Сэм. — Обезвредь оружие, Бен. Мы справимся с ним и без бластера.

— Это не сойдет тебе с рук, — пробормотал Вармс, когда Бен уверенно разломал бластер и выбросил его в мусорный отсек.

— Правда? — ответил Сэм. — Давай посмотрим, что скажут в суде. Хочешь продолжать игру, давай. В эту игру можно играть вдвоем. Идея с шахтами Япета мне понравилась. Вот только туда попадешь ты, а не я. Я думал, что ты лучше разбираешься в космических законах. Я уверен, что перед тем, как нанять тебя, они сказали, что ты можешь отказаться от буксировки того, кто не может заплатить. Однако, судя по всему, ты не знал, что *как только ты берешь кого-то на буксир*, ты полностью несешь за него ответственность.

В тот момент, когда ты отпустил этот корабль, ты совершил убийство, массовое убийство.

— Я не давал приказ о буксировке, — возразил Вармс.

— Ты капитан этого корабля, — заметил Сэм. — «*Квазинд*» взял эту посудину на буксир. Смешно, правда?

Труман сплюнул на пол и вышел из зала.

Оказавшись в своей каюте, он долго сидел на краю кровати и думал, что делать дальше. Он ни на секунду не пожалел о том приступе ярости. Он знал, что должен своему капитану больше, чем пара издевок, хоть и находился в невыгодном положении. Он давно подозревал, что Вармс был причиной его неудач, но у него, как всегда, не было доказательств. Это осталось в прошлом. Что делать сейчас?

Он, конечно, мог вернуться на Марс и заставить суд покопаться в их грязном белье. Думая об этом, он не был уверен, что ему удастся выиграть. Закон был именно таким, каким он описал его Вармсу, но ведь были еще и Марсианские процедуры, с которыми нужно было считаться. Вармс послал «*Веронику*» на смерть, это правда. Вместе с кораблем пропали и его команда с пассажирами. Единственными свидетелями будут он сам и Бен, которых арестуют в Гераполисе по обвинению в мятеже. МПС, не получивший платы с корабля, мог быть очень мстительным.

К тому же повернуть назад сейчас было бы нечестным по отношению к Бену и другим ребятам. Последние месяцы были скудными и их будущее зависело от сегодняшних призовых. В довершение всего, его ссора с Вармсом имела личный характер, и было бы несправедливо заставлять страдать от этого других. Сэм решил повременить с рас-

платой и постараться держаться от своего старого врага подальше, насколько это возможно. В конце концов, Вармс был офицером с лицензией и должен будет суметь пробраться сквозь шторм. В том настроении, в котором находился Сэм, ему было все равно. «Квазинд» мог и погибнуть, но Трумана это не волновало.

Он был слишком возбужден, чтобы заснуть. Он планировал держаться подальше от зала управления, хотя бы до тех пор, пока не возникнет какая-нибудь чрезвычайная ситуация. Он прошел в хвост корабля и вошел в машинный отсек.

Извивающаяся, горящая сфера, пляшущая между переплетающимися кольцами мезотронного нагнетателя, напомнила ему о том, что он до сих пор не проверил свои космические якоря. Ввиду сложившейся на борту ситуации, ему вряд ли бы удалось воспользоваться ими, но его всегда поражали их возможности. Что станет с ними, если Вармс и изворотливые судьи МПС справятся с Сэмом? Может, будет лучше, если он уничтожит их? Ему была противна мысль о том, что *его* изобретением будут владеть другие.

Но можно ли их уничтожить? Пока квинтиллионы электронов были собраны в плотный шар, уничтожить их может оказаться ему не под силу. Их разрушительная сила, неожиданно вырвавшаяся на свободу, будет устрашающей.

Он задумчиво посмотрел на переливающийся шар с молниями. Он был так же хорошо виден сквозь плотную крышку, как солнечный свет через стекло. Острые электроды продолжали наполнять горящую массу миллиардами единиц энергии. Шар был уже почти целый ярд в диаметре, и если

его выпустить в космос, то он будет гореть несколько часов, словно миниатюрное солнце.

Он решил избавиться от якорей. Так будет лучше. Когда они замерзнут, то их можно будет легко выбросить в выхлопную трубу ракетного двигателя. Он подозвал к себе одного из людей Бена.

— Отключи и заморозь.

Он видел, как шар начал уменьшаться, как только прекратилась подача энергии. Вначале он стал размером с мяч, а потом размером с яблоко, которое было раскалено добела. Шар стал в два раза меньше, все еще продолжая светиться. В конце концов, он превратится в небольшой камешек, который будет весить несколько тонн на Земле, но который будет оставаться холодным и инертным в ванне с жидким водородом. В таком состоянии работать с ним будет безопасно.

Он знал, что на то, чтобы успокоить эту небольшую вибрирующую сферу, понадобится несколько часов. Потом ее можно будет забросить в холодный раствор, где уже находятся ее друзья. Ему не оставалось ничего другого, кроме как ждать. Сэм не хотел продолжать бесполезный спор с капитаном и поэтому вернулся в свою каюту, упал на кровать и заснул.

Он иногда ворочался во сне, потревоженный загадочными движениями буксира, оказавшегося посреди бушующего шторма. Он поражался тому, как такая хитрая и алчная организация, как МПС, могла доверить корабль, зарабатывающий деньги, человеку, который так плохо разбирался в

гравитационных штормах. Шли часы, а корабль шел дальше. Надрывный гул компенсаторов говорил Сэму о том, что они забрались в опасную глубину «низкой» зоны.

Через некоторое время он проснулся от покалывания в теле. У него был жар — его подташнивало, и у него кружилась голова. Он с трудом открыл глаза и увидел то, чего боялся больше всего — зловещее розовое сияние зета-огня. Им была покрыта вся мебель, и, поднявшись на ноги, он увидел, что всё вокруг светится. Ему удалось достать мазь из шкафчика и намазать кожу. Покалывание прекратилось, и он обмотал покрытую мазью кожу черной изолентой, после чего стал похож на мумию. Незакрытыми остались только ноздри и глаза. Карбид гафния, которым была пропитана изолента, будет отражать смертоносные лучи, если их мощность не увеличится.

Сэм надел скафандр и включил компенсатор. Он был так занят защитой от зета-лучей, что почти не заметил вибрацию, охватившую все тело. Боль в ребрах напомнила ему о давлении. Вармс завел их в самое пекло.

Труман вошел в зал управления, ожидая увидеть бегающего взад-вперед Вармса, но капитан сидел перед главной панелью и удрученно смотрел на монитор. Как только Сэм вошел в зал, их обоих накрыла огромная компрессионная волна, которая тут же спала, как только Вармс до отказа поднял рычаг. Сэм понял, что Вармс кое-чему научился. По вибрациям напольных пластин он понял, что аварийный набор труб разрывался. Зал управления был наполнен розовым сиянием зета-излучения. Руки и голова Вармса предательски светились.

— Тебе стоит пойти ко мне и намазаться аназетом, — сказал Сэм. — Потом обмотайся лентой, как я. Она лежит на кровати.

— Там целое состояние, — прохрипел Вармс, указывая на монитор. — А мы не можем добраться туда. Каждый раз, как я опускаюсь до определенного уровня, нас что-то подхватывает. Такая мощь. Можно подумать, что...

— Прекрати, чувак, ты умираешь. Через десять минут тебе не понадобятся никакие сокровища Вселенной, если не сделаешь так, как я сказал. Это сокровище подождет.

Сэм поднял его из кресла, повел к двери и проводил взглядом, когда Вармс, пошатываясь, вышел в коридор. Быстрая проверка показала, что Бен с ребятами начеку и у них все в порядке. Внизу розовых лучей не было. Сэм вернулся к приборной панели и провел некоторые изменения, чтобы улучшить положение внутри корпуса. Розовый огонь погас, и дышать стало легче. Сэм начал изучать монитор.

Под ними был планетоид с высокими скалами и глубокими ущельями. То тут, то там можно было заметить скопления кристаллической материи, но признаков жизни нигде не было. Он понятия не имел, как назывался этот объект, однако характерное расположение гор и ущелий говорило о том, что это был один из Троянцев, самый дикий и суровый из всех маленьких миров. «*Квазинд*» находился на его орбите, потому что через некоторое время изображение сдвинулось. Он заметил нечто, похожее на предупредительный маяк, который был полностью разрушен.

Когда Труман вновь посмотрел на экран, он заметил то, на что позарился этот глупец. Застрявший между двумя

высокими пиками, лежал огромный корабль, в котором было легко распознать судно «Испанской Звездной Линии». Его нос был раздавлен, а в корме зияла дыра. Сэм прекрасно видел корабль, хотя расстояние до него было немалым. Вармс использовал максимальное увеличение. Середина корабля казалась неповрежденной, что было неудивительно. Именно там хранился груз. Компрессия не могла повредить плотно упакованную руду.

«Квазид» пришел в движение и вернулся на орбиту астероида. Сэм заметил, что объект удаляется с невероятной скоростью. Ему пришлось использовать всю мощь буксира, чтобы вернуться на замкнутую кривую. Траектория движения корабля говорила о необычной комбинации гравитационных сил. Здесь действовало естественное притяжение планетоида, во много раз помноженное на действие шторма. К тому же здесь действовали псевдогравитационные силы, которые пытались затащить буксир на «высокую» или погодную сторону небольшого объекта. С подветренной стороны происходило столкновение этих двух сил. Волны шторма могли с легкостью оторвать «Квазид» от астероида.

V

Сэм Труман был настолько зачарован сложностью проблемы, что совершенно позабыл о недавней стычке с капитаном и о своем необычном положении на борту корабля. Невероятно ценный, но почти недоступный корабль «Эст-

релла Верде» бросал вызов его профессиональной гордости. Его охватило страстное желание спуститься вниз и взять на буксир эту развалину. Жадность, которая была мотивацией для Вармса, не была стимулом для Трумана. Конечно, ему нужны деньги, кому они не нужны! Его возбуждало то, что он был так близок и в то же время так далек от этой кучи металла, которую все хотели заполучить.

Он бросил взгляд на журнал, чтобы посмотреть на показатели — показатели потребления компенсаторов и использования ракетных двигателей. Он построил несколько кривых. Они не обнадеживали. Они продолжали повышаться, а это значило, что шторм еще не набрал свою полную силу. Уже сейчас подходить близко к погибшему кораблю было чрезвычайно опасно. Возможно, ему придется подождать, пока маленькая планета не сделает пол-оборота и потерпевшая крушение *«Эстрелла Верде»* не окажется с подветренной стороны. Но он все еще не знал название планетоида.

Он просмотрел первые сообщения о сигналах бедствия, которые пришли десять часов назад. Судя по всему, корабль упал при таких же условиях, которые наблюдались сейчас. Это значит, что более-менее безопасно приблизиться к нему можно будет часов через пять. Но сможет ли Сэм удержать *«Квазинд»* поблизости от него в течение такого долгого времени? Шторм в любой момент может подхватить буксир и унести в космос. На то, чтобы вернуться обратно, может потребоваться очень много времени.

Он прошелся взад-вперед по залу, рассчитывая в уме время, мощность шторма и ракетных двигателей. Писк

монитора телетайпной связи заставил его отвлечься. Он машинально взял в руки ленту сообщений и начал откровенно читать. Насторожившись, он перечитал сообщение. Это был перехват связи между МПС и «Тором». «Тор» уже привез на базу первую добычу и вышел в космос второй раз. Они передавали ему координаты местонахождения «Эстреллы». Еще ни один буксир не сообщал о ее обнаружении. Это была хорошая добыча. «Тор» сказал, что знает об этом корабле и направляется к нему.

Сэм начал действовать. Бен ответил на его настойчивый вызов.

— Сейчас или никогда, Бен. Бросай якоря в электрическую печь и начинай разогревать их. Мы попробуем использовать космические крюки. Если они выдержат, тебя ждет сладкая жизнь.

— А если нет?

— Бен, сюда идет «Тор»! Мы *должны* зацепить эту детку, пока он не появился, иначе придется повторять все сначала. Мы всегда проигрывали. Капитан «Тора» женился на дочке менеджера не из-за ее красоты. Ты знаешь, каковы наши шансы в разбирательствах о разделе награды.

Сэм с трудом вывел «Квазинд» в поток гравитационных импульсов и направился к планетоиду. Он страшно боялся идти между маленьким Троянцем и набегаящими волнами, но выбора у него не было. Он мог лишь решить, что это слишком сложная задача, и убежать в поисках укрытия.

Как только буксир лег на курс и Сэм уже не мог ничего изменить, он покинул зал управления и пошел посмотреть, как нагреваются его небольшие камешки. Когда Труман за-

глянул в печь, они уже раскалились добела. Еще пара сотен градусов — и они будут готовы к действию.

Космические якоря были давней мечтой астронавтов. А также поводом для шуток. Им был нужен звездный якорь, но еще никому не удавалось создать его.

— Я знаю, что у них внутри, я помогал тебе их создавать, — сказал Бен, — но я все еще не понимаю...

— Они работают так же, как силовые экраны на боевых кораблях, — уверенно сказал Сэм. — Они создают шары чистой энергии и выстреливают ими буксировочную цепь. Рывок полностью размотавшейся цепи вызывает выброс радиации. Энергия пытается уйти от ближайшего центра гравитации, понимаешь? Ее ядро надежно удерживается буксировочной цепью, и энергия не может уйти. Она может лишь распадаться и превращаться в радиацию. Пока это происходит, она не только притягивает корабль, но и отталкивает все, что находится извне. Они выстреливают такие шары повсюду. Это помогает сбалансировать давление на корабль и обеспечивает ему идеальную защиту.

— Да, но...

— Доставай клещи и зови людей. Давай грузить якоря на ленту выбрасывающего механизма в верхней полусфере. К каждому из них нужно прикрепить буксировочную цепь. Как гарпун. Давай, я покажу.

Сэм убежал, чтобы проверить положение буксира. Они были уже почти над разбитым корпусом «*Эстреллы Верде*». Он уже примерно рассчитал силу притяжения и знал, чего ждать от каждого якоря.

— Лента один, три, пять. Огонь!

Приказ прозвучал. Ракеты полетели. Эта игра была сродни русской рулетке. Бен уже нажал три кнопки и стоял за Сэмом, уставившись на монитор. Три ракеты, летевшие почти вертикально, находились на идеальной горизонтальной линии на небольшом расстоянии друг от друга. За тремя сферами сияющей энергии тянулись ленты бледно-зеленого огня, привязывающие их к кораблю. Это были гарпуны из ослепляющего света, и когда зеленые цепи натянулись, яркие сферы взорвались и превратились в огромные шары невыносимо яркого света.

— Держись, — закричал Сэм, когда «*Квазинд*» затрясло от удара.

Это было похоже на столкновение с твердым предметом. Буксир повело в сторону, он остановился, а потом вернулся в исходное положение, словно гигантский маятник. Сэм повернул перископ, чтобы увидеть планетоид. Он был большим и быстро приближался. Это означало, что они падали.

— Еще два, любых! — прокричал Сэм.

Такого сильного удара больше не было, но приближение поверхности планетоида замедлилось. Сэм установил циркуль на экран и измерил их положение. За целую минуту оно изменилось лишь на пару градусов.

— Мы все еще падаем, — заметил он, но в его голосе слышалось облегчение. — Так и должно быть, пока мы не приблизимся к развалине на достаточное расстояние. Сейчас всё под контролем. Последний якорь завершит дело. Господи! Как же нам повезло, что мы сделали шесть штук.

С довольной улыбкой на лице он посмотрел на Бена.

Лицо Бена все еще было удивленным.

— А теперь смотри, — возбужденный своим успехом, рассмеялся Сэм. — Помнишь воздушные шары, с которыми мы играли в детстве? Представь себе пять таких шаров с привязанными к ним кирпичами. Это мы. Эти пять кусков энергии пытаются убраться как можно дальше от ближайшего центра гравитации. В данный момент это астероид, находящийся под нами. Они недостаточно сильны, поэтому мы падаем. Когда мы снизимся до нужной высоты, нам просто нужно будет выстрелить последний шар — и дело в шляпе. Тонкую настройку движения можно проводить с помощью ракетных двигателей.

Бен Тиглмэн понял. Он также понял, почему Сэм не хочет снижаться до самого конца. Они были в такой же ситуации, в какой оказался бы корабль в настоящей воде — они были привязаны к якорю с подветренной стороны скал. Если они будут снижаться дальше, то малейшая ошибка приведет к тому, что их разнесет на куски об одну из гор. К тому же всё, что от них требовалось, это взять на буксир корабль и вырваться в космос, как только шторм ослабнет.

— Однако, — сказал Сэм, — есть кое-что, чего мы *не знаем*. Как долго продержатся наши якоря? Мы зарядили их на четыре часа, но они могут разрядиться и быстрее. И когда они разрушатся... *Бабах!* Даже если мы включим двигатели на полную, то нам очень повезет, если мы сможем совершить мягкую посадку. Ты сам видел, какая поверхность у этого планетоида. Я спущусь вниз и прикреплю буксиро-

вочные лучи к этой развалюхе. Если погода улучшится, то нам останется лишь вытянуть ее оттуда.

Бен кивнул, но не мог не заметить, что их положение оставалось очень рискованным. Он не подумал о коротком сроке службы якорей. Но ведь им может повезти и погода улучшится. Они смогут выбраться. А еще к ним идет «Тор». Инженер согласился с планом Сэма. И выполнять этот план нужно было быстро.

— Мне понадобится шлюпка и пара ребят, — сказал Сэм.

Неожиданно в зале управления появился Вармс, замостанный в гафниевую ленту.

— Что здесь происходит? — раздраженно поинтересовался он.

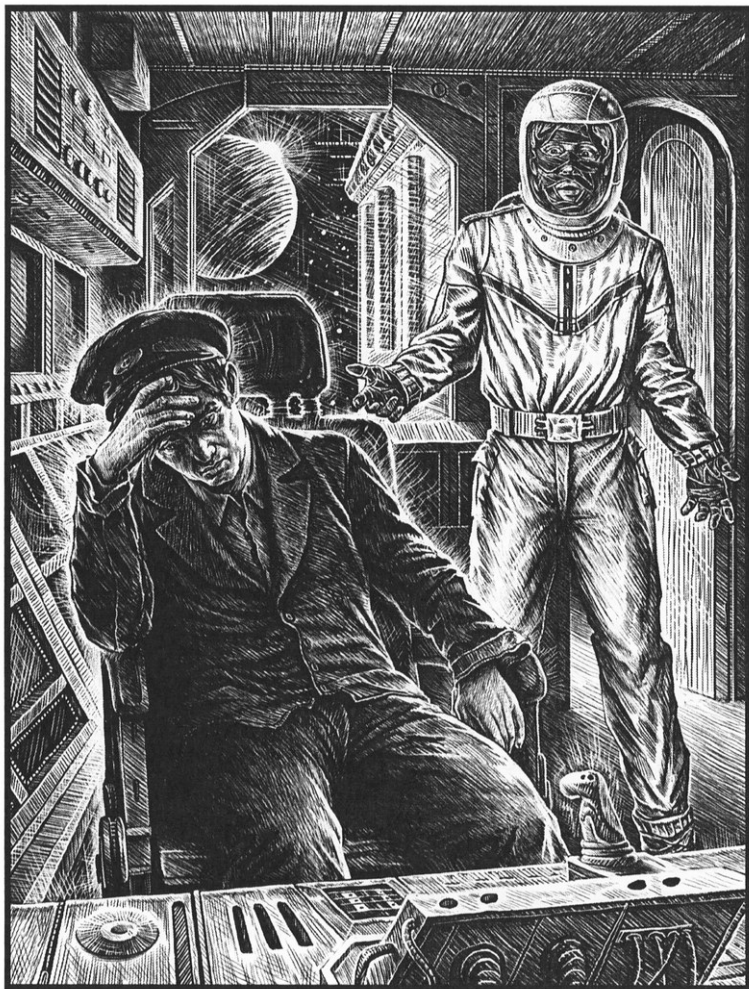
Судя по всему, лучи радиации не нанесли ему особого вреда и он не сгорел заживо.

Бен испугано посмотрел на капитана, но Сэм взял быка за рога и решил пойти напролом. Если его якоря сработают, то в будущем с их помощью можно будет спасать те корабли, которые раньше спасти было невозможно.

— Если я возьму на буксир тот корабль, который ты хотел, и ты при этом не пошевелишь и пальцем, мы сможем договориться?

— Если я больше не увижу ни доллара, то ты отправишься на шахты Япета, — рявкнул Вармс. — Я ни в чем не признаюсь...

— Мне не нужны твои признания, Эрик. На Марсе мы получим или всё, или ничего. Я говорю про Бена и его ребят. Им нужны деньги. Ты тоже получишь свою долю. Всё, о чем я тебя прошу, это чтобы ты оставил Бена в покое.

И сейчас, и когда мы вернемся обратно. Он тебе ничего не сделал, поэтому не впутывай его в наши дела. Если я пойду брать на буксир *«Эстреллу»*, то здесь мне нужен кто-то, кому я смогу доверять. Не трогай его, пока я не вернусь. Это всё, о чем я прошу. Ты ничего не потеряешь.

— Ах, этот балбес, — презрительно сказал Вармс. — Я и забыл, что он все еще жив. Делай, что задумал, если тебе так хочется. Ты прав, мы сможем разобраться в Гераполисе. Если твой жирный дружок...

Это всё, что было нужно Сэму. Он боялся и не хотел, чтобы, пока сам он будет висеть внизу на луче из электронов, Вармс игрался с управлением. Вармс обещал, что не будет обвинять Бена в мятеже, но Сэм не верил ему. Ну что же, он хотя бы попытался. Он надеялся, что из-за своей жадности Вармс не помешает им захватить *«Эстреллу»*. Именно поэтому он указал ему, что не стоит вмешиваться в управление.

Мотивы Сэма не были настоль уж альтруистскими, как думал Вармс. Труман хотел, чтобы ребята получили достойную оплату за свои труды, но больше всего его интересовал успех его якорей. Он начал испытывать их и хотел посмотреть, на что они годятся.

Тишина в подвешенном корабле была обманчивой. Бен уже выстрелил шестой и последний из космических крюков, и буксир завис в каких-то ста футах над потерпевшим крушение кораблем. Орбитальная скорость была равна нулю. Маятниковые движения прекратились. Сэм с командой отправились в шлюпку, подвесив ее предварительно к брюху *«Квазинда»* и закрепив на конце буксировочного луча, чтобы облегчить спуск.

Это было правильное решение, потому что гравитация была очень сильной и ее волны обладали невероятной мощностью. Бен медленно спускал их вниз, ярд за ярдом. Снизу навстречу им тянулись два острых, как иглы, горных пика, а между ними были видны смутные очертания потерпевшего крушение корабля, наполненного сокровищами. Повсюду вспыхивали очаги розового огня. Шторм все еще бушевал вокруг.

Сэм старался держаться подальше от разодранных и искореженных пластин, которые когда-то были носом «*Эстреллы Верде*». Шлюпка жестко приземлилась на камни недалеко от корабля. Сэм вышел и посмотрел на эту машину, которая казалась вдвое больше при слабом свете и на фоне тонких скал Троянца.

Наверху темнота была разбавлена яркими красками: от черной точки «*Квазинда*» вниз тянулась тонкая зеленая линия, к которой крепилась шлюпка, а вверх от буксира уходили яркие натянутые лучи, на концах которых находились якоря. Прекрасное созвездие, состоящее из шести ярких сфер, которые отдавали свою невероятную силу небесам. Сэм сообщил о благополучном приземлении и зеленый луч, соединяющий шлюпку с буксиром, задрожал и погас.

VI

Опытный взгляд Сэма ощущал разбитый корабль. Отбуксировать его в целости и сохранности было невозможно. Нос был полностью разрушен, а корма была оторвана. Од-

нако средняя грузовая часть корабля оказалось неповрежденной, и переборки были закрыты. Сэм решил прикрепить буксировочный трос напрямую к грузовому отсеку.

Вместе с помощниками они забрались на неровную поверхность корабля, по корпусу которого гуляло розовое пламя высотой в шесть дюймов. Прихватив с собой факел, они двигались к тому месту, на котором собирались закрепить буксировочный луч.

Сэм опасался за глаза, которые невозможно было заклеить защитной лентой. В качестве предосторожности спасатели поочередно работали с факелом, по несколько минут. Отдыхающая пара защищала глаза, прижимаясь лицом к телу напарника. Это была неудобная и утомительная работа, особенно если учесть гравитационные волны, которые едва ли не превращали их тела в гармошку. Вскоре нагрев был завершен, и Сэм подал Бену сигнал. Отойдя на безопасное расстояние, они наблюдали, как ярко-зеленый буксировочный луч ударил в корпус, словно молния, и закрепился на корабле. Теперь *«Квазинд»* был надежно закреплен как сверху, так и снизу. С этой минуты буксир имел официальное право на полученную добычу. Пускай *«Тор»* приходит.

Спуск к кораблю и прогрев корпуса были очень утомительны, но заняли не так уж и много времени. Астероид двигался медленно и потерпевший крушение корабль всё еще был в полном распоряжении бушующего шторма, который не собирался утихать. До того момента, как *«Квазинд»* сможет взлететь, могло пройти несколько часов. Сэм хотел убедиться в том, что двери грузового отсека плотно закрыты, и сообщил Бену, что останется внизу немного дольше.

Бен сообщил, что на корабле всё в порядке и натяжение якорных лучей равномерно. Он также сказал, что торопиться некуда. Они взяли «*Эстреллу*» на буксир, а «*Тор*» развернулся в поисках другой добычи.

Сэм отправил людей в шлюпку, а сам направился к переборкам грузового отсека, чтобы проверить их надежность. Он был доволен осмотром, потому что двери не были повреждены. Прежде чем окончательно закрыть их, он решил проверить груз. Ему было интересно, за что платили такие огромные деньги.

К своему удивлению, он обнаружил, что в первых двух контейнерах был обычный трибонит, который был не более чем простым балластом. Некоторые контейнеры были заполнены родиевой рудой, но все это было сложно оценить даже в пять миллионов. При этом стоимость корабля оценивалась в десять раз больше! Мог ли сигнал SOS оказаться неверным?

Сэм был очень удивлен и решил осмотреть разрушенный нос корабля. Где-то там должны быть документы. В них обязательно будет содержаться информация о том, какой груз вез корабль.

Прежде чем забраться под искореженные плиты носовой части корабля, Сэм посмотрел вверх, на шесть сияющих небесных якорей. Он был рад увидеть, что все они работают исправно и последние сомнения насчет их эффективности оставили его. Он нашел трещину в корпусе и проскользнул в нее.

В мрачном и разгромленном отсеке он нашел множество ужасных следов разбушевавшегося шторма. Там было

около дюжины кукол, вызывающих одним своим видом тошноту — миниатюрных карикатур на человека. Это были трупы, тела обычных людей — таких же, как и он сам, — которые были раздавлены ужасной гравитацией, пробравшейся внутрь корабля, когда перестали работать компенсаторы и корпус космического судна оказался разорван. Сэм вздрогнул и пошел дальше. Ему уже доводилось видеть такое раньше, но он еще не огрубел до такой степени, чтобы не испытывать при этом никаких эмоций.

На полу, в том месте, которое когда-то было залом управления, среди множества обломков он наконец нашел то, что искал. Там были журнал, грузовой манифест и список личного состава. Включив фонарик, Сэм перебирал страницы, но нигде не мог найти упоминания о чем-либо, кроме дешевой руды, которую он уже видел. Он уже почти решил, что вознаграждение, указанное в сигнале бедствия, было ошибкой, когда наткнулся на запись, сделанную за день до того, как корабль вылетел из Оберона. Запись касалась выплат по страховке от пиратов. Сумма была настолько огромной, что могла касаться лишь очень важного груза.

Передачик шлема резко затрещал, но голос, который должен был последовать за этим треском, прозвучал не сразу. Затем Сэм различил крик Бена:

— Осторожно, Сэм! Я не могу удержать...

Наступила тишина. Рация умерла.

Что-то случилось с *«Квазиндом»*. Может быть, якоря теряют мощность. Сэм начал быстро пробираться через искореженные распорки. Ему показалось, что на поиск трещи-

ны, через которую он попал сюда, ему потребовалась целая вечность. Наконец он выбрался наружу и когда увидел, что произошло, рванул к шлюпке и разбудил свою команду.

«*Квазинд*», который все еще висел на якорях, готовился к вылету. Нижние двигатели были раскалены добела и в тот момент, когда удивленные люди посмотрели наверх, из двигателей вырвалось пламя. Они укрылись под корпусом корабля и наблюдали за тем, как то место, где они только что стояли, уничтожали ракетные двигатели. Они увидели, как шлюпка разлетелась на куски. «*Эстрелла Верде*» начала подниматься, заметно прогибаясь от того, что буксировочный луч тянул только грузовой отсек. Средняя часть корабля рванулась вверх и от нее отвалились огромные куски покореженного металла, нос и корма корабля. «*Квазинд*» улетал. Бросил их, улетая с их добычей!

Рация Сэма Трумана затрещала.

— Это будет не хуже Япета, — в голосе слышалось торжество; это был голос Вармса. — Можешь копать шахту здесь.

Рация отключилась.

— Грязная гнида, — сказал один из мужчин.

Они стояли и молча смотрели на буксир с грузом, направлявшийся к Марсу. Теперь это была лишь красная полоска на фоне мерцающих звезд. Когда Сэм осознал, что произошло, на его лице отразилась досада. Он, как никогда до этого, почувствовал себя сосунком. Теперь он понял то, что должен был понять уже давно. Он мог взлететь и раньше, если бы подумал о том, что якоря можно использовать вместе с ракетными двигателями. Его

ошибка была в том, что он смотрел на них лишь как на якоря. На самом деле они были дополнительными буксирами. Они тянули постоянно. Вармс понял это, справился с Беном и ушел. Такое унижение заставило Сэма тяжело вздохнуть. Плохо было уже то, что их бросили на мрачном, каменном Троянце. Еще хуже, однако, было то, что это была его, Сэма, вина. Он бросил якоря, он закрепил буксировочный луч, он не хотел слишком быстро возвращаться на корабль. Именно это позволило Вармсу улететь с захваченным кораблем.

Сэм понял, что двое мужчин, стоявших рядом, ожидали его приказов. Нужно было что-то делать. Именно Сэм должен был сказать, что именно. Перспективы были мрачными. Шлюпки у них не было, и в развалинах *«Эстреллы»* они вряд ли найдут что-то полезное. Поверхностный осмотр планетоида во время его предварительного облета не выявил никаких признаков жизни, а скорее подтвердил, что любая возможная жизнь была уничтожена штормом. Зато погода начала улучшаться. Зета-огонь был очень слабым, а в некоторых местах вообще исчез. Это улучшение отчасти объяснялось вращением планетоида. Сейчас они находились на подветренной стороне. Хотя даже «низкая» зона, и та когда-нибудь успокаивается.

— Давайте посмотрим, что они нам оставили, — сказал Сэм, направляясь к разбросанным по поверхности планетоида обломкам корабля *«Эстрелла Верде»*.

Урожай они собрали скудный. После второго крушения нос превратился в непроходимые джунгли искореженного

железа. Кормовая часть не поменяла своего положения после взлета «*Квазинда*». Там они наткнулись на огромное количество бочек с горючим. Они нашли их в кормовом кильсоне, в резервном отсеке. Разбросанные повсюду ужасные куклы ясно говорили о том, что здесь произошло: люди хотели использовать свои последние запасы горючего, когда корабль упал и приговорил их к смерти. Это топливо было бесполезно для брошенных членов команды буксира. Своей шлюпки у них не было, а шлюпки «*Эстреллы*» не пережили катастрофу. Все продукты, которые буксировщики смогли найти, были настолько сжаты гравитацией, что представляли собой непригодные в пищу камешки.

Пока остальные члены команды обыскивали разбитые отсеки корабля, Сэм искал тайный груз. Он считал, что тайным сокровищем был радий, и был уверен, что спрятан он в кильсоне, что давало дополнительную защиту от пиратов. Или же это был какой-нибудь другой радиоактивный элемент. В любом случае хранилось это как можно дальше от жилых и рабочих помещений, а также подальше от полей огромного электрогенератора.

Наконец он нашел его и позвал остальных членов команды. Они с благоговейным страхом следили за тем, как Сэм отрывает крышку и обнажает содержимое ящика. В нем ровными рядами были уложены маленькие белые металлические кирпичики. Уран-235! Самый компактный и экономичный источник атомной энергии, которого было бы достаточно, чтобы разорвать на части даже Землю. Стоимость корабля, переданная по Омнивоксу, не была

ошибкой, скорее она была очень сильно занижена. Перед ними лежало сокровище, стоимость которого они не могли представить себе даже в самых дерзких мечтах.

И оно принадлежало им, потому что по законам спасательного флота всё, что оставалось на месте крушения после работы буксира, считалось мусором. И владельцем становился тот, кто его нашел. Когда Вармс покинул планетоид, он официально отказался от всего, что осталось. Этот отказ действителен как для него самого, так и для МПС, и для хозяина корабля.

Вначале засмеялся только один, а потом их всех охватило безудержное веселье. Ироничность ситуации была слишком очевидна. На земле, перед ними, лежало небрежно сброшенное в кучу огромное сокровище, а вокруг царил непроглядная тьма Троянца, которая поглотит их, как только в их карманах закончатся все припасы.

Смех у Сэма вызывало то, какими будут лица жадного менеджера и подлого Вармса, когда они отправятся на переговоры с владельцем и обнаружат, что отбуксировали отбросы, оставив все сливки на планетоиде. Успокоившись, он сразу сообразил, что МПС немедленно отправит новую экспедицию на Троянца.

Он решил спрятать груз, но понимал, что это не удастся. Груз был радиоактивным, и его будет легко найти с помощью специальных приборов. Бросить груз в находящийся поблизости каньон? Бесполезно. Взять груз с собой они не могли и из-за его веса, и из-за излучения. Они были очень сильно ограничены в средствах передвижения. У них остались только ручные ракетные двигатели на скафандрах.

VII

Диагностика компенсаторов скафандра показала, что волны стали редкими и слабыми. Скоро шторм успокоится. Товарищи по несчастью взяли за руки и включили двигатели.

Они легко парили над горными хребтами, всматриваясь в глубокие ущелья. Им редко встречались плоские площадки, где мог поместиться хотя бы один горный козел. Они летели дальше, надеясь на чудо, исследуя полярные регионы планетоида, которые не были исследованы во время полета буксира. И наконец кто-то вскрикнул:

— Свет!

Впереди мерцал свет, который никто из них не заметил, потому что все были заняты исследованием ущелий и гор, находившихся внизу. Огонек был похож на свет, льющийся из окна дома. Его источник находился в центре едва различимого серого объекта. Опустившись ниже и направившись прямо к свету, они смогли различить контуры небольшого корабля. Там внизу был совсем маленький корабль, возможно яхта. Источником света был входной отсек.

Едва приземлившись рядом со входом, Сэм резко ударил по корпусу корабля. Переборка внешней двери отъехала в сторону и три буксировщика вошли внутрь. Пройдя через внутреннюю дверь, они увидели стоящего перед ними крупного краснолицего мужчину, лет шестидесяти. Бросив взгляд на эмблему МПС на шлеме Сэма Трумана, он закричал:

— Нет! Меня не надо спасать. Проваливай отсюда вместе со своими кровососами!

Такое приветствие привело трех брошенных на произвол судьбы людей в замешательство, однако Сэм не сдвинулся с места и решил все объяснить. После нескольких предложений воинственности у хозяина корабля поубавилось, а когда Сэм перешел к самой сути рассказа, мужчина пригласил их в каюту и предложил устроиться поудобнее. Сэм рассказал обо всем, что предшествовало трагедии, не упомянув только о давней вражде с Вармсом. Он также рассказал и о ссоре, которая произошла из-за того, что Вармс бросил терпящую бедствие *«Веронику»*. О грузе урана, который они оставили у развалин корабля, он пока умолчал.

— Ну что же, это другое дело, — сказал старик. — Можете оставаться здесь, пока меня не спасут, хотя кто его знает, когда это будет. Я лучше буду сидеть здесь до тех пор, пока рак на горе не свистнет, чем отдамся в руки Межпланетным Спасателям. Меня зовут Этридж. «Юпитерианский Горнорудный Синдикат», если вы когда-нибудь слышали о таком. А это моя яхта *«Норма»*. Мы спрятались здесь до основного удара. С яхтой все в порядке, разве что топлива почти не осталось. Рация не работает, но у меня еще вся жизнь впереди. Рано или поздно здесь появится смотритель маяка, если мои сыновья не найдут меня раньше. Когда я увидел вас, я подумал, что вы хотите взять меня на буксир, а потом вытянуть из меня всю кровь и шантажировать меня до конца моей жизни. Нет, сэ-э-э-р, Чарли Этридж в такие игры не играет. Если надо, я буду ждать и...

— У меня много топлива, мистер Этридж. В бочках. Одолжите мне шлюпку, и я заправлю вас прямо здесь. Там кораблю приземлиться будет непросто.

— Это какая-то уловка? — требовательно спросил Этридж, вновь становясь подозрительным. Недоверие к людям в форме МПС сидело в нем очень давно и очень глубоко. — Это остатки корабля МПС? Я им ничего платить не собираюсь.

Сэм объяснил ему законный статус останков корабля и всего, что там находится. Поскольку Сэм оценил Этриджа как человека богатого и обладающего властью, который имел личную неприязнь к мощной спасательной компании, то неожиданно решил рассказать ему про груз урана.

Его предложение заключалось в следующем: они заправляют яхту, а «*Норма*» перевозит всю команду вместе с сокровищем в ближайший порт.

— Конечно, мой мальчик. Исключительно честное предложение. Отправляйся прямо сейчас и возьми с собой всех членов моей команды, которые могут тебе понадобиться.

Космопорт Гераполиса появился на горизонте Марса. Посадку совершал штурман Этриджа. Старик предложил гостям последний напиток и сказал тост:

— За растерянность наших врагов!.. Кстати, — спросил он, вспомнив о чем-то, — когда ваш буксир висел над нами, что это был за фейерверк над ним? С нашей яхты это было похоже на кольцо из звезд.

Сэм рассказал о небесных якорях.

— Никогда не слышал о таком. А их можно использовать, чтобы поднимать баржи с рудой с поверхности Юпитера? У нас еще много времени. Когда закончишь гонять крыс, возвращайся, поговорим. Мне это очень интересно.

Выйдя на посадочную площадку, Сэм был очень удивлен, увидев, что корабль, который только что приземлился рядом, назывался «*Вероника*». Пассажиры выходили из него, радуясь ступить на твердую землю. Сэм остановился и задал несколько вопросов. Он узнал, что их помощи было достаточно, чтобы корабль продолжил движение самостоятельно. К тому времени, как Вармс отрезал буксировочный луч, судно находилось почти на краю «низкой» зоны и смогло выбраться. Это было непросто, но, когда шторм утих, у них еще было достаточно скорости, чтобы добраться до Марса и приземлиться, хоть у них и оставалась всего четверть бочки с горючим. Сэму рассказали, что капитан Трибл был возмущен тем, что «*Квазинд*» изменил свое решение, и отправился в Дом Правосудия, чтобы подать официальную жалобу.

Сэм поспешил в доки МПС. Там царила атмосфера всеобщего возбуждения. Менеджер ходил взад-вперед, алчно потирая руки в предвкушении награды. Прибыль, которая могла перекочевать в его карманы, была огромной. Двумя часами ранее за орбитой Деймоса появился «*Квазинд*» и попросил помочь ему с громоздким грузом. Прибытие кораблей ожидалось с минуты на минуту.

Сэма поразила необъяснимая задержка в прибытии «*Квазинда*», потому что он должен был покинуть накрытого штормом Троянца на неделю раньше, чем «*Норма*».

Причину этого он узнал только сейчас. Всему виной были его небесные якоря. С момента их установки они пытались уйти от астероида самым естественным образом, радиально. Если в момент установки якоря тянули корабль в сторону Марса, то к моменту поспешного взлета Вармса планетоид успел совершить четверть оборота вокруг своей оси или даже больше. Поэтому, когда якоря получили свободу действий, они рванули в противоположном направлении. Они оказались намного сильнее ракетных двигателей. Озлобленный Вармс перепробовал все возможные углы наклона двигателей, но к тому времени, как якоря выгорели, «Квазинд» оказался в миллионах миль по другую сторону Троянцев, спутав все его планы. Никто не рассказал ему о якорях, поэтому он не понимал, почему упрямый буксир продолжает двигаться по своей уникальной циклоидной траектории.

Бен Тиглмэн мог бы отсоединить якоря, но во время полета этот инженер, кстати, один из изобретателей этих якорей, лежал на полу со связанными руками и ногами.

Черный тюремный грузовик стоял у трапа, ведущего к месту посадки «Квазинда». Возле него замерли несколько угрюмых псов марсианского закона. Один из них поигрывал наручниками. Бунт на корабле — бунт и дезертирство. Таков был сигнал с приближающегося буксира. Одного из главарей мятежа удалось обезвредить, говорилось в сообщении, но на корабле не хватало команды. Несмотря на все эти трудности, храбрый и находчивый капитан смог привести буксир в порт.

«Квазинд» совершал посадку. Толпа отступила назад, чтобы не попасть под огонь двигателей. В этот момент прибыл капитан Трибл с одетым в черное сотрудником суда. Вместе с ними был и мистер Этридж, довольный как кошка, наевшаяся сливок. Они быстро и настойчиво разговаривали с удивленными жандармами, показывая им какие-то бумаги с печатями. Два офицера наконец поняли смысл их слов и кивнули. Входной люк «Квазинда» открылся и из корабля вышел Вармс, вытащив за собой связанного инженера.

— Это для вас. Остальные дезертировали, — властно сказал он полицейским и толкнул выпучившего глаза Бена Тиглмэна им в руки.

— Спасибо, — коротко ответил главный из двух офицеров.

Однако он проигнорировал связанного Бена и прошел мимо него. Быстрым движением он защелкнул наручники на руке Вармса.

— Мы всё о тебе знаем, старик. Пойдем!

Они бросили отбивающегося и протестующего Вармса в фургон. Захлопнулась дверь, щелкнул замок и «воронок» уехал.

ПОСЛАННИК ПРИШЕЛЬЦЕВ

Телеком надрывно затрещал и замолк. Это был голос Терри, техника БМВР.

— Эй, шеф, на визуализаторе есть на что взглянуть. Это прямо у нас на пути.

Эллвуд отложил в сторону папку, которую изучал. Это была обычная чепуха о волнениях среди талагов в венерианской Долине Дарнли и ужасные предсказания о восстании, как будто недовольные талаги были чем-то необычным. Они *постоянно* жаловались, но на этом всё и заканчивалось. Так уж были устроены талаги. Это был обычный доклад, и он не должен был появляться на столе начальника. Ас БМВР (сокращение от Бюро Межпланетной Военной Разведки) предпочитал, чтобы его не беспокоили по пустякам.

— Я слышал, Терри, — рявкнул он, — пускай мигает.

Посреди комнаты зажегся огромный экран. Несколько секунд на нем не было ничего, кроме серого хаоса, а потом появились бархатные пурпурно-черные цвета. Экран обрел глубину и на нем начали одна за одной вырисовываться холодные яркие звезды. Через несколько секунд на

экране появился другой объект. Это было неуклюжее каплеобразное нечто, отливающее зеленым цветом. Наверху этого нечто находилась приземистая башня, из которой торчал ствол какого-то смертоносного оружия. Фиолетовый ореол, который обычно окружал приземистые пушки, отсутствовал.

Это была всего лишь одна деталь. Эллвуд удивленно открыл рот, охватив взглядом весь необычный корабль, появившийся в центре экрана. Кормовая часть была раскалена лимонно-желтым огнем, который медленно переходил в оранжевый, а потом принимал вишневый оттенок, когда измученный высокими температурами корпус отдавал тепло космосу. Судно попало в кататронный луч. Это было очевидно и это было еще не всё. В хвостовой части зияла дыра, из которой вырывались потоки горящих газов, растворяющиеся в вакууме космоса.

— Урсан! — воскликнул Эллвуд. — Мы наконец-то пробили хоть одного из них! Кто это сделал?

— Коммандер Норкросс на «Пенелопе». Он ударил по нему «Марком-9», и тот поддался. Но это еще не всё, шеф. Бой был очень необычным. Урсанский корабль не отбивался, а вы знаете, какие они упорные. Все, что он сделал, это поднял ужасный вой. Звук был такой, будто все электростатические заряды по эту сторону Магеллановых Облаков собрались в один шар. Посмотрите на координаты.

Взгляд Эллвуда упал на бледные белые цифры в нижнем углу экрана. Значений было три: небесная широта, небесная долгота и угол наклона. Потрепанный урсанский корабль находился менее чем в миллионе миль от них, что

не так далеко за пределами Луны, и в двадцати градусах выше неё.

— Какого черта он оказался так далеко? — спросил Эллууд. — За последние сорок лет они не заходили дальше Юпитера.

— Понятия не имею! Поэтому и вызвал вас. Норкросс сказал, что свое дело он сделал. Он подпортил судно урсанов, а вокруг никого больше нет. Наш герой хочет знать, стоит ли ему вызывать чистильщиков, просто выбросить эту развалюху на орбиту или оставить её, чтобы вы могли взглянуть на корабль.

Эллууд прокричал свой ответ в телеком.

— Заведите его в лабораторный бокс Q-5, идиот. Разве не этого мы ждали всю жизнь?

Телеком затрещал и замолк. Пальцы Эллууда забегали по кнопкам панели управления.

— Q-5?! Готовность к задаче третьей степени важности!.. Крейсер достал урсана... Нет, в смысле *подбил*... Корабль висит в космосе и почти не поврежден. Они отбуксируют его к вам. Он будет у вас завтра в это время. Отзовите Твичерли и позаботьтесь о том, чтобы там был Дарнхёрст. Я уйду по стратолинии и привезу с собой Гонсалеса. Подготовьте абсолютно всё: полный металлургический, химический и магнитный анализ корпуса... думаю, метод Валуа подойдет лучше всего. И мне нужна группа внепланетных медиков. Мы должны узнать, что такое урсанский флот, как функционирует корабль, кто им управляет, и все остальное. Это означает проведение аутопсии, которая еще никогда не проводилась. Вплоть до гистологического исследования самой

последней клетки монстров. *Если*, конечно, это монстры и от них что-нибудь осталось.

— Вас понял, шеф. Все будет готово.

Эллвуд провел еще пару вызовов, а затем откинулся на спинку кресла и расслабился.

Это должен был быть очередной скучный день. Но все изменилось. Это был тот самый день, день невероятных возможностей, которого так ждал каждый начальник БМВР до него, но так и не дождался. Кто пилотирует урсанские суда? Откуда они и чего хотят? Это были пришельцы из неизвестных внешних миров, которые всегда отбивались с поразительной жестокостью, и которые практически всегда оставались неуязвимыми. Что можно сделать, чтобы создать оружие против них? Этот вопрос занимал расы Земли с тех самых пор, как урсаны впервые вторглись в систему.

Эллвуд вспомнил события новейшей истории. В волну первого вторжения входило около пятидесяти кораблей. Они вошли в зону Космического Патруля со стороны Большой Медведицы. В тот раз они побывали почти на всех планетах. Это, несомненно, была разведка, которую не удалось предотвратить даже с помощью героических усилий космических бойцов. Десятки захватчиков попали под быстрые выстрелы кататронов, но почему-то не распались на атомы. Они лишь на несколько секунд раскалялись добела, а потом продолжали движение. На выстрелы кататронов они отвечали розовыми молниями, вылетавшими из орудий, каждая из которых уничтожала земной корабль и его команду. До сегодняшнего дня ни одному кораблю лю-

дей не удалось остаться в живых настолько долго, чтобы использовать медлительные, но более эффективные торпеды.

Это было странно. Урсаны пришли и ушли, оставив за собой выжженные остовы лучших кораблей Космического Флота. Прошло десять лет, но они не вернулись. Хвастуны кричали, что пришельцы испугались нашей защиты и не посмеют вернуться. Неисправимые оптимисты придерживались мнения о том, что непрощенные гости не нашли у нас ничего интересного и поэтому бояться их не нужно. Но были и другие, кто размышлял более объективно. Флот был восстановлен и усилен. Были увеличены мощность кататронов и скорость торпед. Под давлением необходимости были разработаны новые виды оружия.

Урсаны вернулись. Но теперь они пришли не одной волной, адесятью. В каждой волне было более тысячи кораблей. Это был год великого отхода с боями. Уходили от Нептуна до самого Юпитера. Силы Земли атаковали пришельцев на границе системы и бились до конца. Тогда жертв среди врагов было много, но выжившие урсаны собирались возле жертвы и сопровождали ее в безопасное место — они проходили сквозь аммиачные облака Юпитера и приземлялись на поверхности планеты, куда никогда не отправится ни один землянин. Потрепанные остатки того, что когда-то было могучим защитным флотом, не могли противостоять убийственной гравитации на самой большой планете Солнечной системы. Они отступили, чтобы зализать раны.

На некоторое время ужас охватил внутренние планеты Системы. Урсаны не продолжили атаку, но они никуда не ушли. Было очевидно, что они строят передовую базу на

Юпитере. На протяжении двадцати лет их корабли приходили и уходили, но они больше никогда не пересекали пояс астероидов. Заметно поредевший Космический Флот упрямо продолжал атаковать пришельцев, однако это было безрезультатно. В дуэли между землянами и урсанами всегда побеждали последние. Постоянные потери деморализовывали.

Затем наступил день, когда вся армада урсанских кораблей поднялась в воздух и ушла в направлении верхней части северного неба. С тех самых пор в Системе не появлялся ни один урсан. Кроме этого.

— Интересно, — размышлял Эллвуд, — может быть, эти существа накатывают волнами, как готы, монголы и гунны? Может быть, это предвестник нового вторжения? Или нет? Почему этот урсан дал Норкроссу время, чтобы выпустить торпеду? Заснул? Заболел? Внутренние проблемы?

Он встал. Ну что же, у них был корабль. Это уже кое-что.

Эллвуд выскочил из корабля и пошел по полю. Охрана БМВР отдала ему честь и пропустила вперед. В ста ярдах от поврежденного корабля Эллвуд заметил три покрытые простынями фигуры, лежащие на носилках.

— Кто это? — спросил он.

— Толливер, Швайцер и Ванг Чанг. Они пытались пробраться в переднюю часть корабля, где и отрубились. Там очень жарко, к тому же то, чем дышат урсаны, совсем не воздух. Этим трем не повезло.

Эллвуд вздрогнул. Ему было неприятно терять людей. Более того, люди с квалификацией, достаточной для того,

чтобы работать в БМВР, находились крайне редко. Однако он был рад, что они выполнили свой долг. Если передняя половина вражеского корабля осталась невредимой, то ее необходимо сохранить в таком виде. Легче всего было бы проложить себе путь взрывчаткой, но тогда им пришлось бы воссоздавать внутренние условия корабля. А так они могли просто изучить их.

— Кто-нибудь вышел оттуда живым?

— Да. Дарнхёрст. Он сказал, что там есть по крайней мере один живой урсан. Он видел, как тот ползал по залу управления, но сам потом быстрее унес оттуда ноги.

— Урсан преследовал его?

— Нет. Дарнхёрст просто не выдержал давления и окружающей атмосферы. Там работает какое-то гравитационное устройство и приходится бороться с гравитацией в 3g. Температура около тысячи градусов, а воздух состоит из смеси аммиака, метана, гелия, азотистых соединений и девяти других газов, определить которые пока не удалось.

Эллвуд ничего не сказал. Группа людей грузила что-то на грузовик с помощью крана. Они вытащили это что-то из дыры, которую пробила торпеда. Эллвуд подошел к грузовику и посмотрел на то, что грузили на него. Оно было огромным.

Мертвый урсан был похож на членистоногое, на глубоководную черепаху, скрещенную с осьминогом, которого, в свою очередь, скрестили с гигантской рогатой лягушкой. Урсан состоял из семи коротких, покрытых плотной броней, сегментов. Каждый из них поддерживался толстой, словно слоновьей, ногой длиной не более четырех дюймов.

На некоторых сегментах красовались пучки костяных шипов, совершенно не похожих друг на друга. Иногда их было три, иногда четыре, а иногда только два. Все они были разной длины и толщины. Расстояние между ними также было совершенно разным. Шипов не было только на двух сегментах — первом и последнем. Вместо шипов на них были плоские шишковатые наросты, с которых свисало нечто, похожее на щупальца осьминога. Некоторые из них просто висели, а другие были наполовину втянуты в панцирь. Примерно половина щупалец заканчивалась несколькими пальцами, среди которых был и большой палец. На концах других щупалец были либо присоски, либо острые инструменты, похожие на зубило, гаечный ключ и многое другое. Ни одна часть тела не была похожа на те, которые присутствовали у фауны, проживающей в Солнечной системе. У урсана не было ничего, похожего на глаза, уши или нос. Рта у него тоже не было. Это существо полностью состояло из пластин, рогов и щупалец. Оно было огромным.

— Сколько их там?

— Трое. Мне кажется, это были рабочие. Они не очень пострадали. Скорее всего, их убило отсутствие необходимой атмосферы.

— Отправьте их в лабораторию, и пускай ими займутся ученые.

Наступили суматошные семьдесят часов, в течение которых ни один член БМВР не спал дольше, чем полчаса, и не ел больше, чем небольшой бутерброд на скорую руку. К тому времени, как была подготовлена страховочная си-

стема Эллвуда, были завершены практически все предварительные работы. Самой легкой задачей была доступная часть корабля.

Корпус был невероятно прочным. Выполнен был он из сплава, который еще предстояло исследовать. Его прочность составляла около полумиллиона фунтов на квадратный дюйм. Сплав был кислотостойким. Температура плавления этого материала была недостижима. То, что кататроном удастся раскалить этот сплав добела и разрушить его, было бы настоящим чудом. Лишь прямое попадание торпеды «Марк-9» смогло принести результат.

Основной двигатель работал на атомной энергии, как и у земных кораблей. Пушки представляли собой магнитную версию кататронов. Специалисты БМВР по вооружению столпились вокруг них, радостно делая разные заметки. Это оружие пугало. Урсаны научились под огромным давлением аккумулировать магнетронные шары и выстреливать их со скоростью, практически равной скорости света. Система управления радикально отличалась от земной. Ни один человек или даже группа людей не смогли бы управлять огромным количеством рычагов разной формы, которые были расположены в оружейной башне и в машинном отсеке. Никто, кроме многоруких существ, похожих на Бриарей¹, не справился бы с такой задачей. Вся система управления была урсанской. Она была сделана урсанами и для урсанов. Нигде не было датчиков, измерительных при-

¹ Бриарей — древнегреческий мифологический сторукий великан.

боров, надписей или других визуальных подсказок, которые могли бы помочь оператору.

Эллвуд приказал не приближаться к залу управления, где всё еще находился живой урсан, который непрерывно подавал сигналы на сорока разных коротких частотах. Эллвуд еще не завершил все приготовления. Единственное, о чем он успел позаботиться, так это о том, чтобы под рукой был резервный запас газов, которые монстр использовал для дыхания. Одно удивительное открытие Эллвуд сделал, даже не заходя в зал. Один из инженеров БМВР обнаружил систему очистки воздуха корабля. Побочным продуктом этой системы оказался пар! Просто пар. Он уходил в конденсатор. Конечным продуктом работы системы была дистиллированная вода. Этот факт очень заинтересовал медиков.

Они тоже завершили свою работу. На их место пришли специалисты по электронике и магнитным полям. Если химический анализ тела урсана оказался сплошным хаосом, то изучение его нервной системы могло свести с ума любого специалиста. Она представляла собой самый настоящий клубок металлической проволоки, заряженной радием. Странные нервные узлы могли оказаться распределительными блоками. Медики также нашли в теле плоские пластины, наполовину состоящие из костей, а наполовину — из металла, которые могли быть лишь своего рода конденсаторами. Были также обнаружены и другие странные объекты, похожие на трансформаторы. Шипы, расположенные на теле, оказались принимающими и передающими антеннами. У каждого работника БМВР глаза выпучивались от

удивления. Такого просто не могло существовать. Это нарушало все известные законы электроники. Хотя... И они продолжали работать. Никто не рассказывал о своих снах, но врачи начали вкалывать работникам гипнофрен.

— Держи, — сказал Гонсалес. — Это ненормально, но это всё, что мы нашли.

Он передал Эллвуду черновик предварительного отчета.

Урсаны не ели и не пили. Они дышали, дышали чужеродной смесью газов, которая была обнаружена на их корабле. В конце каждого сегмента, кроме крайних, находились жабры и в каждом сегменте были свои легкие. Сами легкие представляли собой нечто невероятное — удивительная комбинация кожаной мембраны и гибких кварцевых трубок. По трубкам текла кровь урсана — смесь кремния, радиевых солей, серы, железа, цинка и других металлов, растворенных в разных кислотах, большую часть которых составляла азотная кислота. Кровь питала короткие неуклюжие лапы и подвижные щупальца. Она также поступала в нервные узлы и другие электрические устройства. В теле были также обнаружены полости, наполненные жидкостью, которая, судя по всему, служила электролитом.

— Если я поверю в то, что здесь написано, — сказал Эллвуд, постукивая пальцем по отчету, — то нам придется избавиться от множества уже сложившихся точек зрения. У нас здесь монстры со сложнейшей нервной системой, но без головного мозга. Это разумные существа, хоть они и руководствуются лишь инстинктами или рефлексам. У них

нет зрительных и тактильных органов, а также органов слуха, однако им удается ориентироваться в космосе, и они способны воспринимать нас в качестве целей. Нам требуется радикальный подход.

— Они воспринимают окружающее с помощью коротких радиоволн, — напомнил Гонсалес. — В том углу собрана аппаратура, которая постоянно принимает сигналы, отправляемые выжившим урсаном. Мне кажется, именно эти радиоволны позволяют ему определять, что происходит вокруг. Я объясню. Мы активировали нервные цепи на паре рогов на третьем сегменте. Они излучают точно такие же волны и даже принимают их. Ответные импульсы проходят к определенному нервному узлу, а потом к этим костяным пластинам. До тех пор, пока кто-нибудь не переубедит меня, я буду называть эти пластины глазами.

Эллвуд рассмеялся. Эта мысль не показалась ему абсурдной. На протяжении многих веков человечество использовало короткие радиоволны¹ для ночного видения. Перед ними был живой организм, который пользовался ими постоянно.

— Другие шипы и рога выполняют похожую функцию, но с другими целями, — продолжил Гонсалес, показывая на определенные точки диаграммы. — Подпитка этих пяти шипов заставляет электроприборы сходить с ума, если вблизи раздаются какие-то звуки. Я бы назвал их звуко-

¹ Возможно, автор имел в виду ультразвук или инфракрасные лучи, а не тот спектр радиоволн, которые в радиотехнике принято называть короткими.

вым преобразователем. Судя по всему, слух для урсанов не важен, зато они умеют преобразовывать звуки в то, что имеет для них какое-то значение.

— Да, — задумчиво произнес Эллвуд. — Ты на правильном пути. Интересно, какие частоты эти существа используют для общения друг с другом. Как только мы это узнаем, я смогу начать то, что задумал.

— Посмотрим, получится ли у нас узнать это для вас, шеф. Есть три-четыре волны, которые он использует лишь периодически. Мне кажется, что он прослушивает связь наших кораблей и пытается имитировать ее. У урсанов электронный мозг, поэтому для них наверняка не составило труда перехватить наши эфирogramмы. Мы уже записали большое количество подобных звуков и передали их шифраторам, но им пока не удалось разгадать код. Возможно, вы правы и одна из этих волн представляет собой речь урсанов.

— Может быть, да, а может быть, и нет, — пробормотал Эллвуд. — Это интересная мысль.

В ту ночь он внес несколько важных изменений в свои планы. Он рассылал сотни срочных сообщений, и еще до наступления утра рядом с судном урсанов начали приземляться корабли с важным оборудованием. К десяти утра Эллвуд был готов проверить теорию, которую разрабатывал всю ночь. Он собирался отправиться в закрытый зал управления и начать прямые переговоры с захваченным монстром.

— Будьте осторожны, шеф, — сказал начальник охраны БМВР. — Он может атаковать. Возьмите с собой бластер.

Эллвуд покачал головой.

— Мне кажется, — сказал он, улыбаясь, — что мы совершили большую ошибку еще при знакомстве с этими существами. Я не имею в виду этот корабль или то, чем сейчас занимается наша команда. Я имею в виду всё наше неприятное общение с урсанами. Я много думал об этом. Вы никогда не задумывались о том, что корабли урсанов никогда не открывали огонь первыми? Может быть, они по натуре своей — мирная раса и атакуют только в качестве самообороны. Я пришел именно к такому выводу и буду вести себя соответственно. Неважно, зачем он прилетел к Земле. Я отказываюсь верить в то, что это был акт агрессии.

— Вы начальник, — сказал охранник, пожав плечами. Беспокойство с его лица никуда не исчезло.

Массивный стул был готов. Он стоял на полу прямо перед входным люком урсанского корабля. Рядом с ним находился тяжелый кран. Эллвуда одели в тяжелый скафандр, защищающий от всего и снабженный охлаждающими цепями. Он должен был помочь ему выдержать ужасную температуру, которая была так мила его посетителям. Скафандр также должен был защищать его легкие от губительной атмосферы. Эллвуда посадили на стул, построенный специально для этой операции, и закрепили все необходимые инструменты. Массивный стул был установлен на грузовике и оснащен мощными тележками, подпитываемыми атомной энергией. Эллвуд мог спокойно сидеть на этом стуле при искусственной гравитации 3g, которая царила в зале управления.

Он кивнул и кран опустил его во входной люк. Люк закрылся. Эллууд оказался в тамбуре инопланетного корабля. Все остальное зависело только от него.

Помещение нагрелось и внутрь начала просачиваться губительная для человека атмосфера. Давление изменилось. Другими словами, окружающие условия стали такими же, как и внутри корабля. Внутренняя дверь открылась и после того, как Эллууд провел свой стул внутрь, закрылась.

Для человека видимость в помещении была плохая. Перед Эллуудом был густой молочный туман. К креслу были прикреплены мощные лампы, и через минуту Эллууд мог видеть уже достаточно хорошо.

Зал управления представлял собой полукруглое помещение с куполом. Всё в зале, кроме пола, было заставлено фантастическим сложным оборудованием. Оно поднималось в ряд вдоль стен и свисало с потолка. Только существа с длинными щупальцами могли дотянуться до приборов. Это был потрясающий пример функционального дизайна — с точки зрения урсанов. Эллууд обвел медленным восхищенным взглядом все помещение, а затем выбросил из головы все хитросплетения приборов. Через некоторое время техники раскроют все тайны этого зала. Его задача была более сложной.

Урсан неподвижно лежал в дальнем конце комнаты. Эллууд мог только догадываться, заметило ли существо его присутствие. Поведение монстра совершенно не изменилось. Эллууд проехал на своем стуле в центр помещения и остановился. Он осмотрел стены в поисках относительно плоской поверхности и наконец нашел такое место — огром-

ная пластина, которая, судя по всему, представляла собой крышку для каких-то магнитных устройств. Это было хорошо. Элвуд расслабился и направил всё свое внимание на маленькую черную коробочку, лежащую на коленях. Он взялся за ручки настройки и начал поиск коротких волн.

Противники не двигались на протяжении нескольких часов. Элвуд сидел и передвигал ручки управления, пытаясь понять, что он слышит. Казалось, что монстр просто умер и ничем не отличается от расчлененных трупов собратьев, лежащих в лаборатории. Он ни разу не пошевелился и даже щупальца не дергались. Однако от него не переставал исходить постоянный поток излучений.

Элвуд достаточно быстро заметил, что в его организме происходит нечто странное. По позвоночнику то и дело пробегала дрожь, невидимые пальцы подбирались к его барабанным перепонкам и постукивали по ним, иногда возникала резкая боль в глазах, а потом на несколько минут его сердце словно сошло с ума. Элвуд терпел. Он был уверен в себе и не испытывал страха. Электронный разум, пробирающийся к нему по отраженной радиации, осматривал и изучал его, производил ментальное вскрытие. Элвуда съедало любопытство касательно природы и целей монстра, лежащего перед ним. Было вполне логично, что пришельца интересовало то же самое.

Наконец наступило затишье. Предварительное обследование было завершено и настало время для начала переговоров. Элвуд передвинул переключатель и начал подачу сигнала. *Точка-тире, точка-точка-точка-тире* и т.д. Он использовал волну, на которой, как ему казалось, общались

инопланетяне. Он посылал сигнал на протяжении одной минуты и, улыбнувшись, завершил передачу стандартным «Прием!».

Монстр понял, что к нему обращаются. В ответ прозвучало неразборчивое *та-та-та-даа-даас*. Ответ был бессмысленным, но связь была установлена. Позже шифровальщики смогут прослушать запись и попытаться расшифровать смысл. Это будет непросто. Испанский отличается от древненорвежского, хотя они и ближе друг к другу, чем, скажем, китайский к одному из них. Тем не менее все эти языки выражали человеческие мысли визуальными и звуковыми терминами, понятными человечеству. Как будет *думать* урсан, у которого нет ни глаз, ни ушей, ни языка? В этом и заключалась основная проблема.

Эллвуд очень хотел как можно тщательнее проанализировать данный аспект проблемы. Именно для этого на базу в срочном порядке привезли дополнительное оборудование и Эллвуд был хорошо подготовлен. Именно поэтому он ненадолго перестал обмениваться бессмысленными сигналами. Он запустил руку в сумку и вытащил сюрприз номер два.

Это был небольшой автономный проектор. На нем были сохранены великолепные фильмы, снятые Культурным Обществом Внешних Планет (КОВП) для обучения венерианских талагов, марсианских фцицев и странных форм жизни, населяющих спутники Юпитера. Эллвуд навел проектор на плоскую крышку, которую он заметил на стене. Потом он включил проектор.

Золотым ключом педагогики являются ассоциации. Именно с их помощью КОВП удалось решить языковую

проблему внешних миров. Урсаны не могли видеть, но фцицы тоже не имели зрения. Талаги глухи от рождения, но и они научились. С урсаном наверняка будет сложнее, но Элвуд не терял надежду.

Начинать всегда стоило с существительных, с названий вещей. Первой картинкой стало Солнце. Фотография была сделана в районе Меркурия. На изображении были видны солнечные пятна и мощные протуберанцы.

— Солнце, — сказал он и одновременно послал соответствующий межпланетный код. Затем он уменьшил диаметр, показывая, как солнце появляется на Земле, Юпитере и Уране. Каждый раз он посылал соответствующую комбинацию точек и тире и произносил слово вслух. Он повторил свои действия. «Прием!»

— Солнце, — прозвучал ответ урсана. — Прием!

Лицо Элвуда под шлемом, залитое потом, засветилось от счастья. Урсан был умен. Он понимал. Теперь еще одно существительное и немного семантической логики. Он вновь включил проектор и уменьшил изображение Солнца до мигающей точки.

— Звезда, — последовало звуковое и кодовое сообщение.

— Звезда, — сказал урсан.

Потом последовали изображения планет, самых разных планет, каждую из которых Элвуд называл просто планетой. Потом он вновь показал их изображения, но на этот раз обратил внимание на их особенности. Он называл их имена: Меркурий, Земля, Марс и так далее. Урсан не отставал. Он начинал понимать человеческую систему общения. Существовали общие понятия, описывающие целую

группу похожих вещей. Были также и более узкие понятия, описывающие каждую конкретную вариацию.

Эллвуд отдыхал. К его удивлению, урсан тоже отдыхал. Может быть, он обдумывал то, чему научился, подумал Эллвуд. В любом случае прищелец ждал, он не двигался и не излучал слишком много радиации. Органы чувств этого монстра были из другого мира, но он чувствовал. И это было самое главное.

Эллвуд повторил свое шоу в надежде, что в этот раз урсан представит ему *свое* видение представленных понятий. Он этого не сделал. Было очевидно, что в мире урсанов нет соответствующих понятий.

Эллвуд не расстроился. Пока хватит и одностороннего обучения. А позже — кто знает? На стене показались изображения двух космических кораблей. Первый был земным крейсером, а второй — типичным кораблем урсанов. Вначале Эллвуд произнес общие слова «космический корабль» и «военный корабль», а потом перешел к отдельным классам кораблей. Последним уроком дня стали прилагательные. Эллвуд использовал слова «земной» и «урсанский».

Эллвуд вышел из корабля крайне уставшим и очень удивился, когда узнал, что провел внутри всего лишь два часа. В ужасных условиях урсанской атмосферы ему показалось, что он провел там целую вечность. Группа возбужденных сотрудников БМВР вытащила его из люка и отстегнула от кресла.

— Ух-х-х, — присвистнул Эллвуд. — Теперь я понимаю, почему кататроны не причиняют вреда этим кораблям. Они нагревают корпус, который не плавится, но что такое

жара для существ, которые живут при температурах, превышающих тысячу градусов? И что такое высокое давление, если гравитация $3g$ — это вполне нормально? Мне кажется, что не существует другого способа убить их, кроме как лишить их вонючего воздуха, которым они дышат.

Почти всю вторую половину дня он отдыхал, а потом вернулся к работе. После нескольких недель напряженной работы можно было сказать, что Эллвуд добился больших успехов. Он не мог сказать, где находится память монстра, но она у него точно была. Закончив со словами, он решил провести проверку. Он показывал пришельцу изображения, начиная с Солнца, не называя при этом слов. Урсан исправно называл соответствующие существительные. Он обзавелся словарным запасом, содержащим более тысячи слов.

С глаголами было труднее, а с абстрактными понятиями — еще хуже. Однако придуманный Культурным Обществом курс был разработан великолепно. Эллвуд строго следовал этому курсу. Он показывал пришельцу различные виды человеческих действий, которые были прекрасно иллюстрированы для отображения основного принципа. Затем он перешел к понятию соперничества и показал, как соперничество перерастает в противостояние. Он показывал урсану разные изображения военных действий. А затем наступил самый важный момент. Эллвуд продемонстрировал пришельцу картину, на которой было изображено, как один противник ползет к границе с белым флагом. После этого враги обнялись.

Именно после этого Эллвуд впервые увидел настоящую реакцию монстра. Это не было похоже на обычное повторе-

ние. Урсан передавал информацию на английском. Это был странный английский, с небольшим «урсанским акцентом». Даже код способен передать нечто подобное. Существо впитало в себя слова, но синтаксические конструкции у него были свои. Некоторые фразы было просто невозможно разобрать, но Эллвуд знал, что имеет в виду монстр. Пришелец завершил передачу и Эллвуд прислушался.

— Мир! — повторял пришелец. — Мир. Да, именно за этим я и пришел. Мы не враги, мы друзья. Вы слабые, но жестокие монстры в наших глазах, но теперь, когда я узнал вас ближе, я вижу, что вы не такие уж плохие. Вы многое делаете странно, но мы с этим справимся. Это ваше дело. Вы не виноваты в том, что ваше сенсорное оборудование и ваша ментальность настолько ограничены, но я должен признать, что несмотря на эти недостатки, вы прекрасно справляетесь.

— Большое спасибо, — сухо ответил Эллвуд.

Благодарность на некоторое время смутила урсана, потому что это понятие ему еще не объяснили. Тем не менее, он продолжил свою речь.

— Я был пленником в этом ужасном месте достаточно долго, — продолжал урсан, — и я слушал тебя. Очень хорошо. Теперь я знаю о тебе и вашей странной расе, а также о тех ужасных планетах, на которых вы решили поселиться. Теперь моя очередь. Позволь рассказать тебе о нас. Перестань мучить меня своими грубыми электронными приборами. Просто сиди и впитывай. Хочу заверить тебя в том, что твои действия причиняли мне сильную боль, но ты не мог знать этого. Я покажу тебе, что урсанский метод лучше.

Эллвуд покорно отключил свое оборудование. До этого момента ему не приходило в голову, что искусственная электрическая радиация может слегка отличаться по своим характеристикам от радиации, вырабатываемой *органическим* способом. Он молился о том, чтобы сейчас, когда именно он будет принимать информацию, эти различия не причинили ему нестерпимую боль.

Боли не было, хотя иногда Эллвуду казалось, что он сойдет с ума от экстаза, который был настолько интенсивным, что напоминал агонию. Урсан отмел все точки и тире и обратился к самому источнику мысли. С помощью неизвестных механизмов ему удалось настроиться на нейропотоки самого мозга.

Это было похоже на сон, который иногда превращался в кошмар. Некоторое время спустя Эллвуду было нелегко описать некоторые моменты Великому Советнику. Ему было даже нелегко просто вспомнить то, что он испытал — настолько чужими для человеческого восприятия оказались некоторые увиденные им сцены и действия.

В самом начале он испытывал головокружение, как будто попал под общий наркоз. Ему казалось, словно его душу оторвали от тела и заставили парить в воздухе. Он ни разу не был уверен, что *видел* то, что видел, *слышал* то, что слышал или *чувствовал* то, что чувствовал. Ощущал? Предугадывал? Понимал интуитивно? Такие глаголы лучше описывали ситуацию. Через некоторое время Эллвуда это уже не волновало. Он оказался в другом мире, в мире настолько странном, настолько фантастичном, настолько

удивительном в своих крайностях и искажениях общепринятых законов природы, что он понял — до этих самых пор человеческая наука смогла лишь царапнуть поверхность мирового знания. Он видел, как химия, физика и другие науки радикально менялись под воздействием ужасающих давлений и температур, которые ему довелось испытать на некоторых удаленных планетах. Все это было *другим*.

То, что ему дал урсан, являлось основным ориентиром. Эллвуду показали огромное количество планет, по сравнению с которыми Юпитер казался мелкой рыбешкой. Эллвуд увидел другие расы монстров, которые так же сильно отличались от урсана, лежащего перед ним, как и он от этого урсана. Тем не менее они жили в таких же условиях, как и урсаны. Это было похоже на то, как на планете Земля уживались такие разные существа, как орлы, слоны, змеи, люди, рыбы и стрептококки. У них у всех были свои потребности и задачи, но в какой-то момент их пути пересекались. Они сотрудничали и враждовали друг с другом. И как враждовали! Эллвуд чуть не потерял сознание, увидев методы борьбы некоторых монстров.

Это была цивилизация со своим производством и торговлей, регулируемая своеобразной этикой. Там были государственные организации и что-то похожее на религиозные структуры. Больше всего Эллвуда интересовал промышленный сектор с мощными фабриками. Он увидел, что на чужих планетах некоторые материалы, которые считались редкими на Земле, можно было найти повсеместно, а также наоборот. Золота было настолько много, что им покрывали крыши, а вот обычная соль была большой ред-

костью. Самый большой недостаток заключался в нехватке радия, который был так же жизненно необходим урсанам, как нам — витамины. Именно радиевый голод заставлял их разрабатывать Красное Пятно на Юпитере, несмотря на негостеприимный прием, который оказали им наши корабли.

Незаметно Эллвуда перенесли из мира дальних планет в состояние, которое можно назвать абстрактным. В этом мире не было ни изображений, ни звуков. Лишь поток идей. Урсан заполнял сознание человека урсанской философией межрасовых отношений. Ее основой было сотрудничество. Она признавала права других жить по-своему, даже если это было странно для урсанов. Если же возникали разногласия, то существовала определенная линия поведения, сводящая на нет любые конфликты.

Наконец урсан подошел к финишной черте. Эллвуд пришел в себя, удивленный и измученный, но очень довольный. Он знал, хоть и не понимал почему, что с этого момента общение между ним и монстром станет намного проще. Больше не будет ни точек с тире, ни слов. Это будет не простая телепатия, которая заключается лишь в загадочной передаче образов. Это будет нечто большее. Это была супертелепатия, которая оказалась возможной благодаря электромагнитно-нейронному потоку, которым могли управлять существа с урсанским метаболизмом. Каким-то образом до Эллвуда доходили идеи в их изначальной, простейшей форме. Они были аморфными, сиюминутными и не поддавались логическому анализу. Но они общались.

Эллвуд знал, что его задача выполнена успешно. Бессловесное сообщение, переданное ему, сводилось к следующему:

— Мы, правители Армадианских планет, вращающихся вокруг великого солнца Гол, расположенного между вами и Полярной звездой, нашли вашу систему и считаем, что у нас есть основа для взаимовыгодного сотрудничества. Мы увидели, что вы владеете небольшими планетами, которые непригодны для нас. Мы хотели оставить вас в покое и оставили вас в покое. Мы также обнаружили, что у вас есть две другие планеты, одна более, а другая менее богатая, размер которых позволяет основать на них наши колонии. Для вас они бесполезны и навсегда останутся таковыми, потому что вы слабы, а ваша наука находится в зачаточном состоянии. Поэтому мы забрали их себе, отбивая ваши невежественные и жестокие атаки, но не переходя к нападению.

Теперь я понимаю, что вами правил страх, а иногда — алчность и зависть. Мы знаем, что вы никогда просто так не отдадите нам то, что для вас самих не представляет никакой ценности. Вам нужно что-то взамен. Хорошо. Рискую многим, я прибыл в качестве посланника. В нашей части галактики есть много мелких планет, которые станут для вас раем. На большинстве из них формы жизни намного примитивнее вашей. Если вы предоставите нам безопасный доступ к Юпитеру и Сатурну, мы проведем вас к этим небольшим планетам и дадим вам равные права в нашей системе. Я посланник Армадии. Я предлагаю заключить договор.

— Я передам ваше сообщение нашим правителям, — сказал Эллууд.

— Но это немыслимо, — воскликнул Диллинг, председатель Совета. — Подумайте о рисках. Откуда мы знаем, есть ли у этих... этих *монстров* понятие чести? Если мы позволим им строить огромные базы, высасывать весь радий из нашей системы и шнырять, где им заблагорассудится, то полное уничтожение человечества станет лишь вопросом времени. Более того, это ультиматум. Мы не потерпим ультиматума от... от... от...

Наступила гневная тишина. Он все еще старался подобрать нужное слово, достаточно плохое, чтобы описать урсанов такими, какими их видел он. Взгляд Эллвуда выражал молчаливое презрение.

— Это не ультиматум, — сухо сказал он. — Альтернатив предложено не было, но за последние полвека не было и дня, когда урсаны не смогли бы выжечь все внутренние планеты от полюса до полюса, если бы только захотели. Я видел их методы уничтожения. Они ужасны настолько, что даже представить нельзя. Они лишь просят, чтобы мы успокоились и перестали разбивать свои корабли в жалких попытках уничтожить их радиевые конвои. У нас полмиллиона убитых на трех урсанов. Члены кораблей, которые мы поджаривали, лишь ненадолго теряли сознание. Три урсана погибли, пытаясь предложить нам дружбу.

— Ах, — фыркнул Диллинг. — Что это за дружба, когда тебе предлагают отдать несметное количество тонн чистого радия, в то время как мы так ценим те крохи, что есть у нас самих?

— Радий, о котором мы говорим, — заметил Эллвуд, — вообще недоступен нам. Наши корабли не обладают ни

структурной прочностью, ни мощностью для того, чтобы справиться с гравитационным полем Юпитера, а у людей не хватит сил, чтобы работать в шахтах, если они вообще смогут отправиться туда. Вы словно собака на сене. Они знают, что мы слабы, поэтому и сделали это предложение. Они готовы отдать нам планеты, которые так же ценны для нас, как радий — для них. Это их понимание честной игры. Вы примете это предложение, потому что у вас нет выбора. Они заберут радий в любом случае и будут уничтожать любой крейсер, который попытается помешать им. Вместо этого они предлагают мир и торговлю. Подумайте, насколько это перспективно. Межсистемная торговля — не только с точки зрения астрономии, но и между разными жизненными системами, которые радикально отличаются друг от друга как на химическом, так и на физическом уровнях. Торговля между тропиками и холодными странами приносила прибыль. Торговля между Венерой, Землей и Марсом приносит прибыль. Нам предлагают перспективы, о которых мы не могли даже мечтать.

Эллвуд оборвал свою речь и сел. Он сказал то, что должен был. Остальное — дело Совета.

Последовавшие за этим споры были горячими и долгими, но в итоге победил здравый смысл. Зал Эллвуд покинул с правом на ведение переговоров.

Эллвуд подходил к урсанскому кораблю для того, чтобы в последний раз поговорить с посланником пришельцев. Интересующий его разбитый корабль достанется людям для проведения всевозможных исследований. Урсан

уже передал сообщение ожидавшей в дальнем космосе орде пришельцев о том, что взаимопонимание достигнуто. Другими словами, вскоре должен был прибыть другой урсанский корабль, который и заберет посланника домой. А пока необходимо было соблюсти последние формальности.

Эллвуд нес текст соглашения на английском языке. Обе копии, земная и урсанская, были выгравированы на толстых листах чистого бериллия, металла, который был неизвестен на тяжелых планетах. Он должен был подписать экземпляры вместе с монстром и отдать одну копию пришельцу. В свою очередь, монстр должен был вручить Эллвуду гольскую версию.

Когда стул Эллвуда оказался на полу зала управления, урсан сделал то, чего никогда прежде не совершал. Он пошевелился. Передвигаясь на своем подобии одиночных ног, словно гусеница, он медленно приблизился к человеку. Длинные скрытые щупальца вышли из тела и принялись за работу. Двое щупалец, заканчивавшихся неким подобием рук, взяли у Эллвуда листы бериллия, быстро перелистали их и вернули в руки человека. После этого они потянулись к ящику на потолке и достали оттуда полдюжины золотистых металлических шаров. Другое щупальце метнулось к полке и достало с нее какой-то инструмент. Эллвуд инстинктивно почувствовал, что нужно делать.

Гольский текст договора оказался самым странным документом в библиотеке человечества. В нем не было слов, только чистая мысль — мысль, запечатленная на поверхности странных металлических сфер в виде регенеративных

нейронных зарядов. Чтобы воспринять эту мысль, любому разумному человеку нужно было всего лишь провести их через специальный инструмент, который прилагался к шарам. Это был сканер, и когда шары проходили через него, скрытое на их поверхности сообщение невероятным образом внезапно становилось понятным всем, кто находился рядом.

Эллвуд просканировал гольский текст. Он был потрясающе четким. Положения договора были выражены целыми мыслями без каких-либо оговорок. Человек сразу же *понимал* значение этого соглашения. Невозможно было найти ни одного недостатка, даже если бы этим вопросом занималась целая туча адвокатов. Не было никакой двусмысленности или неправильно расставленных запятых. Не было никаких «если», «но», «и/или», «поскольку», «одной стороны» или «другой стороны», которыми изобиловала солнечная версия соглашения. В гольском тексте излагалось то же, что и в солнечном, но зато идеально.

Эллвуд подписал соглашение мысленным согласием, которое каким-то чудом чужой науки тут же стало частью документа. Затем он поставил свою подпись на листах с помощью стилуса. Урсан подписался также, но с помощью специального щупальца, которое заканчивалось подходящим инструментом. Его подпись представляла собой непонятный символ, но это было неважно. Солнечная версия всегда будет второстепенной. Она была анахроничной данью бюрократической традиции. Она попадет в архив и о ней забудут. Если появятся вопросы, то ответы на них дадут гольские сферы мысли.

После обмена документами наступила тишина. Два совершенно разных организма — землянин и урсан — были неподвижны, словно высечены из камня. Они растворились в близком контакте. Это были благодарность, дружелюбие и взаимные поздравления. Каждый из них понимал, что другой прекрасно выполнил свою задачу. И каждый из них ощущал чистоту намерений другого. Затем всё резко прекратилось, словно оборвалась связь. Эллууд совершенно не представлял, как завершить разговор.

Именно в этот момент урсан совершил нечто удивительное. Щупальце с рукой поползло к стулу и на несколько секунд прикоснулось к подлокотнику. Затем оно проползло по массивному запястью скафандра Эллууда и коснулось перчатки человека. Рука урсана взяла руку землянина и пожала ее. Вверх и вниз. Затем щупальце упало и втянулось в тело пришельца. Это было прощание и пожелание удачи.

В шлюзе Эллууд ждал, пока упадет давление и внутрь попадет хороший, чистый, прохладный земной воздух. В горле стоял комок, а глаза были мокрыми, и это был не только пот.

— Откуда урсан узнал, что мыжимаем друг другу руки? — пробормотал он. — Я никогда не говорил ему об этом. Никогда.

МОНСТР ИЗ КОСМОСА

Глава I Знакомство с монстром

— Хватайтесь за что-нибудь, ребята, и держитесь. Сейчас посадим эту птичку на хвост!

Боб Таллен вернул переключатель сирены в исходное положение, отодвинул межсудовую радию в сторону и вдавил кнопку зажигания двигателя заднего хода.

Перед тем, как из двигателя полыхнул огонь, Боб успел набросить на себя веревку и привязаться к скобам. Резкое торможение было для него обычным делом. Он лежал и, улыбаясь, прислушивался к крикам, доносящимся из лабораторного отсека. Он слышал звон стекла даже сквозь оглушающую вибрацию надрывающегося двигателя.

Маленький «*Спрайт*» затрясло и дернуло. Он медленно начал поворачиваться. Эксклюзивная маленькая яхта Фавы Дитрелл не часто чувствовала уверенную грубую руку Космического Стража на своем штурвале. Как правило, корабль маневрировал более скромно.

— Боб! Что случилось?

Фава с трудом добралась до кабины управления, подтягиваясь на специальных скобах, установленных вдоль прохода. За ней показался неуверенный Уолтер Берол. Он тя-

жело дышал, а с носа у него капала жидкость красноватого цвета. Оба они выглядели удивленными, а Берол — еще и застенчивым.

— Впереди генераторы помех, — спокойно сообщил Таллен. — Либо какой-то тупоголовый зритель забыл перезарядить маяк, либо его ограбили, либо в него ударил метеорит. В любом случае, я хотел подняться и посмотреть на него поближе.

— Н-но... почему так неожиданно? — пожаловался Берол, с тоской рассматривая испорченный костюм. — Я-я ... то есть, мы...

— Неожиданность у меня в крови, — злорадно ответил Боб Таллен, оскалив зубы. — В данной ситуации я должен был остановиться. Я остановился. Все очень просто.

— Ага, — сказал Берол.

— Уолтер показывал мне, как пользоваться лабораторией, которую он для меня подготовил, — объяснила Фава, залившись краской, — и мы рассматривали этих *vermes horridons* — этих ужасных паразитов, заполонивших плантации моего отца на Титании. Когда вы так резко затормозили, все вылилось прямо на Уолтера!

— Ужасно, — прокомментировал Таллен, без интереса смотря на пульсирующую красным светом панель управления, показывающую не так далеко впереди обнаруженное крупное небесное тело. — Я думал, он сам может о себе позаботиться. Он такой же большой и крепкий, как и я.

— Все понятно, — беззлобно рассмеялся Берол. — Большой и злой пещерный человек был здесь совсем один и решил развлечься.

— Мальчики! Мальчики! — запротестовала Фава. — Не нужно портить отпуск. Вы прямо, как дети.

Уолтер Берол ухмыльнулся.

Боб Таллен рассмеялся.

— Какого черта! Ничто так не улучшает настроение, как небольшая аварийная ситуация. Доставай скафандры, Фав. Мы отправимся на прогулку, как только я подведу эту жестянку к той скале.

Фава раздраженно топнула ножкой, но в ее черных глазах блеснул огонек. Ей нравилось дружеское соперничество ее компаньонов. Она любила их обоих, хоть они и были совершенно разными.

Боб Таллен, командер Космической Стражи Таллен, был лыс, импульсивен и талантлив. У него уже были все награды, которые только присваивались Советом Системы. Он бы с легкостью справился со стадом марсианских *фелизауров*, если бы Фаве угрожала опасность, и даже не задумался бы о том, что делает. Ей нравилось то, что он умеет быстро принимать решения и ничего не боится.

Уолтер Берол, *доктор* Берол — для смертных, директор Биологического Института, был намного умнее, но он был крайне застенчив, что мешало его карьере. При этом, при наличии времени, он мог решить любую проблему. Кроме того, он был очень внимательным и обладал потрясающим чувством юмора, что делало его прекрасным собеседником в любой компании. Он был настоящим самородком, разве что не таким блестящим.

Фава почувствовала, как корабль дернулся, когда Таллен отключил еще два двигателя. Монитор ярко светился и странный объект начал принимать четкие очертания.

— Будь я проклят, — пробормотал Таллен, переводя взгляд с монитора на «Список астероидов» и обратно. — Слушайте!

Он начал читать:

«Планетоид известен под названием Келлогс-218. Имеет форму гроба. Состоит из металла с вкраплениями кварца. На планетоиде установлен маяк класса R-41...».

— Я бы сказала, что он похож на грушу, — заметила Фава. — Смешная штука, правда?

— Похоже на протухшую дыню, насаженную на железную палку, — сказал Берол.

— А с той стороны, там, где виден этот странный розовый мох, — взволнованно воскликнула Фава, — там словно растет высокая трава!

— Верно, — прищурившись, ответил Берол, — и она колышется, словно на ветру!

— Глупости, — проворчал Боб Таллен, уставившись в монитор. — Какой здесь может быть ветер? И где вы видели траву за пределами Марса?

Картинка на мониторе была странной: колышущаяся, рыхлая масса, застывшая на одном конце планетоида Келлогс. Маяка видно не было.

— Осторожно! — предупредил Таллен. — Я приземляюсь.

Когда Уолтер Берол и Фава оказались на одной из рыхлых террас, они были очень удивлены. Все, что их окружало, выглядело совсем не так, как на экране. То, что они приняли за рыхлый мох, оказалось похожим на хорошо выделанную кожу.

Раскачивающаяся на ветру трава оказалась пучками розовых стеблей, которые были похожи на бамбук. Однако зрение их не подвело. Они *действительно* двигались, словно подводные заросли в земных океанах.

— Как вы думаете, что *это* такое? — неожиданно спросила Фава, смотря под ноги, когда ее спутники прошли немного вперед между двумя пучками странных отростков. Под ногами девушки лежали небольшие малиновые шишки, похожие на помидоры.

— Они мягкие, — сказала Фава и пнула одну из них.

Она закричала так внезапно, что Берол замер от неожиданности. Ближайший куст ожил с невероятной скоростью. Змееподобный стебель рванулся вниз, изогнувшись словно лебединая шея, и обвился вокруг Фавы. Ошарашенный скоростью и внезапностью атаки, Берол неподвижно смотрел, как стебель продолжает обвиваться вокруг ноги девушки.

Берол попытался сорвать с ремня ручной топор и отчаянно закричал в микрофон шлема, призывая на помощь Боба Таллена. Таллен не мог уйти далеко.

Берол еще не успел выхватить топор, когда до него донесся хрип Фавы. Чудовищное давление щупальца лишало ее возможности дышать. С ужасом в глазах он увидел, как

Фава поднялась в воздух, а внизу, в нескольких футах от нее, открылась пурпурная пасть.

У Берола кровь застыла в жилах, но он бросился на щупальце со всей яростью, на которую только был способен. После первого удара топор отскочил с такой силой, что чуть не выпал из рук Берола, но тот продолжал бить. На щупальце начали появляться небольшие порезы, из которых вытекала темная, вязкая жидкость. Его глаза застилали пот и слезы беспомощной ярости, но он продолжал рубить.

Он понял, что не может поднять руку, и почувствовал, как на плечи навалилось что-то тяжелое. Смотровой щиток шлема был затуманен, и он ничего не видел. Однако он почувствовал движение в районе груди. Очередное щупальце сдавило его до хруста в костях. Он успел крикнуть лишь одно:

— На помощь, Боб... Фава... Боб...

А потом он потерял сознание.

— Он приходит в себя.

Это был Боб Таллен, голос которого пробивался сквозь кровавый туман. Берол мог свободно дышать и понял, что с него сняли скафандр. Наверное, он опять на корабле. Он пошевелился, открыл глаза и увидел взволнованную Фаву, склонившуюся над ним. И тут он вспомнил — мощные щупальца, обвивающие их, и поганая, густая кровь чудовища, вызывающая рвоту. Берол вздрогнул: Фава в безопасности!

— Все хорошо, старик! — обнадеживающим голосом сказал Таллен. — Дела у тебя были не очень, но теперь все хорошо. Мы приземлимся на Лунной Базе через час, а там

уже ждет скорая помощь. Через пару недель ты будешь как новенький.

— Та... штука... была... живой, — с трудом произнес Берол. — Ты...

— Забудь, — сказал Таллен. — В космосе полно странных монстров. Я сжег его огнеметом. Вот и всё. На той скале их были сотни, но это неважно. Они теперь в двухстах миллионах миль от нас.

Берол попытался забыть, но не смог. Он не мог забыть, что оказался рядом с Фавой в минуту опасности и не смог ей помочь. Монстра уничтожил Таллен. И неважно, был ли монстр животным, растением или каким-то гибридом.

Именно об этом он думал все то время, пока валялся на больничной койке на Лунной Базе. Он знал, что Боб Таллен кует железо, пока оно горячо. Таллен был все еще на базе и осматривал новый корабль «*Сириус*», которым ему предстояло командовать. При этом вечерами он был свободен и всегда проводил их в компании Фавы...

— Ты прекрасный, милый парень и я очень люблю тебя, — сказала Фава Уолтеру Беролу, когда они вышли из больницы в день выписки.

Они шли к космопорту, чтобы посмотреть, как Боб Таллен отправится в пробный полет.

— Но мужчина, за которого я выйду замуж, — продолжала Фава, — должен быть находчивым, уверенным в себе. Мне очень жаль... Я не хочу причинять тебе боль... но...

— Значит, Боб?

Она кивнула, и внезапно вселенная опустела. А потом его накрыло волной ощущение полной ничтожности. Да,

она права. У него не было тех кровожадных качеств, которыми она восхищалась, и которые были у Боба Таллена. Он ей не пара.

В следующий момент его охватило другое чувство. Первобытная ярость — древняя, как само человечество, — которая возникала тогда, когда мужчина терял свою женщину. Он хотел ее — и плевать на Таллена.

— Ты не выйдешь замуж за Боба, — тихо сказал Уолтер Берол.

Глава II Небесный монстр

Голос Фавы звучал требовательно и испуганно.

— Срочно приезжай в штаб-квартиру! Я очень боюсь за Боба.

Перед тем, как сесть в гирокоптер, Уолтер Берол лишь на секунду задержался на посадочной площадке, расположенной над его огромной лабораторией. В эту секунду он бросил встревоженный взгляд на безмятежную черноту космоса, разбавленную яркими звездами. Его беспокоили нехорошие мысли.

В течение трех недель после того, как Боб Таллен улетел на *«Сириусе»*, из пояса астероидов приходило немало тревожных вестей. Одиннадцать крупных планетоидов исчезли со своих орбит, просто испарились! Десятки разных грузовых кораблей опаздывали в пункты назначения и не

отзывались на сигналы. Смотритель маяка послал отчаянный сигнал SOS сквозь сильные статические помехи, но связь прервалась, когда он сказал:

— Нас захватили...

Артиллерийский катер «*Ягуар*», который отправили на помощь смотрителю, на связь больше не выходил. Это было необъяснимо. Это было жутко.

Берол прошел мимо хмурых охранников, стоявших на входе в Зал Главного Штаба. Будучи директором Биологического Института, он мог беспрепятственно проходить в эти тщательно охраняемые помещения. Помещение было забито офицерами, которые смотрели на огромный экран и внимательно слушали. Фава сидела рядом с адмиралом Мадиганом. Она так сильно сжимала подлокотники кресла, что пальцы ее побелели от напряжения. Берол остановился. Громкий низкий голос доносился из динамиков системы удаленной связи «Марк IX».

— Это Билл Эванс, с «*Капеллы*», — прошептал кто-то, находившийся рядом.

— ...мы наконец-то добрались до этой штуки, что бы это ни было, и готовы к посадке. Мы облетели ее дважды, но не заметили никаких следов «*Ягуара*» или других кораблей.

Уолтер Берол внимательно смотрел на невероятный ландшафт, раскинувшийся под сканером «*Капеллы*». Поверхность была грязно-розового цвета. Повсюду были разбросаны малиновые шишки. Поверхность казалась мягкой и пористой, словно протухшая тыква. Все это отдаленно напоминало Келлогс-218. Берол вздрогнул при воспоминании о тех событиях. Эванс продолжал:

— ...двигающиеся пучки, о которых говорил «Ягуар» перед тем, как связь оборвалась, не видны. Все, что мы видим, это горы гигантских «макаронин», сваленных в кучу. Капитан осуществляет посадку. Примерно через минуту вы получите более четкое изображение. Ждите!

Из динамиков доносились необычайно сильные помехи, и когда снова слышался голос Эванса, слова разобрать было практически невозможно. Помехи были и на экране, поэтому изображение представляло собой лишь розовые волны. Операторам удалось заглушить большую часть помех, и сквозь громкий треск вновь слышался голос Эванса.

— ...поверхность обманчива... достаточно твердая. Команда вышла на поверхность и берет образцы с помощью дрелей и топоров. Один член команды пытается отколоть кусок от огромного малинового нароста. Подождите! Один из отростков, сваленных в кучи, зашевелился! Они похожи на змей! Некоторые из них поднялись вверх, а другие ползают вокруг нас!

Берол пробрался вперед сквозь толпу. Фава тяжело дышала. Адмирал Мадиган не сводил глаз с экрана.

— ...это щупальца! Одно из них обвило нос корабля, а другие обвивают середину корпуса. Вот почему наш корабль движется. Капитан готовит К-пушки. Через минуту мы взорвем всё к чертям. Лучше уменьшить громкость. Начинаем...

Дикий грохот, от которого затряслись стены, заполнил помещение. Затем наступила тишина. Яркие бордовые всполохи пролетели по экрану, а потом он стал абсолютно черным, словно густой едкий дым.

— Все пушки разряжены. Поверхность планетоида, если эта штука *действительно* планетовид, покрыта дымом. Несколько пучков щупалец прямо по курсу сожжены. Но мы всё еще не можем взлететь. Судя по всему, мощности двигателей не хватает, чтобы освободиться от щупальца, обвившего нос корабля...

Волна жутких помех заглушила надрывающийся голос.

— ...пытаемся включить носовые двигатели. Подождите. Этого не может быть. Мы опускаемся! Под нами образовалась огромная трещина. Мы падаем! Левый борт уже полностью погрузился. Мы... *a-a-a-a!*

Голос исчез, оборвался. Экран потух. Несколько секунд в помещении не было ни звука. Берол не видел, но чувствовал напряжение, охватившее закаленных офицеров Космической Стражи. Рука Фавы вцепилась в руку Берола.

«*Капеллу*» только что постигла судьба, которой им удалось избежать. Не было никаких сомнений, что этот монстр очень похож на то чудовище, которое притаилось на Келлогс-218.

— Поднимайте «*Сириус*»! — прозвучал голос адмирала Мадигана, резкий и злой. — Чем там занимается Таллен?

Но «*Сириус*» уже был там, кружился над тем местом, где приземлилась «*Капелла*». Смертоносные К-лучи поливали агрессивную поверхность фальшивого астероида. Капитан включил видеосвязь, чтобы те, кто находился в штаб-квартире, могли видеть извивающуюся горящую поверхность. Пучки щупалец превращались в горки пепла,

взрываясь и выпуская ядовитые газы. Из динамиков слышался уверенный и четкий голос Таллена, отдающего резкие приказы.

Однако «*Сириус*» ничем не мог помочь своему умирающему брату. Верхняя башня «*Капеллы*» скрылась под опаленной оболочкой монстра. Через пару секунд на том самом месте был виден лишь четкий пепельный шрам, который также исчез через некоторое время.

На экране появилось огромное лицо командера Боба Таллена.

— Высокие температуры, — кратко сказал он. — Присылайте все, что есть, и тонну фероксита. Я раздроблю эту штуку на куски, а потом сожгу эти куски.

Когда лицо командера исчезло, адмирал Мадиган вскочил с кресла.

— Все вон отсюда! Эскадрильи три, шесть и десять вылетают немедленно. Доложить Таллену, когда будете на месте. Установить мощные огнеметы на все резервные суда и снабдить их дополнительным топливом. Доложить мне, как только всё будет готово.

Он продолжал выкрикивать короткие приказы, и офицеры выбегали из зала. Фава отошла в сторону. Ее глаза были полны ужаса. Она очень хорошо знала, каково это — ощущать прикосновение этих безжалостных щупалец! Не могло быть никаких сомнений в том, что несколько минут назад она смотрела на такого же монстра, какого они встретили на Келлогс-218, только крупнее. Ей стало страшно при мысли о том, с какой легкостью это чудовище могло открывать разломы в поверхности. Ее охватил ужас, когда

она представила, что Боб Таллен будет атаковать это чудовище. А ведь он был так беспечен в своей храбрости.

— Ах, Уолтер! — вскрикнула она, хватая Берола за руку. — Как ты думаешь...

Уолтер Берол мрачно покачал головой.

— Слишком поздно использовать грубую силу. Эта штука стала слишком огромной. Мы должны были исследовать ее природу и уничтожить ее, когда она еще была маленькой. Сейчас ее диаметр составляет четыре мили и увеличивается по мере того, как монстр получает пищу. Весь наш флот будет сродни туче мошкар, напавшей на носорога. Если и нападать, то с помощью его собственных биологических процессов. Боб пытается сделать невозможное.

Адмирал Мадиган резко развернулся. На его лице застыла презрительная улыбка.

— Смотрите-ка! Мечтатель вылез из своей башенки, чтобы взглянуть на нас и сказать, что мы не правы. Хорошо! И какое же решение предлагает великий мыслитель? Быстрее! Это чрезвычайная ситуация! У нас на глазах погибли люди!

— Я... не... знаю, — медленно произнес доктор Берол. — На исследование нужно время. Я начну прямо сейчас...

— Ха! — хмыкнул Мадиган. — Исследование! Нам повезло, что у нас есть те, кто умеет действовать. Как Таллен.

Он резко отвернулся и ушел, оставив позади себя Уолтера Берола с пылающим лицом. В нем поднималась волна слепой злости, смешанной с жалостью. Жалостью к этим глупым людям, привыкшим к мгновенным действиям, которые возомнили, что смогут взять под контроль это колоссальное зло с помощью своего ничтожного оружия.

В этом зале Берол был единственным, кто полностью осознавал ту угрозу, которая нависла над Солнечной Системой. Если монстр прибыл из космоса в виде споры, пожирающей космический камень, и смог достичь размеров, позволяющих ему поглотить такой железный планетоид, как Келлогс, то где он остановится? Что он начнет пожирать после астероидов? Может быть, спутники планет. А что потом?

В этот момент Уолтер Берол решил, что остановит Пожирателя Лун. Он знал, что на пути у него будут стоять не только насмешки, но и другие препятствия. Однако розовое зло было не только угрозой для человеческой расы. Оно было символом. Существо, неважно, откуда оно пришло, напало на женщину, которую он любил, а затем унизило и чуть не убило его в ее присутствии. А сейчас оно стало причиной ядовитой насмешки космического адмирала.

— Фава, — резко сказал он. — Я хочу воспользоваться «Спрайтом».

— А если я запрещу?

— Тогда я конфискую его от имени Института.

Его бесповоротный тон удивил ее. Она уже слышала такое — в тот день, когда он сказал, что она не выйдет замуж за Боба Таллена. Она удивленно посмотрела на него и изыщно пожала плечами. Пускай попробует. Он хочет только хорошего. Она была уверена, что у него ничего не получится. Он потерпит поражение в холодном вакууме космоса, где отсутствует гравитация, как это всегда бывало за пределами его лаборатории. Это было неважно. Важно было то,

что у нее появился предлог для того, чтобы оказаться рядом со своим любимым.

— Хорошо, Уолтер, — согласилась Фава, улыбаясь. — Но не забывай, что я официальный помощник-лаборант, а «*Спрайт*» — моя яхта. Я тоже полечу.

— Но опасность...

— Боб тоже в опасности, — сказала она.

* * *

— Умер, — пробормотал Уолтер Берол.

На столе в лаборатории «*Спрайта*» лежал венерианский пожиратель камней — *Lithovore Veneris* — удивительная разновидность броненосцев, питающихся кварцем. По данным рентгеноскопа все органы прекратили работу. Двадцатая доля грана *токсигина*¹ не дает никакой реакции, а десятая доля убивает его.

— Значит, ты думаешь... — Фава смотрела на лабораторный стол.

— Нет. Просто нужно пробовать. Химический состав внутренних органов Пожирателя Лун может быть таким же. А может быть, и нет. У нас на борту двенадцать ящиков с материалом. Я хочу высадить их на поверхности следующей жертвы монстра. И мы будем наблюдать за реакцией.

Следующей жертвой было небольшое астероидное тело Хатор. Людям уже удалось узнать кое-что о хищных при-

¹ *Токсигин* — мощное химическое вещество, способное растворять белковые ткани определенных живых существ, например, венерианского пожирателя камней, который описан здесь в качестве животного, похожего на броненосца.

вычках розового захватчика. Этот огромный монстр передвигался от одной орбиты к другой, используя магнитные поля, наполненные статическими помехами. Он безжалостно преследовал космические объекты, пока не достигал их. Потом, не сталкиваясь с космическим телом, хищник раскрывался и поглощал объект. Пасть закрывалась и Пожиратель Лун, выросший и ставший еще более ненасытным, направлялся к новой жертве.

Фава посадила «*Спрайт*» в мрачном каньоне Хатора, известным под названием Южная Долина. У них практически не было времени на то, что они собирались сделать. Огромный диск Пожирателя Лун уже появился на фоне черного неба. Они даже могли различить яркие вспышки на его поверхности там, где корабли Таллена жгли и взрывали его шкуру. Они беспощадно обжигали поверхность монстра до тех пор, пока не оставляли за собой только черные обрубки щупалец... на месте которых монстр отрачивал новые.

Уолтер Берол надел скафандр и с четырьмя помощниками направился к пещере, в которой они собирались спрятать смертельно опасный токсин. Они едва успели выйти из корабля, как рядом с ними неожиданно приземлился большой военный корабль. Дюжина фигур в шлемах выскочила из корабля и направилась к расположившейся неподалеку яхте.

— Что вы здесь делаете, придурки? Эвакуация на этом астероиде была проведена тридцать часов назад!

Это был голос Боба Таллена, резкий и злой.

В следующую же секунду Таллен с удивлением узнал знакомые формы «*Спрайта*» и сразу понял, что стоявший перед ним человек был Берол.

— Господи! — прохрипел Таллен. — Фава здесь? Убейтесь немедленно, пока еще можете!

Он указал на приближающегося Пожирателя Лун, который занимал уже четверть неба.

— Я вижу, — ответил Уолтер Берол. — Мы улетим, как только заложим несколько ящиков с химикатами. Я планирую отравить...

— Арестуйте этого человека! — Боб Таллен повернулся к людям в синих скафандрах, которые стояли за ним.

Пилоты «*Сириуса*» подскочили к Беролу и потащили его, отбивающегося и протестующего, к «*Спрайту*». Вслед за ними шел Таллен. На яхте Таллен отдал приказы своему кораблю. Люки обоих кораблей захлопнулись, и они взвились в воздух, сопровождаемые пламенем двигателей.

— Смотри, — возбужденно сказал Боб Таллен, указывая на астероид.

Пожиратель Лун был всего лишь на расстоянии четырех диаметров от астероида. Он открыл пасть — пурпурную пропасть, покрытую слизью. Пять минут спустя жуткие псевдо-губы начали закрываться, поглощая маленький Хатор. На поверхности монстра осталась всего лишь малозаметная линия там, где скрылся астероид. Розовый монстр продолжил движение, не обращая внимания на столпившиеся вокруг него корабли, огрызающиеся К-лучами и огнеметами.

Все вздохнули с облегчением.

— Если бы не я, — сказал Таллен с мрачным выражением лица, — ты... и Фава... были бы уже внутри. Я арестовал

тебя, чтобы спасти от твоей собственной глупости. Это мужская работа. Нет времени играть с теориями. Сейчас нужно действовать.

— Ты действуешь уже два месяца, — с иронией возразил Уолтер Берол. — Мне кажется, за это время Пожиратель Лун стал в три раза больше. Если это называется эффективностью действий, то мне кажется, что пора найти кого-то, кто будет *думать*.

— Это моя забота, — рявкнул Таллен. — Правитель, глава Совета Системы, поручил эту проблему *мне*. Если мне понадобится помощь, то я скажу тебе. А пока, держись по-дальше.

Глава III

Погоня

Гибель Деймоса была прекрасно видна с Марса. Каждая пара глаз, каждый телескоп и каждый бинокль были настроены на предстоящее бедствие. Камеры впитывали каждую деталь с помощью телеобъективов. Фотопластины были сделаны и из ультрафиолетовых и из инфракрасных лучей. Дикторы Омнивокса установили свои микрофоны во всех выгодных точках и со всеми подробностями описывали происходящее жителям Солнечной системы.

Боб Таллен, теперь уже коммодор Космической Стражи, организовал свой командный пункт в южной башне административного здания города Арес. Он был готов к по-

следней пробе сил между его войсками и розовым злом, которое так и не поддавалось. По его приказу на Деймосе создали миллионы галерей и туннелей, сотни миль которых были до отказа забиты тысячами тонн фероксита. На экваторе Марса были установлены тяжелые осадные орудия для поддержки кораблей. Мощнейшим взрывом и волнами огня Таллен надеялся разнести хищника на части.

«Спрайт» надежно укрылся в космопорте Марса, а, чтобы Фава и Берол могли наблюдать за его триумфом, Таллен приготовил им место рядом с собой.

Четырнадцать кораблей первого класса и десятки более мелких следовали за Пожирателем Лун от пояса астероидов и не прекращали бомбардировку. День за днем они посылали бомбы на его поверхность и окутывали его щупальца волнами всепожирающего огня. Сотни грузовых кораблей сновали между флотом и базами, доставляя запасы топлива и боеприпасов. В качестве демонстрации массового применения грубой силы операции Таллена не было равных. Теперь он был готов убить.

— Это не работает, Боб, — мягко сказал Берол, наблюдая за тем, как огромная розовая сфера надвигается на крохотный спутник Марса. — Эта штука органическая, точно тебе говорю.

— И что из этого? — рявкнул Таллен. — Если она живая, значит, ее можно убить, верно?

— Если мощности будет достаточно. А этого не будет. Ты пытаешься убить слона кухонным ножом. Органика способна к регенерации. Это твой прокол. Необходимо остановить работу органических функций...

— Я остановлю его органические функции, — мрачно ответил Боб Таллен, не отрывая взгляда от монстра.

Он был уже на расстоянии от Деймоса, равном одному его диаметру. Боб нажал на кнопку на пульте. Три раза. Атака началась.

Облако кораблей появилось перед раскрытой пастью Пожирателя Лун, посылая в нее залпы выстрелов. Другие корабли поливали огнем заднюю часть монстра. Пожиратель Лун упрямо двигался вперед и, когда его губы сомкнулись на крошечном спутнике, Боб Таллен нажал на кнопку, активирующую радиоуправляемые заряды.

— Смотрите! Смотрите! — закричала Фава, хватая Берола за руку. — Боб победил! Он разнес его на куски!

На несколько минут всем показалось, что так оно и было. Одна сторона Пожирателя Лун вздулась под воздействием взрывной волны огромного количества фероксита. Затем на поверхности монстра в разных местах появились разрывы, словно вулканическая цепь, внезапно образовавшаяся на материке. В космос вылетали ошметки пурпурной плоти, оторванной взрывом. Из пропасти, которая была ртом, сочилась неизвестная жидкость, которая тут же превращалась в огонь, когда ее касались выстрелы кораблей.

А потом оглушающий рев тысячи марсианских орудий заглушил все вокруг. Как только космические корабли отошли от монстра, в игру вступила артиллерия, которая дарила чудовищу один залп за другим. Огромные куски кожи отлетали, оставляя за собой глубокие кратеры. Щупальца, вырванные с корнем, разлетались на мелкие куски.

Излучая чудовищные статические помехи, монстр развернулся и стал уходить от Марса в сторону астероидов.

Боб Таллен скептически наблюдал за убегающим монстром. Он ранил его, да. Но тот все еще был *жив*! Он не выплюнул только что проглоченный спутник. Он уходил, чтобы подчистить пояс астероидов. Корабли постепенно отставали от монстра и возвращались на Марс. У них закончились боеприпасы. Великий удар был нанесен, но оказался неудачным!

— С вашего разрешения, коммодор Таллен, — сухо заметил Уолтер Берол, — я продолжу свои исследования. Я заметил, что степень проникновения вашей взрывчатки составляет примерно триста футов. Если учесть, что диаметр Пожирателя Лун составляет десять миль, то становится очевидно, что вам удалось лишь немного поцарапать ему шкуру. Его нужно атаковать изнутри, а не извне.

— Исследуй и будь ты проклят! — Боб Таллен резко развернулся, охваченный беспомощной злобой и разочарованием. — Ты вечно орешь, что наука способна на многое, хорошо, покажи нам! Только не стой у меня на пути!

— Хорошо, — холодно ответил Берол.

Он встал и вышел из зала, даже не взглянув на Фаву. Он понял, что брошенный им вызов принят. Его первой задачей будет победа над Пожирателем Лун. Его личные дела могут подождать. В конце концов, если окажется, что Пожиратель Лун может расти, питаясь не только планетоидами Солнечной системы, то совсем скоро личных дел у него вообще не будет. С этого момента Уолтер

Берол полностью посвятил себя проблеме уничтожения розового монстра.

* * *

Берол не стал приближаться к «*Спрайту*». Вместо этого он взял космический баркас «*Дженни*», принадлежащий марсианскому отделению Биологического Института, и отправился на орбиту исчезнувшего Деймоса. Повсюду плавали куски вязкой массы, вырванной из раненого Пожирателя Лун, перемежку с длинными волокнами разорванных тканей. Берол собрал несколько тонн вонючей грязной массы и привез ее в марсианскую лабораторию.

На протяжении нескольких недель он занимался лишь изучением полученных образцов. Вместе с помощниками он резал, окунал в питательную среду и анализировал всё собранное. Он был крайне удивлен тем, что ему удалось найти. Монстр состоял из белков!¹ Благодаря невероятным химическим особенностям, существо могло превращать тяжелые элементы в более легкие: железо — в плоть, а кварц — в органическую жидкость.

Несмотря на открытие макрокосмической природы монстра (отдельные клетки были величиной с яблоко), ему не удалось узнать подробностей его структуры, а также не удалось обнаружить информацию о жизненно важных органах. У Пожирателя Лун были лишь частички кожи и об-

¹ Белок — сложное органическое вещество, основой которого является протеид, одна из основных составляющих практически всех животных и растений, состоящая из углеродов, водорода, кислорода, азота и серы.

разцы поверхностных выделений. Ситуация была такой же безнадежной, как если бы учёному пришлось восстанавливать кита по нескольким квадратным дюймам китового жира.

Берол продолжал упорно биться над решением задачи, как вдруг тишину его исследований разорвало «Всесистемное» сообщение. Когда говорил Правитель, все замолкали и слушали.

— Жители Солнечной системы должны знать о том, что Высший Совет постановил прекратить бессмысленную войну против захватчика, известного под именем Пожиратель Лун. Несмотря на невероятные усилия Космической Стражи, монстр уничтожил все наши астероиды, включая Цереру и спутники Марса. Сейчас его диаметр достигает почти тысячи миль, и мы не в состоянии его контролировать...

Доктор Берол ахнул. Он потерял связь с внешним миром и не знал, что всё зашло настолько далеко.

— Приказываю срочно эвакуировать все спутники Системы, размеры которых меньше планеты. Ученые всех категорий должны немедленно прекратить все свои исследования, которыми они занимаются в данный момент, и сосредоточиться на том, как сделать Юпитер пригодным для жизни. Наши математики просчитали кривую потребления Пожирателя Лун, вычислили размеры оставшихся планетоидов и с невероятной точностью рассчитали дату исчезновения каждой из планет Солнечной Системы. Лишь Юпитер настолько велик, что Пожирателю Лун никогда не удастся поглотить его.

Это слово Правителя!

Уолтер Берол сидел, уставившись на затихший приемник, даже после того, как прозвучал последний щелчок. Значит, Боб Таллен проиграл. Правитель проиграл. Человечество проиграло. Это означало вымирание, потому что вряд ли им удастся приспособить для жизни «Короля планет». А даже если и получится, то в Системе недостаточно транспорта, чтобы перевезти туда всех....

Берол тоже проиграл. Он это понимал. Вся лихорадочная работа последних недель оказалась бессмысленной. Он не сделал никаких выводов, не обнаружил смертельный токсин, который способен убить монстра. И даже если бы он и был у него, то он не знал, как им воспользоваться. Всё верно: кобра может убить быка одним укусом. Однако у Берола не было ни яда, ни способа, которым можно провести инъекцию. И теперь поступил приказ прекратить исследование. Он потерпел полное поражение, потому что решение Правителя было окончательным.

Он устало нажал кнопку на столе.

— Закройте наши файлы по Пожирателю Лун, — сказал он начальнику лаборатории. — Принесите мне справочник «Флора и фауна Юпитера».

* * *

Взволнованная Фава Дитрелл ворвалась в кабинет Уолтера Берола.

— Уолтер! — закричала она. — Пожиратель Лун здесь. Он сейчас у Европы!

— Мы ничего не можем с этим поделать, — сказал Берол. — Нам приказано не обращать на него внимания. В любом случае, Каллисто пока в безопасности.

Когда Берол перенес свой штаб поближе к Юпитеру, он не удивился, увидев Фаву, которая работала там в качестве помощника. Приказ Правителя касался инженеров любых степеней и всех ученых. Все они должны были работать над проблемой Юпитера, а Фава была известна как биолог-любитель. Берол подозревал, что она устроилась в лабораторию на Каллисто, потому что Боб Таллен был на находившемся неподалеку Ио. После того, как Таллена сняли с охоты на Пожирателя Лун, он стал руководить эвакуацией на спутниках Юпитера.

— Пожиратель Лун, — повторила Фава. — Он ведет себя необычно. Он прошел мимо мелких внешних спутников, даже не тронув их.

— Хм-м-м, — задумался он. — Это действительно странно. Это может быть важно.

Он постучал пальцами по столу.

— Может, он достиг максимального размера и ему уже не надо так много есть.

Поведение Пожирателя Лун действительно было странным. Он лениво обошел спутники Юпитера по спирали и покинул юпитерианскую систему, не уничтожив даже самый маленький спутник! Гипотеза была готова. Неужели монстр достиг края? Своего максимально возможного размера? Может быть. Любое существо имеет максимально возможный размер. Лишь время могло ответить на этот вопрос.

Когда паника среди юпитерианских колонистов прекратилась, в новостях начали появляться кричащие сообщения о массовом бегстве из системы Сатурна. Розовый монстр направлялся именно туда, а все спутники Сатурна, за исключением одного, были подходящего «съедобного» размера.

Пожиратель Лун двигался вперед. Он прошел мимо Фебы, Гипериона, Рея и всех других маленьких спутников. Он не тронул ни один из них, зато приблизился к полужидкой планете. Там, совершенно неожиданно, он остановился прямо посреди астероидного кольца, и на протяжении нескольких недель неподвижно висел на одном месте, словно искусственный спутник! Затем, так же неожиданно, как и пришел, он ушел по спирали по направлению к Урану.

Уолтер Берол узнал об этом только благодаря рассказам Фавы. Плантации ее отца находились на Титании, и она очень боялась, что они исчезнут. Берол мрачно покачал головой. Он не мог ничего сделать. Правитель несколько раз отказывал ему в разрешении на продолжение исследований. Глава Совета даже угрожал ему строгими дисциплинарными взысканиями, если он сделает еще один запрос.

Однако рассказ Фавы о поведении Пожирателя Лун в районе Сатурна оказал ошеломляющий эффект на Уолтера Берола. Он даже вскочил от возбуждения.

— Да, да, конечно! Я должен был догадаться. Вот где ответ. Она остановилась в кольцах только потому...

— *Она!* — огрызнулась Фава.

Страх уступил место негодованию.

— Почему ты приписываешь этому ужасному монстру *мой* пол? — от злости она даже топнула своей маленькой ножкой.

— Да, она! — Берол срывался на крик. — Неужели ты не понимаешь? Теперь нам придется иметь дело не только с одним проклятым монстром, а с тысячами, а может даже с миллионами. Мы немедленно должны отправиться туда и уничтожить ее проклятое потомство!

Фава ошарашенно смотрела на него. Такое возбуждение было для Уолтера Берола редкостью. Он продолжал свою рьяную речь:

— Этот монстр когда-то был очень маленьким. Насколько маленьким, мы не знаем. В самом начале он, возможно, питался космическим песком и гравием, потом камнями, а потом — спутниками. Теперь он вырос и, как любое другое живое существо, стремится к продолжению рода. Она отложила яйца в кольце астероидов!

Напряжение Фавы спало, и она рассмеялась.

— Уолтер, ты спятил? Яйца! Потрясающе!

— Отнюдь. Другого вывода быть не может. Мы вновь видим весь цикл роста монстра — песок, мелкие камни и небольшие космические объекты. Всё рядом. Как пчелы, муравьи и жуки, она откладывает яйца там, где для новорожденных будет достаточно еды. Почему она сама не съела эти спутники? Мы знаем ее аппетит. Это материнский инстинкт!

Фава ахнула. Это была смелая идея, но вполне правдоподобная. Пожиратель Лун был живым существом, никто в этом не сомневался.

— Но разве Правитель... — начала она.

— К черту Правителя и его однобокость! — закричал Берол, срывая с себя лабораторную шапку. — Твоя яхта, Фавва! Она полностью оснащена. Мы сделаем это. От нас зависит судьба всего человечества. В этих маленьких Пожирателях Лун кроется ключ к их структуре и к их химическому составу. Поехали!

Глава IV

Смертельная глубина

— Сейчас мы практически на скорости Кольца, — сказал Англин, штурман Фавы.

Вокруг них были только блестящие куски железа с вкраплениями кварца и кристаллов, которые вечно движутся вокруг Сатурна.

— Хорошо, — сказал Уолтер Берол. — Включите ультрафиолетовый луч.

Он надел скафандр и вышел из корабля. Он долго сидел на корпусе с длинным сачком в руках, изучая отблески ультрафиолетовых лучей, отражавшихся от частиц Кольца. Между ними царил своего рода туман — пространство было полностью заполнено песком и пылью. Многие маленькие камни, являющиеся частью Кольца, были размером не больше обычной гальки.

Это была идеальная кормушка для эмбрионов Пожирателя Лун.

Прошло больше часа, прежде чем Берол поймал первый эмбрион. Определив, что они светятся необычным лимонно-желтым цветом, он начал собирать их десятками. Они были похожи на баскетбольные мячи — кожистые, розово-оранжевые шары, покрытые ворсом, похожим на пух. Эти маленькие волоски станут ужасными щупальцами, способными удерживать мелкую добычу, пока под ней не откроется некое подобие рта.

Уолтер Берол передал работу по поимке существ двум членам команды, а сам поспешил на корабль с первыми образцами. Он победоносно бросил их на секционный стол перед Фавой.

Осторожно, чувствуя внимательный взгляд девушки, он разрезал одно из существ с одного конца до другого с помощью зеленого скальпеля. Им открылась кольцевая реберная структура, которая была похожа на земные меридианы. Они обнаружили мощные околополярные мышцы, которые оттягивали ребра на одну сторону в момент поедания крупных объектов. Под вязкой малиновой жидкостью, заполнявшей полости тела, Берол обнаружил пульсирующий зеленый орган, который должен был быть мозгом.

С невероятной скоростью Берол разобрался со сложной системой зеленых нервных стволов, проследив их расположение вплоть до самого конца — там, где они заканчивались на коже красными наростами, воспринимающими двигательные импульсы¹. Берол обнаружил артериальные

¹ Именно когда Фава пнула один из них, щупальце напало на нее.

сосуды, по которым перекачивалась фиолетовая жидкость из центрального резервуара. Он также нашел множество вспомогательных желудков, расположенных подо ртами. Через час он уже знал всю анатомию монстра.

— Принеси мне шприц с *токсацином*, — приказал он.

Фава вколола яд одному из живых образцов, но ничего не произошло. Затем она попробовала гетераин и тотронол¹. Тотронол также оказался безвредным, а вот гетераин однозначно имел наркотический эффект. Он вызвал временный паралич той части тела, в которую был сделан укол.

— Уже что-то, — пробурчал Берол после того, как они испробовали весь список наркотиков и ядов. — Я теперь попробую микробов.

В комнате стояли полки с несколькими рядами пузырьков с бактериями. Это были образцы бактерий, вызывающих все известные болезни человека, животных, растений и всех возможных монстров с безвоздушных темных планет. Там были *скулдрумы* — жирные куски непонятного вещества, похожие на слизней, которые были смертельными врагами плутоновых кошек-ящериц. Там были спирохеты, убивающие венерианских пожирателей камней, доводя их до безумия. Были там и другие бактерии: круглые, вытянутые, похожие на диск, с крыльями, с ресничками, с плавни-

¹ *Гетераин* — наркотическое вещество, невероятно ядовитое для человека в любых дозах, кроме микроскопических. Также представляет собой дистиллят паралитического яда венерианского гигантского удава. *Тотронол* — земной наркотик, полностью разрушающий двигательные нервы спинного мозга, вызывая постоянный и зачастую смертельный паралич.

ками. Каждая из них обязательно несла смерть какому-нибудь живому существу.

— Держи, — сказал Берол Фаве, протягивая ей поднос с вырванными нервными окончаниями и горой зеленоватой мозговой ткани. — Проверь, набросятся ли какие-нибудь бактерии на эту штуку. Я займусь кровью. Торопись!

Фава была встревожена. Уолтер Берол никогда не говорил с ней таким резким, командным голосом. Однако она не могла сказать, что ей это не понравилось. Она взяла поднос и ушла.

Через десять часов они нашли паразита, которого искали. Это был тонкий бледный червь — *илли улли* — паразит венерианских рыб! Соприкоснувшись с нервными окончаниями монстра, он начинал размножаться с невероятной скоростью и быстро пожирать ткани.

— А теперь главный тест, — сказал Берол, наклонившись над детенышем Пожирателя Лун со шприцем в руках, который был наполнен жидкостью, кишащей *илли улли*.

Быстрый укол и дело сделано. Через час кожистый шарик превратился в дряблый труп, нервная система которого была сожрана ненасытными червями. Когда он умирал, все его рты открылись, как будто у рыбы, выброшенной на берег.

— Эврика! — выкрикнул доктор Берол, радостно подпрыгнув.

«Спрайт» понесся вперед. Двигатели ревели от перегрузки. Берол повернул перископ и посмотрел назад. Тысячи кожаных шариков, которые могли вырасти в Пожирателей Лун, накалялись добела, а затем взрывались с ти-

хим «хлоп!», когда по ним была основная энергия ракетных двигателей. Берол знал, что их еще тысячи, но их уничтожит кто-нибудь другой. Впереди у него была более важная игра. Но вначале ему нужно попасть на Япет, чтобы пополнить необходимые запасы.

— Фава, пока я буду заниматься оборудованием, ты должна будешь вырастить *илли улли*. Я хочу, чтобы они были большими, настолько большими, насколько это возможно. Такими же огромными, как анаконда, если у тебя это получится. Спровоцируй мутации с помощью рентгеновских лучей и корми их согласно синтетической диете, которую я составил. Отбери самых крупных, заставь их размножаться и продолжай в том же духе.

Он надел наушники и вызвал губернатора Япета. Он так правдоподобно врал, что Фава была поражена до глубины души. Уолтер Берол дал множество коротких приказов и сказал, что они действуют от имени Правителя и Совета Системы! К тому же, за то, что он покинул свой пост на Каллисто без разрешения, он, скорее всего, уже был в списке тех, кому грозит наказание!

— Мне нужны, — рявкнул Берол, — два большегрузных транспортных корабля. Они должны быть загружены и готовы к старту завтра вечером. Вот список того, что должно быть на борту.

Это был странный список: мачтовый кран длиной двести футов, буровая установка Мириц-Джоркина, оборудованная буровыми головками и запасными режущими головками, сто тысяч футов стального кабеля на катушках, трехдюймовые детононовые ружья с тысячей взрывных

патронов, при этом патроны должны быть разряженными и иметь лишь тонкие запалы, двадцать бочек с восьмидесятипроцентным раствором гетераина. К этому оборудованию должна была прилагаться команда буровиков и подсобных рабочих с газовых полей Ио.

— Это все, — рявкнул Берол, получив подтверждение.

Он вытащил наушники из сети и, развернувшись, увидел, что Фава стоит рядом.

— Что такое? — раздраженно спросил он. — Почему ты не выводишь червей? Время летит!

— Я хотела сказать тебе, Уолтер, что ты великолепен.

Впервые за много месяцев из голоса Фавы исчез шуточный тон, с которым она всегда обращалась к Уолтеру.

— Я даже понятия не имела, что ты можешь быть таким... властным! Я не знала... что ты можешь *действовать*... Я... я...

Его раздраженное выражение лица смягчилось. Он громко засмеялся. Впервые с момента встречи с Пожирателем Лун на Келлогс-218.

— Ах, вот оно что. Ты поверила распространенному мнению о том, что ученые сухи, как пыль. Никчемные простофили.

— Н-но, — начала заикаться девушка. — Ты всегда был таким неуклюжим... таким застенчивым... за пределами лаборатории...

— Ты видела, как я пытаюсь делать то, чего не умею. Вот и всё. Но я опять в лаборатории. Вся Солнечная система — моя лаборатория. Я делаю то, что умею лучше всего. Разница лишь в масштабах. Я собираюсь ввести животному смер-

тельных паразитов. Так как толщина его шкуры составляет пять-шесть *мил*, то мне понадобится гигантская игла.

Он зловеще засмеялся.

— Конечно! — сказал старый Харви Линхольм, невероятно высокий главный бурильщик, который приехал вместе с оборудованием. — Мы понимаем, что нужно. Мы пойдем за вами хоть в ад и обратно, док, если это будет нужно. Мы многое потеряли из-за этого монстра, пожирающего планеты, и нам это надоело. К тому же, я лучше сдохну прямо сейчас, пытаясь помочь, чем буду ждать отправки на Юпитер. Я не могу представить себе жизнь на гигантском Юпитере. Только представьте, сколько я там буду весить!

Берол ухмыльнулся. Он повернулся к капитанам грузовых кораблей.

— Ну что же. Взлетайте и отправляйтесь к тому месту, координаты которого я вам дал. Я догоню вас. После этого следуйте за мной.

Он быстро ушел и, установив рампу возле корпуса «*Спрайта*», уже хотел войти в корабль, но тут его остановила Фава.

— Мы проиграли, — простонала она. — *Жандармы* идут сюда, чтобы арестовать тебя. Правитель узнал, что ты воспользовался его именем и приказал доставить тебя на суд на Землю. В наручниках.

— Им стоит поторопиться, — злорадно усмехнулся Уолтер Берол, распахивая люк. — Я улетаю через десять секунд и плевать на Правителя.

— Это еще не всё, — тихо сказала Фава. — Боб Таллен узнал, где я, и летит сюда, чтобы забрать меня. Он запретил мне находиться рядом с трбой.

— Ах, — сказал Берол. — Может быть, Боб расскажет нам, как Правитель узнал о нашей экспедиции.

— Да, — кивнула она, ее голос был даже тише шепота.

Берол напрягся.

— Я улетаю. Сейчас! Летишь со мной или нет, решать тебе.

— Тогда давай поторопимся, — сказала Фава, закрывая за собой люк. — Полиция и Боб скоро будут здесь.

* * *

Пожиратель Лун был таким же огромным, как и Луна. Ведомая «*Спрайтом*», небольшая флотилия осторожно проплывала рядом, рассматривая целый лес щупалец, длина которых уже достигала нескольких тысяч футов. Они опускались все ниже и ниже, пока им наконец не пришлось лавировать между пучками щупалец.

— Стреляйте по красным точкам, — сказал Берол, указывая на нервные окончания. — Или в те зеленоватые вены.

Команда достала детононовые ружья и начала стрелять. Только вот гильзы были заполнены не взрывчаткой, а гетераином. Послышались один за другим выстрелы, и когда пуля попадала в нервную ткань монстра, соседние щупальца начинали яростно извиваться. Восемь, девять, десять — выстрел за выстрелом пули врезались в центры контроля щупальцами. А потом, извивающиеся руки монстра замерли и упали на розовую шкуру с высоты двух миль.

Корабли сделали круг и снизились, чтобы обезвредить еще один участок. К тому времени, как они приземлились на грубую шкуру Пожирателя Лун, одурманенные щупальца валялись кучами на площади в несколько миль вокруг кораблей.

— Быстрее! — скомандовал Берол, как только они приземлились. — Все на выход! Вкалывайте гетераин в каждое нервное окончание, которое увидите. Мы должны обезболить всю площадь.

Люди разбрелись по территории. У каждого за спиной была емкость с гетераином, который они вкалывали заостренными трубами в дрожащие нервные окончания. Через некоторое время небольшая площадь Пожирателя Лун стала такой же нечувствительной, как поверхность Луны. Было видно, как за пределами обездвиженного района извиваются активные щупальца. Уолтер Берол бросил взволнованный взгляд на черный космос, из которого они прилетели, но не увидел вспышек ракетных двигателей их преследователей. Может быть, ему удастся завершить свой план.

После анестезиологов работу начали буровики. Они начали разгрузку кораблей и к первому перерыву на отдых буровая установка уже стояла. Через десять часов было пробурено первое отверстие. Буровые головки вгрызались в шкуру монстра, словно нож, разрезающий сыр.

Время от времени Фава делала обход вместе с помощником, чтобы сделать дополнительные инъекции наркотика. Было крайне важно, чтобы монстр не чувствовал боли там, где они работают, ведь малейшая дрожь его будет подобна землетрясению. Они могут потерять не только

головки, но и саму установку. К тому же совсем рядом может находиться один из ртов, готовый проглотить их в любую секунду.

На глубине семи миль огромный Харви Линхольм сообщил, что кожа пройдена. Липкая, густая фиолетовая кровь поднималась вверх и медленно растекалась вокруг отверстия. Это означало, что они пробились через твердую шкуру и добрались до более мягких тканей.

— Откачивайте и собирайтесь, — сказал Берол и пошел посмотреть на своих змей.

Фава кормила их так активно, что они стали огромными, более десяти футов в длину, а также более плодовитыми и агрессивными. Селекция и высокоскоростная эволюция творили чудеса. Это были прекрасные черви — тонкие, гибкие создания с раздвоенными хвостами и прозрачной кожей. У них был великолепный аппетит и размножались они с невероятной скоростью. Уолтер Берол был уверен, что они справятся с поставленной задачей.

Он подошел к буровой установке и взглянул в глубокий колодец. С одной стороны колодца стояло четырнадцать ящиков с отборными *илли улли*, переносной газовый резак и небольшой контейнер с гетераином, оснащенный подкожными иглами. Черви были как всегда голодны. Они извивались и шипели, словно выказывая свое недовольство тем, что их засунули в длинные цилиндрические корзины. Берол надел контейнер с гетераином, взял газовый резак и схватился за петлю, на которой его должны были спустить вниз.

Внезапно его охватила волна отвращения и ледящего страха, и от ужаса он на секунду закрыл глаза. Тридцать семь тысяч футов в глубину монстра! И это через узкое, сорокадюймовое отверстие! Вся уверенность, поддерживающая биолога до этого момента, вдруг испарилась. Сомнения были готовы вернуть потерянную власть над ним, а решительность покинула его. Он был в замешательстве.

Именно в этот момент Уолтер Берол перестал думать о Пожирателе Лун, как о простом лабораторном образце, пусть и колоссальных размеров. Теперь перед ним был живой противник. Он собирался сделать то, что уже делали бесчисленные поколения людей до него — начать смертельную борьбу с безжалостным врагом!

Он смутно ощутил, что Линхольм наблюдает за ним, ожидая сигнала к спуску. А позади молчаливой группы буровиков стояла хрупкая фигура в шлеме — Фава. Она тоже наблюдала за ним. И тут Берол осознал, что судьба миллионов беспомощных людей зависит от его храбрости. А Боб Таллен летит сюда, чтобы остановить его.

— Опускай, — приказал Уолтер Берол, надеясь, что в голосе не было слышно той дрожи, которую он испытывал в душе.

Когда он опустился на несколько тысяч ярдов, блестящая труба стала абсолютно черной. Он спускался все ниже и ниже. Ему казалось, что прошло несколько веков, когда скорость спуска снизилась и он понял, что приближается ко дну. Уолтер больше не чувствовал металлических стенок. Он висел в подкожной полости. В следующую секунду

он по колено опустился в слизь, которая была теплой и липкой, словно была живой.

Берол включил лампу, висевшую на груди, и осмотрелся. Он был в огромной фиолетовой пещере, покрытой тканью, выделяющей слизь. Вокруг было множество фиолетовых труб, и он понял, что смотрит на гигантские капилляры. В углу находилась гора зеленой массы — нервный узел существа. Наверняка это был неважный нервный узел, который использовался лишь для управления щупальцами.

Берол отцепил веревку и отправил ее наверх. Теперь они будут спускать вниз корзины с *илли улли*. Дожидаясь червей, он обезболил нервные окончания и начал рубить их мачете. К тому времени, как змеи оказались внизу, ему удалось подготовить отверстия для запуска червей в нервную систему монстра.

Уолтер трясущимися руками отцепил первую корзину. Он смог успокоить себя тем, что наступил кульминационный момент великого эксперимента. Еще пара шагов и он узнает, получилось ли у него. Он слишком далеко зашел, чтобы сдаваться и попытаться выбросить из головы тот факт, что от людей его отделяли семь миль живого организма.

Бледные змеи яростно вонзились в слизь, как только Берол выпустил их. Инстинкт безошибочно направлял их к ближайшим нервным тканям. Берол видел, как их ужасные головы проникают в подготовленные отверстия и раздвоенные хвосты тут же исчезают внутри. Затем он услышал чавканье, когда оголодавшие монстры начали пожирать зеленую субстанцию.

Он открыл десятую корзину до того, как почувствовал сотрясение пещеры. Это означало, что первая группа змей добралась до не одурманенных нервных клеток, и Пожиратель Лун испытывал боль. Берол знал, что таких сотрясений будет еще много, и надеялся, что пещера не обвалится до того, как он закончит выпускать червей. С учетом скорости размножения Берол был уверен, что змей у него достаточно.

Он с трудом добрался до того места, куда выходила труба. Сверху спускалась корзина номер одиннадцать. Однако это оказалась вовсе не корзина. Это был человек в скафандре. Миниатюрная фигура упала с веревки и некоторое время копошилась в слизи, покрывающей живой пол.

— Фава! Ты? — воскликнул Берол.

— Торопись, торопись! — закричала девушка. — Поднимайся, пока есть время! Прилетел Боб Таллен... он садится рядом с нами...

Пол под ними поднялся и разбросал их в разные стороны. Лампа Берола погасла и ему понадобилось несколько секунд, чтобы снова включить ее. И когда он сделал это, то увидел, что пещера, в которой они находились, уменьшилась в три раза и полностью изменила форму.

Он взглянул вверх, туда, где находилась труба, но она оказалась раздавленной. Из потолка торчали две секции хромированной трубы, искореженной до неузнаваемости. По телу Пожирателя Лун прошла ужасная конвульсия и двое людей оказались запертыми внутри!

Уолтер Берол подобрался к Фаве, проползая под огромными капиллярами, а иногда просто передвигаясь на четвереньках. Фава была крайне взволнована.

— Он... Боб... пытается пробраться к нам! К-лучи и огнеметы... Он сжег щупальца к северу от нас...

— Какой же он дурак! — воскликнул Уолтер Берол. — Именно этого и не нужно было делать. Если этого «парня» разозлить, то нам конец!

Судя по всему, так оно и было, потому что ужасные конвульсии повторялись все чаще. Берол дважды оказывался полностью погребенным под полужидкой тканью монстра и лишь скафандр не позволял ему задохнуться. Дважды он вновь находил Фаву и прижимал ее к себе. Наконец конвульсии стали ослабевать, а потом и вовсе прекратились.

Это была последняя надежда, и Берол решил попытаться. Он яростно вдавил кнопку связи и начал непрерывно вызывать Линхольма. Существовал лишь призрачный шанс того, что радиоволны пробьются через толстую шкуру монстра.

Беролу показалось, что он услышал голос, а чуть позже в наушниках зазвучал голос Линхольма.

— Плохи дела, док, — сказал он. — Я не могу вам помочь, мне нужна пара дней. Буровой установки нет... Все из-за «землетрясения»... Вы сможете продержаться, пока я снова не установлю буровую вышку и не пробую новое отверстие?

Уолтер Берол простонал. Боб Таллен все испортил.

— А что с кораблем Таллена? — взволнованно спросил Берол.

— Его нет, — пришел едва слышимый ответ.

— Улетел?

— Нет. Засосало. Он приземлился, не прекращая вести огонь, в тысяче ярдов к западу от нас. Несколько щупалец обвилились вокруг него, и в следующую секунду... он исчез. Его засосало прямо в монстра.

Берол отключил рацию и посмотрел на Фаву. Теперь он мог объяснить ужасные судороги. Это была атака Боба Таллена и реакция монстра на эту атаку. Огонь Таллена на краю безопасной зоны разбудил монстра, и он отреагировал как обычно. Конец был очевидным — монстр сожрал корабль Таллена.

Биолог был настолько ошарашен, что некоторое время сидел абсолютно неподвижно, даже не понимая, что Фава лежит рядом, вцепившись в него. Его обуревали странные чувства — смесь удовлетворения и отчаяния. Он заразил Пожирателя Лун. Со временем тот умрет. В этом Уолтер был уверен. Но они с Фавой оказались в ловушке, и от ужасных конвульсий, которые будут предшествовать смерти монстра, они тоже умрут. Собственная смерть его не волновала. Но Фава...

Затем он подумал о Бобе Таллене и его погребенном «*Сириусе*». Это была очередная драматическая ирония. Спаситель, который принес смерть вместо жизни, и погиб сам. Сейчас он лежал в тысяче футов от них, в разъедающей кислоте одного из дополнительных желудков монстра...

Уолтер Берол подпрыгнул, словно его укололи штыком. Внутри «*Сириуса*» может оказаться безопасно! Это была гонка со временем. Сможет ли Пожиратель Лун переварить

корабль до того, как умрет? Берол поднялся на ноги и поднял Фаву.

— Пойдем, — сказал он, ведя девушку к восточной стене деформированной пещеры.

Он передал ей емкость с гетераином, а сам взялся за газовый резак. Он обрисовал ей свой план в нескольких словах. Появившийся шанс вдохнул в нее новую жизнь, хотя они оба знали, что вероятность найти корабль была ничтожной. Компасы внутри чудовища не работали, потому что оно излучало сильнейшие магнитные волны, а вокруг был лес капилляров и нервных центров. Две жертвы могли легко потеряться уже на первой сотне футов.

Но они решились. Лишь через пятьсот футов они натолкнулись на нервный центр, в котором еще была зеленая масса. *Илли ули* прекрасно справлялись с задачей. На протяжении пары сотен ярдов они часто встречали змей-мам с огромным выводком молодых червей. Только после этого Фаве пришлось использовать гетераин для обезболивания тканей.

Берол упорно сжигал или разрезал все препятствия, встречавшиеся им на пути. Он дважды возвращался назад, чтобы проверить направление. Это было правильно, потому что оба раза он обнаруживал, что они с Фавой отклоняются на север. Он старался не думать ни о чем, кроме спасительного пути. Если думать о чем-то другом, то можно сойти с ума, ведь надежды не было.

Глава V

Ум против силы

Наконец они подошли к толстой стенке желудка, и, чтобы пробиться через нее, им пришлось потратить последние запасы газового резака. Берол распорол стенку и немного приоткрыл ее, чтобы часть кислоты вылилась наружу. Он помог Фаве забраться внутрь, и они продолжили путь, с радостью вспоминая о том, что их скафандры были кислотоустойчивыми.

— Слишком поздно, — мрачно сказал Берол, осматривая корпус злополучного «*Сириуса*».

Внешнее покрытие исчезло, оголив лишь несколько рам, которые были съедены настолько, что их толщина составляла всего лишь пару миллиметров, и они рассыпались при одном прикосновении. Разъединенные детали свисали с корабля. С них капала зеленая слизь. Единственное, что осталось от корабля, это бронированный центральный отсек, в котором находились гироскоп и зал управления. Этот рукотворный отсек выглядел настолько нетронутым на фоне разлагающегося корабля в этой пещере страха, что Берол и Фава решили подойти поближе. Биолог помог девушке забраться на палубу, которую он расчистил от липкой слизи. Он заметил, что слизь больше не выделяется, и решил, что это дело рук добравшихся сюда червей.

Бронированный отсек был заперт, поэтому Берол соскребал обшивку с двери, пока под ней не появился металл. Затем он постучал по нему ручкой ножа.

Через некоторое время послышался ответный стук. Через секунду дверь осторожно открылась и из нее показалась голова офицера в шлеме. Наверное, для него это было шоком — увидеть, что весь корабль, кроме его отсека, исчез, вокруг царит непроглядная тьма и только небольшая лампа горит на груди человека в скафандре. Он впустил их и осторожно закрыл дверь.

В центре зала управления с выражением серьезной обеспокоенности на лице стоял Боб Таллен. Узнав Фаву, он расплылся в улыбке, которая казалось вымученной.

— Слава Богу, мы нашли вас! — воскликнул он, сделав шаг вперед, чтобы обнять ее.

— Ты нашел *нас*? — добродушно рассмеялась Фава. — Ты, здоровый неуклюжий герой, который все испортил! Если бы ты только знал, через что нам пришлось пройти, чтобы найти *тебя*, только для того, чтобы сказать тебе, что все будет хорошо!

Боб Таллен открыл рот от удивления. Но он быстро собрался.

— У вас шок... я понимаю. Но теперь вы в безопасности...

— Не надо пороть чушь, — огрызнулась девушка. — Я еще никогда не была настолько в своем уме, как сейчас. Я все прекрасно понимаю! У нас все было под контролем, у нас с Уолтером, пока ты не свалился нам на голову и не испортил все своим глупым вмешательством.

Мы заразили этого монстра специально выращенными спирохетами, и он умирает. Через час он выбросит нас на поверхность, где мы могли бы быть уже сейчас, если бы *ты* не помешал нам!

Боб Таллен мог лишь смотреть на нее, не зная, как реагировать на ее внезапную агрессию.

— И позволь сказать тебе еще кое-что, Роберт М. Таллен! Я требую, что бы ты немедленно возвращался на Каллисто, а если нет, то я приду за тобой. Я требую! И кто тебе вообще сказал, что ты будешь чьим-то будущим мужем?

Именно в этот момент чудовищный толчок потряс остатки корабля. Раздался оглушительный скрежет. За ним последовало еще несколько толчков, и людям пришлось схватиться за специальные крепления, чтобы устоять на ногах.

— Наш друг Пожиратель Лун болен, — мягко заметил Уолтер Берол. — Готовьтесь к быстрому подъему!

Следующие пятнадцать секунд превратились в бурный калейдоскоп. Центр уничтоженного кислотой корабля перевернулся не менее пяти-шести раз. Через такое не собирался проходить никто из присутствующих.

Уолтер Берол храбро распахнул дверь и перед ними раскинулся фантастический пейзаж, который не мог бы себе представить даже наркоман, подсевший на *трулум*¹. Повсюду были видны огромные ущелья, из которых в воздух поднималась густая фиолетовая субстанция. Щупальца валя-

¹ К *трулуму* можно пристраститься, начав жевать траву трулум, марсианское растение, оказывающее галлюциногенное воздействие на мозг. Несмотря на то, что марсианское название трулум подразумевает наличие «реальных» видений, на самом деле все обстоит совершенно по-другому. Видения от трулума необычайно дики, нереальны, невероятно фантастичны, но тем не менее наркоманы считают их реальностью.

лись на земле. Поверхность Пожирателя Лун вздымалась, словно разбушевавшийся океан. Монстр умирал. Примерно в четверти мили от них на боку лежали «*Спрайт*» и оба грузовых корабля. Все они были не повреждены.

— Пойдем, Уолтер, — сказала Фава. — Боб теперь в порядке, и мы можем закончить то, что начали.

— Отлично! — усмехнулся Берол, взял девушку на руки и направился через вздымающуюся волнами долину.

— Посмотрите-ка на него, — с отвращением пробурчал Боб Таллен. — Выставляет напоказ свою силу! Некоторые люди слишком чванливы, чтобы жить!

КОРОЛЬ СУПА

Под псевдонимом КОЛИН КЕЙТ

— А-а-а! Бе-е-е! Что за помои! — закричал Бак Рейган, капитан межпланетного грузового корабля «Пеликан», оттолкнув от себя миску с бульоном. — Где этот жирный разгильдяй? Я сварю из него суп... Я выверну ему потроха... Я...

Обычно пребывающий в хорошем расположении духа, пухлый маленький повар Джимми Лэирд от страха спрятался в кладовой. Он старался изо всех сил, но его начальники были недовольны. Его начальниками были все остальные члены команды, так как по старой традиции корабельный повар считался самой низшей формой жизни. Еда действительно *была* плохой, он это знал. Но это была не его вина. Как можно было приготовить что-то съедобное, если в его распоряжении были лишь синтетические продукты с поганим вкусом и ужасным запахом? Чего они ждали от вонючих помоев? Ведь для их приготовления он использовал куски смердящего трефаинина, ароматизированного горьковатым, вызывающим рвоту витамозом, вкус

которого усиливался калорийными таблетками и дополнялся тошнотворным веществом под названием протеинакс. Однако какие бы пытки ни придумывал для него Бак Рейган, он никогда не претворял свои замыслы в жизнь. Пока капитан выражал свое недовольство, его помощник прокричал предупреждение.

— Успокойтесь, капитан, — закричал Холт. — Мы потеряли луч.

— Что! — заорал капитан.

Его злой взгляд устремился на видеоэкран, но он не увидел на нем ничего, кроме бесформенного белого тумана. Нефелоскоп не дал никакой дополнительной информации — всё вокруг было одинаковым. Лишь облака, облака повсюду. Вся Венера была одинаковой, как только ты опускался под самый верхний слой перистых облаков. Приземлиться на планете без радиолуча из венерианского порта, единственного официального места для посадки, было невозможно. На планете было слишком много незарегистрированных горных хребтов. Палец Рейгана нащупал кнопку вызова машинного отделения и нажал ее.

— Наверх, — прозвучал короткий приказ.

Команда начала резкое ускорение, так как они уже сбросили скорость до атмосферной скорости планирования.

У начальника машинного отделения не было времени, чтобы подчиниться приказу. На экране вспыхнул силуэт — серая, острая вершина, окутанная облаками, показалась всего лишь на секунду, а потом опять исчезла. В ту же секунду последовал удар и скрип отрывающихся пластин корпуса. «*Пеликан*» налетел на скалу, отскочил от нее,

словно испугавшаяся лошадь, и быстро полетел вниз. Двигатель зашипел, плюнул огнем, но корабль натолкнулся на соседнюю скалу, отскочил от нее и воткнулся носом во что-то твердое и неподвижное. Людей разбросало по кораблю, словно кегли. Погас свет. На какое-то время наступила groboвая тишина, нарушаемая лишь шипением поврежденной системы поддержания давления, которая пыталась приспособиться к атмосферному давлению Венеры.

— По крайней мере, мы живы, — процедил Холт, последним присоединившийся к группе людей, которые вышли из корабля и тряслись под промозглым дождем.

Перед ними лежали развалины *«Пеликана»*, нос которого застрял в высокой скале, а ценный груз пищевых брикетов для венерианских колонистов вываливался из пробоин в корпусе. Когда слой облаков над их головами на некоторое время становился тоньше обычного, они могли смутно различить горные пики, поднимавшиеся со всех сторон. Что было в долинах, которые находились далеко внизу, можно было только догадываться, потому что они были закрыты от взглядов одеялом быстро пролетающих мимо облаков, подгоняемых ледяным горным ветром.

— Хм-м-м, — хмыкнул капитан. — Да, живы.

Однако они потеряли и корабль, и груз, и не имели ни малейшего понятия о том, где находятся. Где-то, в раскинувшихся внизу джунглях, мог находиться торговый пост или местный металлургический завод, но как далеко и где именно, они могли только догадываться. Условия на Венере не располагали к активному исследованию местности, и

поэтому карт было очень мало. Однако Рейган открыл папку и начал изучать то, что у него было.

Авриг, главный механик, воспользовался моментом и решил прогуляться. Он обошел вокруг искореженной хвостовой части корабля и осмотрел разбитые двигатели. Механик заметил, что последние запасы топлива вытекают из поврежденных цистерн. Он пошел дальше, чтобы осмотреть другую сторону корабля. Она была повреждена не меньше, а может, даже и больше. А потом он обратил внимание на проклятую скалу, которая остановила их. В ту же секунду он заорал и побежал обратно к своей команде.

— Эй, парни, идите сюда! Я попал в яблочко. Золото, тонны золота. Я мультимиллионер...

— Что значит, *ты* мультимиллионер? — с издевкой спросил Холт. — Это совместная экспедиция.

— Да, — пролепетал обезумевший от радости Авриг. — Но наш полет завершен. Старина «Пеликан» спекся. Наше соглашение больше не имеет силы. Но не волнуйтесь, мне понадобится помощь, так что вам достанется неплохая доля...

Среди членов команды послышалось сердитое бормотание, и Холт прорычал:

— В нашем соглашении говорится, что любая прибыль от полета, «полученная любым способом», будет разделена среди всех членов команды: треть капитану, по четверти тебе и мне, а остальное поровну делится среди остальных членов команды. Кроме того, договор действует до конца экспедиции, то есть до того момента, пока мы все не вернемся в тот порт, из которого вылетели.

— Это мое, — упрямо настаивал Авриг. — По праву нашедшего. Я первый увидел...

— Я опустил сюда корабль, — холодно заметил капитан.

— Да неужели? — спросил Холт. — А может быть, я? Это я потерял луч.

Они уставились друг на друга. Потом Бак Рейган предложил посмотреть, действительно ли Авриг нашел нечто такое, из-за чего стоит разводить сыр-бор. Промокшие насквозь члены команды собрались у кормы и взглянули на скалу. Оно было там, это невероятное сокровище. Мощный удар расколол скалу из плотной кварцевой массы, и людям оттуда подмигивали золотые самородки. Их было несметное количество. Джимми Лэирд стоял с открытым ртом, так же как и остальные, но он не разделял их восторга. Ведь он был единственным членом команды, на которого не распространялся заключенный договор. Напротив его имени в списке личного состава значилось следующее: «гражданин на должности судового повара, только содержание и жалование». Пока члены команды оценивали представшее перед ними сокровище, вокруг воцарилась абсолютная тишина. Затем заговорил капитан:

— Значит так, ребята. Это принадлежит всем нам. Доставьте инструменты из ящика номер четыре — и за работу.

Ответом ему стал хор одобрительных выкриков и Авриг понял, что проиграл. Он пожал плечами и присоединился к остальным членам команды.

— Пожалуйста, сэр, извините, но можно мне сказать? — Джимми Лэирд набрался смелости обратиться к капитану, хотя обычно он лишь испуганно отвечал ему.

— Нет. Тебя это не касается, — прозвучал краткий ответ Рейгана. — Бери кирку и начинай работать, чтобы хоть как-то оправдать свое жалование. Всем и так ясно, что ты не повар.

— Но, сэр, венерианский закон... — настаивал Джимми.

— К черту венерианский закон! С такими деньгами нам никакие законы не нужны. За работу!

И Рейган подкрепил свой приказ резким пинком.

Упавший духом и обиженный до глубины души Джимми Лэирд ушел. Несмотря на то, что с ним плохо обращались, он всем желал только добра. Он понимал, что члены команды «*Пеликана*» летят в пропасть, и хотел предупредить их. На полке в его каюте лежала толстая серая книга под названием «Статут суверенной Венеры с внесенными в него поправками», и он провел много часов, изучая эту книгу. Он узнал о том, что экономика Венеры очень специфична и поэтому на планете было своеобразное правительство и особый набор законов. Джимми Лэирд был поваром, а не адвокатом, но читать он умел. Люди Рейгана поступали неправильно.

Он мог бы смириться с оскорблением Рейгана, если бы во второй половине дня он не попал в команду Аврига. Авриг был разочарован и недоволен тем, что получит лишь четверть от своего неисчерпаемого источника богатства, поэтому пытался сорвать злобу на своей команде. А так как большинство из неё были такими же тертыми, как и он сам, и вполне могли дать ему сдачи, то всю свою злость он вымещал на несчастном поваре, постоянно указывая на его тучность и отпуская полные сарказма замечания по пово-

ду его неразвитой мускулатуры. Ночью, когда Джимми Лэ-ирд лежал вместе с остальными членами команды в наспех построенном укрытии от холодного и влажного воздуха, в его обычно добрых голубых глазах виднелись огоньки негодования, а щеки были покрыты румянцем стыда. К тому же его мышцы, которыми он пользовался до этого крайне редко, горели от боли.

Через некоторое время после того, как остальные члены команды захрапели, Лэирд встал и укрылся в своей каюте. Он набил карманы концентрированными пищевыми таблетками и вышел в негостеприимную ветреную ночь. Через минуту он уже спускался по склону горы и каждый его шаг вызывал небольшую лавину. Так и прошла ночь.

Утром он оказался в долине нагорья, посреди высоких хвойных деревьев. В долине, наполненной туманом, было прохладно, но не так, как на голых склонах гор. Когда туман слегка рассеялся и воздух прогрелся благодаря невидимому солнцу, повар поел и немного поспал. Затем он продолжил спуск. Согласно его теории, он обязательно должен был выйти к какому-нибудь поселению на этой окутанной облаками планете, если будет идти вниз по течению какой-нибудь реки.

Он продолжал путь день за днем, вниз, вниз и вниз. Чем ниже он спускался, тем теплее становилось вокруг, и тем гуще была растительность. Он видел много странных животных, но они разбегались, едва почуяв его присутствие. Растительность стала еще более густой и теперь уже походила на тропическую. Колючие растения рвали одежду

и царапали лицо и руки. Обувь прохудилась, и ему пришлось избавиться от нее. Но он продолжал идти вперед. Он не мог остановиться. Еда заканчивалась, и когда ее не станет совсем, он умрет от голода. Венера была негостеприимной для землян планетой, несмотря на пышную растительность и богатую фауну.

Однажды ночью, устроившись под гигантским папоротником, он размышлял именно об этом. Он решил, что причиной этого, наверное, является отсутствие ультрафиолета. Все, что ходило, ползало, плавало и росло на Венере, было ядовито для человека. Но так было не всегда, что подтверждалось большим количеством руин крупных городов, захваченных джунглями, или большим количеством найденных мумий высокоразвитых человекоподобных существ. Физики считали, что токсичность венерианских форм жизни обусловлена высокой влажностью воздуха, из-за которой короткие солнечные лучи не могут пробиться сквозь облака. Это началось совсем недавно, каких-то пару сотен тысяч лет назад, в Неовулканический период, когда миллионы вулканов выбросили в атмосферу огромное количество водорода.

Джимми Лэирд ничего не мог с этим поделать, разве что не есть ничего венерианского. Однако этот факт прекрасно объяснял несимметричный характер венерианской экономики. Так как всё, что находилось на планете, было смертельно опасно использовать в пищу, то основной статьей импорта являлись пищевые концентраты. Именно они и были грузом злосчастного *«Пеликана»*. Большую часть экспорта Венеры составляли минералы, которых здесь бы-

ло в избытке. Именно поэтому население планеты в основном состояло из шахтеров, которые из-за тяжелой и дорогой жизни на планете старались оставаться здесь не дольше двух-трех лет, а потом возвращаться на Землю с заработанными деньгами. Из-за жадности временных поселенцев вторая от Солнца планета получила прозвище «Планта Обманщиков». И именно это послужило причиной для развития основательного кодекса горнодобывающих законов Венеры, а также для создания правительства планеты, склонного к деспотизму.

Но все это мало чем могло помочь Джимми Лэирду на протяжении последующей нелегкой недели. Он съел последние таблетки протеинакса и вздохнул. Он был не похож на прежнего Джимми — тяжелое путешествие оставило лишь кости и мышцы. Теперь ему предстояло познать голод. Но Лэирд продолжал бороться, из последних сил надеясь на то, что там за туманом он наткнется на поселение людей. Он оказался в цветущей, окруженной холмами долине, истерзанной недавними геологическими изменениями. Река, по которой он шел, расширялась и впадала в озеро. В конце долины находились холмы, сквозь которые горному потоку пришлось пробить каньон. Чтобы обогнуть озеро, ему бы пришлось сделать большой крюк, проходя вдоль горной цепи. Именно там он и сделал удивительное открытие.

Он оказался возле разлома, из которого вытекал тонкий ручеек. Оголенная стена лощины прекрасно демонстрировала искореженные слои горной породы: пласты песчаника, похожие на смятые листы книги, перемежались пласта-

ми глины, известняка и другой темной породы. Трещина была глубокой, но не очень широкой. Он решил, что сможет перепрыгнуть через нее. Но на самом краю обрыва он зацепился ногой за колючее растение и, вместо того чтобы нормально прыгнуть, неуклюже рухнул лицом в грязь.

Джимми был ошарашен. Падая, он инстинктивно закричал и приземлился в грязь с открытым ртом. Поднявшись, он обнаружил, что не только все лицо заляпано грязью с остатками растительности, но и его рот полон этой же грязи. Он пытался очистить лицо и плевался во все стороны, чтобы избавиться от тины во рту. Затем его выражение лица резко изменилось. Он замер и моргнул. Он провел языком по грязным зубам и инстинктивно проглотил все, что было во рту. Тина провалилась в желудок, и ему захотелось еще. Это было вкусно. У этой грязи был вкус. Настоящий вкус, о котором говорилось в кулинарных легендах, когда речь шла о таких архаизмах, как обжаренная вырезка, пюре с соусом, артишоки и тому подобное. Джимми Лэирд облизывал губы, а руки уже тянулись вниз за добавкой.

— Вот это да! — промычал он, — неплохо. Совсем неплохо.

Затем, немного подумав, он изменил мнение.

— Великолепно! — удовлетворенно выдохнул он.

На протяжении пяти дней он жил возле ручья, жадно поедая открытую им грязь. Его бывший когда-то толстым живот, который в последнее время висел на нем крупными складками, стал понемногу округляться. Начали розоветь

бледные щеки. Джимми Лэирд вновь становился самим собой, больше не обращая внимания на свои страхи о том, что он может отравиться запрещенными дарами Венеры. Не произошло ничего страшного, и он начал задумываться о том, как сделать эту странную пищу еще более съедобной. На второй день, после охватившего его энтузиазма, он понял, что его манна небесная имеет зернистую структуру. Он профильтровал ее с помощью своей рубашки. Повар решил, что если нагреть ее, то вкус получится лучше. Он развел костер и, воспользовавшись панцирем крупной черепахи вместо котелка, сварил себе суп.

— Ням-ням, — непроизвольно произнес он, даже не подозревая о том, что сказал слова, которых не произносили уже несколько веков. Он потерял живот в знак благодарности божьего леса за то, что послал ему такую великолепную еду.

Тщательно осмотрев место стоянки, он наконец нашел источник съедобной субстанции. Она выходила из трещины, похожей на перевернутую подкову. Эта трещина была расположена на берегу ручья. Вода уже почти вымыла зеленоватую субстанцию, накопившуюся под землей, однако выше уровня воды ее было еще очень много. Джимми оторвал несколько кусков и сложил их возле костра. Он начал очищать вещество, доводя его до кипения, снимая поднимающуюся пену и очищая полученную жидкость от песка. Затем он кипятил ее до образования густой массы, которую потом сушил у огня. Он разломал полученные брикеты на мелкие куски и наполнил ими карманы. Наевшись, отдохнув и пополнив запасы еды, он продолжил свой путь вниз.

Он развел костер и сварил себе суп.

Всего два дня спустя он вышел на тропу. Она была покрыта странными девятипальными следами. Джимми решил,

что они принадлежат мощным гиппоцерасам, которые использовались на Венере в качестве тягловых животных. Позже он натолкнулся на потушенный костер, пустые контейнеры из-под еды и другие доказательства присутствия людей. Совсем скоро он почувствовал запах дыма и увидел трубы металлургического завода, поднимающиеся над деревьями. А затем он вышел на поляну. Перед ним раскинулся небольшой город. Первая часть путешествия подошла к концу.

Джимми шел вперед, удивляясь тому, что вокруг так мало признаков жизни. Через некоторое время он оказался на улице, между двумя рядами лачуг. На ступеньках одного из жилищ сидели двое мужчин. Они были бледными, костлявыми и истощенными, как будто тяжело болели или долго голодали. Шахтерская одежда висела на них, как на вешалке. Они оценивающе смотрели на округлую фигуру новичка и в их взглядах читалась откровенная неприязнь. Или это была зависть?

— Привет, — сказал Джимми Лэирд, не обращая внимания на их явную недоброжелательность. — Что это за город?

— Ха! — хмыкнул один из них. — Как будто ты сам не знаешь, обжора. Скажу тебе одно, ты зря теряешь время. Нам не нужен грузовик Хью Дрейка или его наемников. Мы сами справимся, даже если будем голодать. Так что убирайся отсюда, пока цел. Это не квартал для спекулянтов и их шакалов. Понял?

Он с отвращением сплюнул на землю. Заговорил другой.

— Можешь сказать Хью Дрейку, что мой приятель получил письмо из космопорта Венеры пару недель назад.

В нем говорилось, что «*Пеликан*» прибудет со дня на день. Мы знаем, что караван с едой скоро будет здесь. Хью Дрейк может засунуть свою грязь себе в уши.

— Эй, — сказал Джимми Лэирд. — Я с «*Пеликана*». Он никогда не прилетит в космопорт Венеры. Его остатки лежат высоко в горах.

Мужчины с ужасом посмотрели друг на друга.

— Где? — возбужденно спросили они, вскакивая на ноги.

Лэирд покачал головой.

— Точно сказать не могу. Очень высоко, — он махнул рукой в сторону окутанных туманом гор, со стороны которых он пришел. — Я добирался сюда почти месяц. Остальные придут позже.

Лица людей помрачнели. Они поняли, в каком безвыходном положении оказались.

— Наверное, Хью Дрейк победил, — грустно сказал один из них.

Джимми Лэирд не совсем понял смысл этой фразы, но она его смутила. Он опустил руку в карман и вытащил кусок сухого супа. Откусил небольшой кусок и предложил своим новым знакомым. Они понюхали брикет, попробовали его на язык и проглотили одним махом.

— Вот это да! — вскрикнул один из них. — *Вкусно*. Что это? Что-то новенькое?

Другой продолжал радостно жевать.

— С горячей водой вкуснее, — сказал Лэирд, вытаскивая из другого кармана целую пригоршню брикетов. — Если у вас есть плита и кастрюля, я могу сварить для вас.

— У нас нет денег, — сказал оголодавший шахтер, вновь становясь подозрительным. — И мы не будем обменивать иридиевую глину класса А на миску супа...

— Ничего страшного, — заверил их Джимми Лэирд. — Мне не нужны деньги. В любом случае, там, где я это нашел, есть еще.

Через некоторое время он сидел над большой кастрюлей горячего супа, а мимо него проходило бесконечное множество изможденных шахтеров с тарелками в руках. Его новые друзья, Элкинс и Троттер, успели разнести весть о том, что в городе праздник, по всей округе. После того, как кастрюля опустела и была вновь наполнена пять раз, поток голодающих иссяк. Затем Элкинс и Троттер рассказали своему благодетелю о сложившейся ситуации.

— Хэммондсвилль — непростой город, — сказал Троттер. — Металлургический завод принадлежит старику Дрейку. Ему принадлежат магазин, банк, все эти дома и стада животных. Неважно, что мы делаем, он всё равно получает свою долю. Но больше всего он обманывает нас на еде. Раз в год сюда приходит караван и пополняет государственные запасы еды, забирая слитки. Проблема в том, что они никогда не привозят достаточно еды, и она заканчивается до того, как появляется следующий караван. Здесь свою грязную игру начинает Дрейк. На складе мы платим фунт золота за унцию трефайнина, а когда дело доходит до покупки у Дрейка, то он заламывает цены до небес. Он говорит, что еды у него нет, до тех пор пока мы не начинаем голодать и соглашаться на его условия. Дрейк кормит нас и получает золото. Он уже очень много заработал таким способом.

— Он сволочь, — угрюмо добавил Элкинс. — Теперь ты знаешь, в каком тупике мы оказались. На площади для разгрузки каравана лежат кучи слитков золота и иридия, зато еды нет. И если то, что ты рассказал про «Пеликан», правда, то следующий караван может прийти только через несколько месяцев. Больница уже полная, есть даже очередь. Но и это не помогает. Я слышал, что у них тоже практически не осталось концентратов.

— Мне кажется, — сказал Джимми Лэирд, опустошая карманы, — что это неправильно. Возьмите. Я вернусь и принесу еще.

Настала его очередь рассказать свою историю. Он рассказал о крушении корабля, о золотой жиле и о том, что делали капитан и команда. Троттер засмеялся.

— Я знаю эту жилу. Она хорошая, но лежит слишком далеко. К тому же, поднять гиппо выше зоны леса невозможно. Было бы гораздо умнее, если бы твоя команда собрала весь груз пищевых брикетов и спустилась с ними сюда. В сложившихся обстоятельствах они получили бы все золото и платину в этом городе. Ты поступил правильнее, чем все они вместе взятые. Тот, кто сможет начать производство еды на этой планете, получит огромный бонус.

Лэирд подробно описал свою находку.

— Дай подумать, — сказал Элкинс, изучая потолок.

Утолив голод, он чувствовал себя намного лучше.

— Это Долина Голода — пласты там лежат во всех направлениях, — продолжал он. — Один удар, и его больше нет. Многие из наших лишились там всего. Ты продолжа-

ешь бурить новые шахты, но даже так девять из десяти раз ты не получаешь ничего.

— Подожди, — сказал Троттер. — Эта порода растворяется в воде. Нам нужны лишь буровая установка, вспомогательный котел и трубы. Проложить трубы, запустить пар в одну из них, а из другой потечет суп. Осушить пар в конденсаторе — и вот тебе концентрат. Мне кажется, у него отличная идея.

Они немного поговорили о том, как воплотить эту идею в жизнь. На поиск помощников много времени не понадобилось. Десятки шахтеров, благодарных за освобождение от оков Дрейка, приходили и предлагали свое оборудование. Удалось даже найти несколько гиппоцеров, которые находились в частной собственности. Затем, по наставлению Элкинса и Троттера, Лэирд отправился в местную регистратуру и подал заявку. После этого снарядили экспедицию и отправились в путь.

Удивительно, на что способен энтузиазм. Через десять дней Долина Голода превратилась в муравейник. Люди, которые были готовы работать только за еду, сотворили чудо. В долине пыхтели два вспомогательных котла, подпитываемые дровами, которые собирали добровольцы. Самоназначенные эксперты Лэирда определили, что слой породы, который нашел повар, уходит вертикально вниз. Из четырех труб, проложенных по ходу отложений, вытекал густой суп. Трубы проходили над сушилками, а полученную конденсированную массу рабочие резали на квадраты и упаковывали. Несколько терпеливых медленных гиппоцеров,

похожих на свиней, всегда были неподалеку. Их нагружали сотнями фунтов ценного груза и отправляли в нижнюю долину.

— Старик Дрейк очень расстроится, — ухмылялся Троттер. — В этом году он не заработал ни одной нечестной копейки. Но будь осторожен, парень. Он ведет грязную игру.

Джимми Лэирд улыбнулся в ответ и указал на новенькую вывеску, которую установил один из его почитателей. Вывеска гласила: «Изумительная супная Лэирда — вход воспрещен!»

— Если старый пират будет очень зол, то это тебе не поможет, дружок. Он опасен.

Лэирд понял, что это было чистой правдой, когда отправился в Хэммондсвилль. Он только вышел со склада, где ему сообщили, что запас еды был восстановлен.

— Еды больше, чем достаточно, — сказал химик, заведующий складом. — Мы исследовали ее. В ней есть всё — все известные витамины, а калорий столько, что хватит и слону. Мы будем принимать всё, что ты пришлешь по обычной цене. Космопорт Венеры и другие города тоже могут пользоваться едой, а это значит, что мы можем получить некоторые предметы роскоши с Земли.

Это обнадеживало, но, когда Джонни Лэирд вышел со склада и был остановлен полицейским, у него появилось неприятное предчувствие.

— Тебя зовут Лэирд? — спросил мужчина.

У него было мрачное лицо с голубыми глазами, железным взглядом и челюстью, словно выплавленной из стали. Лэирд подтвердил, что его зовут именно так.

— О'кей. У нас для тебя есть чистое местечко в кутузке. Пойдем.

Лэирд посмотрел на шесть футов мышечной массы, на кулаки, похожие на два молота, на огнемёт, висящий на поясе, и на скучающие безжалостные глаза.

— Да, сэр, — сказал он.

И пошел вперед. Он чувствовал себя неполноценным, как это всегда бывало, когда он встречался с жестокими, сильными типами. Он вздохнул, но сделать ничего не мог. Только идти следом.

Вскоре он узнал, что мистер Дрейк уже ждал его в местном полицейском участке. Это был худой хитрый старик с блестящими глазами, разделенными острым носом.

— Записывайте, — прохрипел он служащему. — Незаконное проникновение, разработка шахты без лицензии, использование рабочей силы без выплаты заработной платы. Я требую награду в соответствии со статьей 456 Горнодобывающего Статута, который позволяет мне получить одну треть от стоимости всей конфискованной собственности, на которую я указал.

— Все записано, сэр, — сказал служащий. — Офицер, запишите Лэирда в камере 21.

Джимми Лэирд упал духом. Ему постоянно не везло. Он читал эти законы и знал, что попался. Чтобы официально иметь право владения шахтой на Венере, вначале необходимо было зарегистрироваться в иммиграционной службе в космопорте Венеры, заплатить подушный налог и получить лицензию. Наказанием за несоблюдение этих правил являлась конфискация шахты, большой штраф и депорта-

ция. Если ты не мог заплатить штраф, то тебя практически отдавали в рабство тому жителю Венеры, который готов был заплатить этот штраф за тебя. Это означало, что он, скорее всего, станет вассалом Дрейка.

Джимми Лэирд проторчал в этой тюрьме почти месяц наедине со своими мрачными мыслями. Затем настал день, когда он услышал в коридоре шаги охранника, который велел ему выходить. Вот-вот должен был начаться суд.

Зал суда был набит до отказа. Позже Лэирд узнал, что ввиду важности дела на этот суд был приглашен известный судья из космопорта Венеры, однако, когда он смотрел на судью и на скалящегося обвинителя, копошащегося в бумагах, Джимми не знал об этом. Поэтому он тихо сел на свое место обвиняемого и взглянул на толпу шахтеров, рассевшихся в зале. Он увидел Элкинса, Троттера и других знакомых. Элкинс встал и поднял над головой сцепленные руки, тем самым выразив Лэирду свою дружбу. Затем Джимми решил выслушать свидетельства, которые доказывали его вину.

Однако сказано было немного. Забитый клерк из центрального бюро регистрации подтвердил, что на имя Джеймса Лэирда никогда не выдавалась лицензия или разрешение на въезд. Он сел. Затем Хью Дрейк поведал о нелегальной шахте в Долине Голода, за работой которой он наблюдал под прикрытием, и о распространении не прошедших проверку продуктов питания по заниженным ценам по всему району. Он требовал конфискации шахты и других наказаний. Голосом умелого комбинатора обвини-

тель подвел итог всему сказанному, а также не забыл упомянуть о тех, кто стремится быстро разбогатеть на Венере, но при этом безответственно использует ресурсы этой прекрасной планеты в собственных целях. Сердце Джимми Лэйрда трепыхалось от отчаяния.

— Таким образом, — прогремел голос прокурора, — я требую обвинить этого землянина в незаконной разработке шахты и назначить ему все наказания, которые он заслужил, сполна.

С триумфом в глазах он взглянул на маленького, опрятно одетого джентльмена, который сидел за соседним столом. Джимми Лэйрд удивленно посмотрел на этого человека. Он не заметил его и понятия не имел, кто это такой. Неизвестный встал и обратился к судье.

— Я требую, — сказал он удивительно четким голосом, — прекратить рассмотрение этого дела ввиду отсутствия юрисдикции. Это суд горнодобывающей промышленности. Мой клиент не занимается и никогда не занимался горной добычей...

Джимми Лэйрд был ошеломлен. *Он клиент!* Как такое может быть? Он не нанимал адвоката и даже не видел ни одного из них. Они держали его в полной изоляции. Однако перед ним стоял человек, называющий его «своим клиентом».

Обвинитель вскочил с места и начал протестовать.

— Ваша честь, это требование безосновательно и абсурдно. Горной добычей считается деятельность, в процессе которой копается земля или в этой самой земле прокладываются тоннели. Обвиняемый этим и занимался. Я

знаю, что в своем письме мой оппонент настаивает на том, что обвиняемый добывал органическую массу, поэтому она перестает быть минералом, а считается едой. И опять его подвело определение. Минералом считается всё, что добыто в результате раскопок, вне зависимости от состава и источника происхождения. Решения, поддерживающие эту точку зрения, слишком многочисленны, чтобы перечислять их все. Суды постоянно решали, что такие продукты, как нефть, природный газ, уголь и даже лигнит являются минералами.

— Всё верно, — улыбнулся опрятно одетый защитник. — Значит, придется предположить, что мой оппонент считает арахис, трюфели и картофель минералами? Можно ли считать добычу торфа горной добычей?

Судья моргнул, а потом сказал:

— Продолжайте.

— Я был приглашен негодующими жителями этого города для участия в данном судебном процессе и тщательно изучил все аспекты дела. В первую очередь, природу так называемого минерала. Исследования были проведены, как Геологической, так и Биологической службой. Оба доклада у меня есть. В периоды, предшествовавшие Неовулканизму, в ходе которого климат Венеры не был похож на климат Земли, здесь было огромное количество животных и растений, которые годились людям в пищу. В период мощных извержений все они погибли под слоем вулканического пепла. В результате этого образовался слой лесного дерна, насыщенного останками растений и животных. Этот слой был впоследствии накрыт другими горными породами и пред-

стает перед нами в его нынешнем виде. При этом его органическая природа не изменилась. Биологическая Служба подтвердила, что Изумительный Суп Лэирда — это не что иное, как смесь этой субстанции, которая, как мы теперь знаем, богата питательными веществами, и обычного супа, который, как нам известно, традиционно представляет собой смесь определенных органических соков.

Более того, в вице-королевском указе от 14 декабря 2047 года «О поддержке производства продуктов питания на Венере» говорится следующее: «Любой человек, вне зависимости от планетарной принадлежности, а также вне зависимости от того, имеет он соответствующую лицензию или нет, который обнаружит и сможет разработать источник естественного питания на этой планете, должен получить награду, свободу действий, а также полную защиту государства вне зависимости от того, добывается ли эта пища с помощью фермерства, рыболовства, охоты или другим способом». Мне кажется, что именно это «другим способом» и снимает все обвинения с моего подзащитного.

Когда адвокат закончил свою речь, зал взорвался криками одобрения, от которых затряслись стены. Судья пытался призвать собравшихся к тишине.

— Хью Дрейк не победит!.. Ура Лэирду!.. Развивайте местную промышленность и пусть Синтетическая Корпорация катится ко всем чертям!

Пока возбужденные шахтеры кричали, Троттер прошел через зал с горячей чашкой Изумительного Супа Лэирда в руках. В зале стоял такой шум, что никто не слышал, о чем он говорил с судьей, но через несколько секунд судья взял

миску и поднес ее к губам. Услышать, как он причмокивает, было невозможно, но все заметили, как его строгое лицо расплылось в довольной улыбке. Хью Дрейк и его подхалим-обвинитель направились к боковой двери. Они все поняли еще до того, как судья встал и прокричал:

— Дело закрыто.

— Ерунда, — сказал Элкинс, когда они вышли на улицу. — Это была не проблема. Мы собрали деньги и наняли этого парня из космопорта Венеры. Мы решили, что это самое малое, что мы можем тебе дать.

Лэирд пробурчал слова благодарности. Он заметил, что Элкинс чем-то обеспокоен. Джимми спросил, что у него на уме.

— Ну, — процедил шахтер, — дело вот в чем. Лесорубы помогли, чем смогли, и ты начал неплохое дело, поэтому они подумывают о том, чтобы начать собственный бизнес. Теперь они сытые и у них есть запасы на целый сезон, и они хотят вернуться к своим делам. Я знаю, что тебе будет нелегко, здесь так мало свободных рук, ведь практически все работают на заводе Дрейка, но ребята будут благодарны, если ты отпустишь их.

— Конечно, — сказал Джимми Лэирд, не желая причинять неудобства кому бы то ни было. — Я найду выход.

Однако это было непросто. Когда он вернулся в Долину Голода и отпустил помощников, он понял, что в сутках недостаточно часов, чтобы поддерживать огонь в обоих котлах, рубить дрова, сушить концентрат и упаковывать его. Не говоря уже о том, чтобы навьючить гиппо, отвести их

в Хэммондсвилль и вернуться обратно. Ему пришлось бы прекращать работу на некоторое время. Но он не хотел этого делать с учетом того, что вся планета с надеждой ждала новую и вкусную еду.

Именно тогда, когда он бился над решением этой проблемы, появился первый из его бывших членов команды. Это был один из механиков, который был самым изможденным и грязным существом, когда-либо появлявшимся из джунглей. Его одежда была разорвана в клочья и он был очень голодным. Более того, с собой у него не было ни унции золота. Он избавился от него уже очень давно, пытаясь найти кров и еду. Джимми Лэирд накормил его и выделил место, где тот мог поспать.

Остатки команды появлялись по двое и по трое. Все они были в столь же плачевном состоянии. Все они совершили одинаковую ошибку — набрали с собой кучу тяжелого золота, но не взяли достаточно еды из запасов *«Пеликана»*. Результат был очевидным. К тому времени, как они появились в Долине Голода, у них не было ни копейки и все они очень отдаленно напоминали людей.

У капитана Рейгана были такие же впалые щеки и грудь, как и у всех остальных. Он без слов принял суп из рук Лэирда и проглотил его практически залпом. Теплый, насыщенный бульон придал ему сил и он заинтересованно оглядел поляну, на которой стояли два котла, установка для сушки концентрата и аккуратные хижины. Затем он спросил, есть ли поблизости город, в котором они могут организовать транспорт для того, чтобы перевезти свои сокровища.

— Вот, что я скажу, — сказал Джимми Лэирд, гостеприимно наливая ему еще одну миску ароматного супа. — Город есть, но я бы не хотел, чтобы вы шли туда в таком виде. Это касается горнодобывающего законодательства, о котором я вам говорил. Они заберут вашу шахту, если она кому-то понадобится, а вас бросят в тюрьму. А если вы не сможете заплатить штраф, то вас продадут на какой-нибудь металлургический завод. С этим сложно бороться.

Бак Рейган расстроился. После побега повара он нашел свод законов и прочитал их.

— Конечно, — продолжил Джимми, — зная, как вы можете отнестись к этому, я сомневаюсь, стоит ли предлагать вам работу, но, с другой стороны, это может помочь вам выкрутиться из этой неприятной ситуации. Мне нужны люди. Я буду платить хорошее жалование и давать вам еду...

— Мы согласны, — сказал отчаявшийся капитан Рейган, заинтересованно рассматривая вспомогательные котлы.

Яркая табличка, посвященная Джимми Лэирду, была направлена вниз по течению и Рейган не мог видеть, что на ней написано.

— Что мы должны делать? — поинтересовался он.

— Помогать мне делать суп, — сказал Джимми Лэирд.

Он так и не смог понять, почему капитан чуть было не подавился.

ПЕСОК

Под псевдонимом КОЛИН КЕЙТ

Самая мрачная шутка на Марсе — это ежедневный прогноз погоды. Все видно — если вы сможете что-то увидеть — уже когда покидаешь космопорт Генгиз. Прогноз погоды выгравирован на монолитном блоке пермалита, но даже этот нестираемый камень отполирован по углам под воздействием песка, бьющегося о него на протяжении многих лет. Надпись гласит:

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ НА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

*Жарко, сухо и ветрено. Песчаные бури
и блуждающие дюны.*

Это триумф парадокса. Данная надпись одновременно является и шедевром точности, и преуменьшением.

Специальный следователь Билли Невилл понял это после пяти минут пребывания на Красной планете. Легкий разведывательный корабль, на котором он прилетел, только успел закрепиться на швартовочной сети, как Билли тут

же увидел небольшой синий полицейский танк, мчащийся по взлетной полосе. Он то появлялся, то снова исчезал. Массы песка были настолько плотными, что ухудшали видимость не хуже мокрого снега. Маленький танк остановился у корабля и из люка выбрался человек. В руках он нес тяжелый скафандр.

— Возьмите, сэр, — сказал он. — Ваш анабрэд. Наденьте его поверх своей униформы, иначе меньше чем через минуту пребывания снаружи с вас сдерет не только одежду, но и кожу.

Невилл взял костюм. Он был очень похож на костюм для дайвинга, только не бронированный. Он был выполнен из прочного резиноподобного материала, обувь была утяжелена свинцом, а на шлеме закреплены гибкие очки, с нецарапающимися линзами. Он надел костюм, пожал руку капитану корабля и вышел навстречу ветру.

Местный помог ему забраться в маленький танк и закрыл люк. Машина развернулась, слегка накренилась на одну сторону и медленно поехала через посадочное поле под острым углом к «легкому бризу». Водитель остановился возле ворот только для того, чтобы ухмыльнуться и указать пальцем на прогноз погоды. Затем он снова развернул своего синего жеребца навстречу ветру и начал пробираться по направлению к главной улице Генгиза. Во всяком случае, Невилл принял ее за центральную улицу.

— Босс будет рад видеть вас, — прокричал водитель, пытаясь перекрыть непрерывное шипение песочного дождя, обрушивающегося на корпус танка. — Здесь всё пошло наперекосяк, я в этом абсолютно уверен.

Билли Невилл хмыкнул. Он не имел ни малейшего понятия ни о марсианских проблемах, ни о самой планете. Но он был абсолютно уверен в том, что, если его куда-то отправили, значит, дела там обстоят не лучшим образом. Он только что вернулся с Венеры, проведя там целый год и вычищая планету от торговцев *гуру*. Он надеялся, что по дороге домой ему дадут пару недель отдохнуть на Земле, но этому не суждено было случиться.

Он не обращал внимания на своего болтливого водителя и смотрел сквозь истертанный песком иллюминатор. Он не мог не заметить особенности марсианской архитектуры. Ни в одном здании не было никаких отверстий ниже третьего этажа, а если они и были, то только с подветренной стороны. В каждом здании были либо поручни, либо лестница, по которой можно было проделывать путь с улицы до двери. Он совершенно правильно догадался, что блуждающие дюны периодически засыпали здания. Однако сегодня улица была чистой и блестящей так ярко, будто была сделана из отполированной стали.

Танк двигался вперед, раскачиваясь и подпрыгивая. Он завернул за угол, резко затормозил на подветренной стороне улицы, дернулся и остановился перед мрачным зданием, построенным из тяжелого пермалита.

— Местная штаб-квартира, — сказал водитель и открыл люк. — Воспользуйтесь правой лестницей.

Невилл схватился за лестницу и стал подниматься по ней, словно верхолаз по трубе. Двумя этажами выше он добрался до защищенной площадки с дверью. Дверь распах-

нулась, и он ворвался внутрь. Через минуту он стоял перед изможденным майором Межпланетной Полиции. Майор Мартин только что положил трубку, закончив разговаривать по телефону.

— Ну что, Невилл, — сказал он, пристально разглядывая молодого специального следователя своими жесткими голубыми глазами. — Вы появились в решающий момент. Только что был ограблен «Ксеркс». Это пятое ограбление за год и пятнадцатое — за последние четыре года. Я вызвал вертолет, и как только он прибудет, мы вылетим и осмотримся там, пока след еще не остыл. Боюсь, что это будет такой же крепкий орешек, как и все остальные. А может, я просто выдохся. Именно поэтому я и позвал вас. Новая метла по-новому метет, сами понимаете...

— Надеюсь, сэр, — скромно ответил Билли Невилл.

Он все еще не понимал, о чем идет речь. Он знал, что единственной отраслью промышленности на Марсе была добыча супералмазов, и на планете произошло несколько ограблений шахт. Больше он ничего не знал. В джунглях влажной Венеры жителей мало интересовало что-то, кроме непосредственных задач.

Он ждал, но майор не собирался продолжать разговор. Он продолжал сидеть, выбивая пальцами нервную дробь по столу и рассматривая лежащие на нем бумаги. Потом он поднял глаза и устало посмотрел на Невилла, все еще продолжая молчать.

— Неприятная погода, — вежливо заметил Невилл, махнув рукой в сторону улицы. — Здесь *всегда* так дует?

Старый коп слабо улыбнулся.

— Самым лучшим ответом на это замечание будет старый анекдот из штата Вайоминг: «Нет. Не всегда. Легкий бриз будет дуть примерно неделю. Потом ветер окрепнет и начнет дуть, как сумасшедший». Но если ты думаешь, что это плохо, то тебе стоит посмотреть на экваториальные районы. Там бывают песчаные тайфуны. Шахты находятся в субтропической зоне и там дуют лишь сильные пассатные ветра. Хотя наши околополярные бризы — это всего лишь легкий ветерок, по сравнению с пассатами.

Он вздохнул и добавил:

— Ветер не так страшен. Все дело в этих чертовых дюнах. Они не стоят на месте. Марс, мой мальчик, — не лучшее место для жизни.

Зазвенел телефон. Майор поднял трубку и беспокойство на его лице стало более отчетливым.

— Да?.. Что? «Ганнибал»?.. Откуда ты знаешь, что было одиннадцать дней назад?.. Ах, гипнозин, да? Они просто пришли и увидели, что сейф пуст... Понятно. Делай, что можешь. Они ограбили «Ксеркс» всего пять часов назад. Вначале я еду туда.

Он повесил трубку и в отчаянии развел руками.

— Газ, всегда газ. И всегда разный газ. Вначале это был циан, потом фосген, угарный газ, хлороформ. Мы раздали маски. Потом преступники пустили транатоген, нейроноксилен и другие необычные газы. Нет никаких следов, мы не можем поймать их, мы не можем остановить их. Я схожу с ума.

— Может быть, стоит начать сначала, — осторожно предложил Билли Невилл. — Вы же знаете, что я приехал всего полчаса назад.

— Конечно, — ответил майор, что-то записывая. — Одну секунду...

Ветреный и засыпанный песком Генгиз скрывался из виду. Они поднялись над пылью. Два навигатора следили за положением Солнца, Деймоса и Фобоса. К счастью, и светило, и спутники были видны.

— Единственный способ ориентироваться на этой проклятой планете, — объяснил расстроенный майор, — это с помощью звездной навигации. Рельеф ничего не дает. Все эти дюны, которые ты видишь, изменятся уже через час. Они не только передвинутся на запад, но и полностью изменят свои очертания. Иногда можно увидеть город, а иногда нет. Все зависит от того, засыпан ли он песком. Никогда не знаешь наверняка. На Земле бывают приливы и отливы, но дюны — это совсем другое. Они двигаются бессистемно и с разной скоростью.

— Мне начинает нравиться Марс, — заметил специальный следователь.

— Да? Тогда слушай. Марс — необычный клиент. Если знаешь какого-нибудь геолога, которому ты хочешь сложить жизнь, то привези его сюда и попроси его объяснить, что здесь происходит. Насколько я знаю, планета неожиданно застыла, будучи смесью железа и гранита. Где-то можно найти обнажения стали, а где-то — камня. Позже здесь появилась атмосфера. Во всяком случае, сейчас ее здесь достаточно. *Она* выветрила гранит, и получился весь этот песок. Песок просто есть, он появляется из ниоткуда. На экваторе высота дюн достигает одной мили. На полюсах

дюн нет. Между полюсами и экватором можно найти дюны разной высоты. Смотри!

Он приказал опустить вертолет пониже и указал на глубокую долину между двумя дюнами. Казалось, что там затерялось горное озеро. Но там было кое-что еще. В самом центре блестящей точки находился довольно крупный город. Он представлял собой множества куполообразных зданий, сосредоточившихся вокруг центрального купола, над которым поднимался высокий минарет или труба. Ее высшая точка была практически на уровне дюн. На вершине трубы находился двойной вентилятор. Один раструб был направлен по ветру, а другой — в противоположную сторону.

— Это шахта. Большая. «Веллингтон», — сказал майор. — Она построена на обнажении железа, а под ней находятся большие залежи алмазов. Когда Марс затвердел, лишь часть угля соединилась с железом. Другая часть была спрессована в марсианские алмазы, которые намного прочнее тех, что можно найти на Земле. Они невероятно ценные. Найти их — это непростая задача для геологоразведчиков. Ведь они могут увидеть истинную поверхность планеты лишь на несколько секунд. Потом надо еще построить шахту средидвигающихся дюн, которые постоянно засыпают место строительства. Когда шахта построена, то все прекрасно... Было бы... если бы кто-то не придумал способ грабить их.

Вертолет поднялся вверх и направился на юг. Чуть позже он вновь сбросил высоту, и майор указал вниз.

— Еще одна шахта. По-моему, «Роберт Э. Ли». Сейчас она засыпана.

Невилл посмотрел вниз. Он увидел лишь небольшую круглую конструкцию, на которой был установлен такой же двойной вентилятор, какой он видел на шахте «Веллингтон».

— Пока дюны не отступят, — добавил майор, — им приходится впускать и выпускать воздух через эту систему. Это еще и входной люк. Нас ставит в тупик то, что все ограбления происходят тогда, когда шахта засыпана, но при этом никто не проходит сквозь люк и не выходит из него. Мы хотим знать, как они попадают внутрь и как уходят. Перед тем, как уйти, они убивают всех, кто есть в шахте, и полностью подчищают следы. Если ты сможешь разгадать эту загадку, то значит, твоя репутация не врет, и ты действительно хорош.

Невилл не ответил. Он хотел знать больше. В конце концов, продвижение по службе в Межпланетной Полиции зарабатывалось заслугами, а не с помощью хороших знакомых. И, несмотря на подавленное состояние и очевидные пораженческие настроения майора, Невилл знал, что тот не дурак. Иначе он не был бы начальником на Марсе. Поэтому Невилл просто кивнул и продолжал слушать.

— А вот и «Ксеркс»! — воскликнул майор, указывая на вентиляторы, возвышающиеся над дюной. Эта шахта была совсем не похожа на полноценную шахту, которую Невилл видел до этого. Это была всего лишь одинокая башня, торчавшая из песка, подобно шахте «Роберт Э. Ли».

Вертолет кружил в песчаном вихре, сделал пять попыток и в конце концов смог забросить швартовочный крюк на башню. Затем они спустились вниз и укрылись за ней.

— Теперь ты понимаешь, — пробормотал майор, — что вражеский вертолет не смог бы приблизиться к вентиляционной шахте и запустить туда газ. Это никогда не удастся с первой попытки, а иногда и вовсе не удастся. Если вспомнить о вооруженных охранниках, сидящих в башне...

В этот момент их перетянули через парапет и затащили внутрь. Там стояло четверо мрачных мужчин, вооруженных электронными ружьями. На полу лежал пятый охранник, мертвый. Его тело раздулось. Оно было покрыто пурпурными пятнами, которые были похожи на волдыри.

— Как раз вовремя, инспектор, — сказал тот, кто, наверное, был главным. — Воздух внизу начинает очищаться. Я думаю, вы можете спускаться.

Он повернулся и указал на датчики вентиляционных труб. Датчик входящего воздуха не давал никакой особенной информации — воздух равномерно поступал в шахту день за днем. Однако индекс исходящего воздуха говорил о том, что датчики работают исправно. За восемь часов до их прибытия стрелка датчика чуть ли не выпрыгивала из зоны заражения. За это время она медленно приблизилась к центру. Последние данные показывали, что исходящий воздух был совершенно обычным — просто воздух, немного теплый, немного загрязненный, но ничего плохого.

Майор Мартин указал на люк и один из охранников поднял его. Через минуту они уже спускались по лестнице в помещение, находившееся внизу. Люк захлопнулся, заглушая дикий вой марсианского ветра. Две огромные вентиляционные трубы занимали половину круглой платфор-

мы, на которой оказались полицейские. Между трубами находился небольшой лифт. Другую половину платформы занимала железная винтовая лестница, уходящая далеко вниз. Майор спустился на пару ступенек и ударил по стене. Стена была из цельного пермалита.

— Единственный доступ к шахтам, — сказал он, — это через эти трубы. Отверстия в них есть только наверху. Еще один вертолет с нашими оперативниками прибудет через пять минут. Они начнут обследование сверху вниз. Они ничего не найдут, но это обычная процедура. Мы начинаем сверху, а затем осматриваем трубы дюйм за дюймом. Мы можем сразу отправляться вниз.

Они вернулись на платформу, зашли в лифт и поехали вниз. Спуск занял несколько минут, но вскоре они оказались в круглом помещении у основания труб. Над их головами находились трубы вентиляционной системы, а из отверстия на потолке дул чистый, свежий воздух. На полу лежало два трупа. Они были раздуты и покрыты пятнами так же, как и труп наверху. Судя по всему, умерли они мгновенно. Майор Мартин лишь мельком взглянул на них.

— Некроген, — сказал он. — Он убивает после первого вдоха.

Коридор вел их через жилые помещения, где персонал ел и спал в свободное от работы время. Комнаты были полны мертвецов. То там, то здесь можно было увидеть труп, свисающий со стула или лежащий лицом на столе. Та же картина была и в главном офисе. Сейф был открыт, а его дверца свисала на поврежденных петлях. В самой шахте, где

мощные машины дробили алмазную породу, все выглядело точно так же. Впрочем, как и в трамбовочном помещении, и в кислотном отсеке, в котором проходил процесс очищения алмазов от остатков железной породы, на «Ксерксе» в живых не осталось никого. Тщательный подсчет трупов показал, что пропавших нет. Они все были здесь — мертвые. Затем майор показал Невиллу мощные железные двери, через которые можно было попасть в слои железа, находившиеся под поверхностью планеты.

— Эта дверь открывается наружу, — сказал он, — а значит, сейчас ее блокируют тонны мелкого песка, глубина которого составляет несколько тысяч футов.

— Туннели? — предположил Невилл.

— Через слой алмазоносного металла много туннелей не пробьешь, — сухо ответил майор Мартин. — Но мы продолжаем искать их. Пока не нашли. Но даже если бы и нашли, то как это возможно? Для этого нужно было бы придумать устройство, позволяющее ориентироваться под толщей песка. Единственным средством передвижения на Марсе являются краулеры, как мы называем наши маленькие танки. Вертолеты используются только полицией.

Невилл взглянул на вентиляционные трубы над головой и на валяющиеся вокруг трупы. Было очевидно, что в вентиляционную систему запускали яд, но как убийцам удавалось скрыться? Даже если у них были специальные газонепроницаемые костюмы?

— А что с охранником на самом верху? — резко спросил он. — Разве они не могли провести операцию, сбросить добычу сообщнику, а затем включить тревогу?

— Могли бы, — признал майор, — но не сделали. Двое из этих охранников являются моими личными доверенными оперативниками, действующими под прикрытием. Еще один оперативник находился внизу, но мы потеряли беднягу. Нет, это кто-то со стороны.

Невилл обдумал сказанное. Затем он увидел небольшую горку необработанных алмазов возле одной из кислотных установок. Судя по всему, они вышли из перерабатывающей установки в тот момент, когда началось ограбление. Именно поэтому сборщики не успели положить их в сейф. Билли с удивлением обнаружил, что алмазы переливаются всеми цветами радуги: ярко-красным, зеленым, белым, голубым, темно-зеленым, розовым, желтым и бледно-синим.

— Марсианские алмазы все такие? С одной шахты, но разных цветов?

Майор кивнул.

— Еще одна проблема для расследования. Если бы красные добывались только на одной шахте, а белые — на другой, то у нас была бы возможность отследить их после ограблений. Однако марсианские алмазы одинаковы во всем, кроме цвета. А цвета у них бывают самые разные, как видишь. Отследить их практически невозможно.

— Хм-м-м, — ответил Невилл, укладывая в карман горсть алмазов.

Когда они прибыли на шахту «Ганнибал», то она была полностью открыта, так как пески отступили, поэтому полицейским удалось приземлиться на твердую поверхность планеты с подветренной стороны шахты. Здесь история

была очень похожей, разве что газ не убивал, а усыплял. Мертвыми были лишь охранники башни, и убиты они были со спины.

Невилл воспользовался моментом, чтобы осмотреть шахту снаружи. Он не мог избавиться от подозрения, что в шахту можно было проникнуть не только сверху или снизу. Он тщательно исследовал тонкую опору, которая находилась на высоте в тысячу двести футов. С подветренной стороны к краю опоры поднималась железная лестница. Сама труба была сделана из цельного пермалита, отполированного песком. Невилл сфотографировал трубы со всех сторон и под любым возможным углом.

— Я уже достаточно посмотрел, — сказал он через некоторое время, взяв несколько экземпляров камней, валявшихся вокруг. — Мне нужно всё обдумать.

— Хорошо, — кисло ответил майор Мартин.

С наступлением ночи они вернулись в штаб-квартиру в Генгизе.

— И что ты думаешь? — спросил отчаявшийся майор. — Ты осмотрел две шахты, а если ты видел одну, то значит, видел их все. Они все идентичны. Кто это делает и как?

— Не знаю, — улыбнулся Невилл, развалившийся в кресле и задумчиво разглядывающий потолок. — Пока не знаю. Я пытаюсь разобраться с мотивом.

— С мотивом! Деньги, что же еще!

— Конечно. Но сколько денег? Даже пираты не пойдут на массовое убийство ради горсти алмазов. А случай на Ганнибале говорит о том, что грабителям не *обязательно* убивать, чтобы добраться до добычи. Мне кажется...

Зазвенел телефон.

— Да, — устало ответил майор.

Он выслушал говорящего, хмыкнул и положил трубку. Затем он повернулся к Невиллу.

— Шахтеры на «Кортесе» и «Аттиле» начали забастовку. Они боятся выходить на работу и требуют, чтобы полицейский конвой сопровождал их в бараки в Генгизе. Теперь у нас шесть шахт, которые закрылись из-за страха перед бандитами.

— Я не удивлен, — спокойно ответил Невилл, — и это дает нам подозреваемого номер один. Скажите мне, кто больше всего выиграет от закрытия всех шахт, и вы узнаете, кто стоит за ограблениями. Он умный и беспринципный. Как его зовут?

Майор Мартин вздрогнул, задумался, а потом ответил:

— Под описание подходит Марио Хастингс. Я уже думал о нем. Но у нас нет никаких зацепок. Кроме того, он самый почетный, богатый и влиятельный гражданин. Нам придется вначале доказать его вину, а уже потом обвинять его. Он владелец Объединенных Шахт: «Веллингтон», «Кастер» и «Сципион»...

— Я думал, здесь действует антимонопольный закон, — вызывающе заметил Невилл.

— Так и есть. Но он был введен после того, как Хастингс построил свои первые три шахты. Теперь каждая шахта должна находиться в частной собственности, либо ее закроют и отдадут государству. Единственная монополия, которой владеет Хастингс, это Марсианская Строительная Компания. Там всё держится на патентах. Он разработал

конструкцию шахт и, если кто-то получает право на открытие шахты, то строительные работы проводит компания Хастингса. После строительства он не имеет никакого отношения к шахте.

— Интересно, — пробормотал Невилл. — Еще один вопрос. Насколько упал экспорт алмазов с тех пор, как начались ограбления?

— Ни насколько. Но это ничего не доказывает. Конечно, после начала ограблений продажи Объединенных Шахт увеличились, но увеличились и объемы продаж независимых алмазных копей. С самого становления добычи алмазов на Марсе было решено поддерживать равномерный объем продаж, чтобы не менять цены. У всех компаний есть свои резервы. Большая их часть хранится здесь, в государственном хранилище. Поэтому, когда одна или несколько шахт выходят из игры, остальные выравнивают объемы продаж с помощью своих запасов. Боюсь, здесь ты ничего не найдешь. Даже если ты подозреваешь другие компании в торговле краденым, ты все равно не сможешь доказать, что это похищенные алмазы. Тебе придется поймать вора за руку. Отличить обычные марсианские алмазы от краденых невозможно.

— Я в этом не уверен, — сказал Невилл. — На Земле они все разные.

Майор продолжил рассказ, мрачняя с каждой минутой. Марс был окружен кордоном из быстрых кораблей, которые давали абсолютную гарантию того, что ни одно космическое судно не могло приземлиться или улететь с планеты без разрешения. Единственный космопорт нахо-

дился в Генгизе. Каждый прибывающий и вылетающий корабль подвергался самому тщательному досмотру. Майор Мартин был готов поставить на кон свою репутацию. Он был уверен, что краденые алмазы все еще находятся на планете. Весь товар, покидающий Марс, выходил с государственных складов. Чем больше опытный коп рассказывал, тем более безнадежным казалось это дело. На Марсе не было преступников и мест, где они могли прятаться. Генгиз был единственным городом, и здесь было достаточно полиции. Больше городов на Марсе не было, только шахты.

Невилл зевнул, встал и потянулся.

— Я немного повоюю в лаборатории, — сказал он. — Кстати, вы не могли бы попросить своих оперативников принести мне немного алмазов с каждой шахты? Главное, чтобы они были добыты именно там. Мне не нужны алмазы из хранилищ.

— Конечно, — согласился майор и нажал на кнопку. — Они у меня уже есть.

Последующие действия специального следователя Билли Невилла могли озадачить кого угодно, однако майор Мартин следил за ними с терпением и надеждой. Он знал, что Невилл считается самым лучшим специалистом по разрешению сложных ситуаций в полиции. Невилл несколько часов изучал увеличенные фотографии опоры шахты. Еще несколько часов он провел перед огромным вакуумным отсеком, в котором он обрабатывал алмазы высоким напряжением. Результаты не обнадеживали. Неко-

торые из камней светились абрикосовым оттенком, другие бледно-зеленым, красным и оранжевым. К его разочарованию, не все алмазы испускали фосфоресцирующее свечение. После этого он некоторое время сидел в темноте и протирал алмазы шелковым платком.

Однако к утру он был доволен результатами. Затем он попросил принести ему образцы алмазов из хранилища. Посмотрев на них, он заявил о своем намерении поговорить с мистером Хастингсом.

— Зачем? — спросил майор.

— Во-первых, чтобы составить себе представление о нем, — спокойно ответил Невилл, — а во-вторых, чтобы заставить его нервничать. Пожалуйста, подготовьте двух своих лучших людей. Я хочу, чтобы они сели ему на хвост после того, как я уеду.

Местный инспектор удивленно поднял брови, но выразил свое согласие.

— После того, как я уйду, — добавил Невилл, — я хочу, чтобы вы подготовили краулер с набором разводных ключей, соединительных гаек и других инструментов. На борту также должен быть безвредный газ с ярко выраженным запахом. Например, эфирное масло мяты.

— Сделаем, — только и ответил майор.

Разговор с алмазным магнатом прошел быстро. Невилл нашел его в офисе компании, и его сразу провели к Хастингсу. Миллионер встретил его в дверях и добродушно пожал ему руку. Марио Хастингс был привлекательным мужчиной для своих шестидесяти лет, с хорошим телосложением, бронзовым загаром и потрясающей улыбкой.

— Так, так, — сказал он, пожимая Невиллу руку. — Значит, вы приехали, чтобы расследовать нашу волну преступлений, так? Я желаю вам удачи, но мне кажется, что вы задержитесь здесь надолго. Я практически уверен в этом, если только вы не намного компетентней наших местных ищеек.

— Напротив, мистер Хастингс, — спокойно сказал Невилл. — Я собираюсь вернуться на Землю уже через несколько дней. Это дело оказалось намного проще, чем я ожидал. Расследование завершено. Не думаю, что у вас будут новые ограбления.

— Ах, — сказал мистер Хастингс, отпуская руку.

Это было растянутое «ах», произнесенное с вопросительной интонацией.

— Преступник все еще на свободе, — быстро добавил Невилл, — но мы надеемся, что скоро поймем его.

— Хорошая работа, — радостно сказал Хастингс. — Для нас всех это будет большим облегчением. Сигару?

— Нет, спасибо. Мне еще кое-что нужно выяснить, и я не могу остаться.

Невилл вернулся в лабораторию и в течение часа изучал досье всех работников Хастингса. Когда он нашел то, что искал, танк уже был готов. Майор Мартин вызвался сопровождать молодого коллегу.

— Найдите шахту, — сказал Невилл, — которая засыпана песком наполовину.

Маленькое транспортное средство сорвалось с места, прорываясь сквозь песок, вгрызающийся в его бока. Они с трудом пробирались через низкие дюны, однако дальше к

югу дюны становились все выше. Иногда танк поднимался практически вертикально, но сползал боком по краю дюны, словно щепка, колышущаяся на волнах. Ветер крепчал, и они все реже видели небо у себя над головой. Водитель прокладывал путь с помощью компаса и других непонятных устройств на панели управления.

В какой-то момент танк замедлил движение, немного проехал вперед и остановился. Вначале Невилл ничего не увидел. Но потом он понял, что они находятся на подветренной стороне одного из сегментов опоры. Он не видел высшую точку опоры, потому что она была закрыта тучами песка, но заметил лестницу, ведущую вверх.

— Они нас тоже не видят, — сказал он майору, имея в виду охранников на башне. — А теперь давайте смастерим страховку и отправимся на наветренную сторону трубы. Именно это меня интересует.

Обратная сторона трубы представляла собой абсолютно гладкий и ровный пермалит, хоть он и подвергался постоянному воздействию песка. Им пришлось ждать почти час, пока нарастающая дюна не подняла их на тридцать футов выше. Потом Невилл увидел то, что искал — небольшой выступ. Это был конец трубки шириной в один дюйм. Он выступал лишь настолько, чтобы к нему можно было прикрутить насадку. Помощник принес сумку с инструментами. Крышку открутили, к трубке подсоединили резервуар с ароматическим маслом.

Невилл получше закрепил контейнер и продолжил поиски следующего элемента. Он находился всего в нескольких футах, был практически невидим и прекрасно зама-

Потом Невилл увидел то, что искал — небольшой выступ.

скирован. Это был обычный рычаг, скрытый в поверхности трубы. Невилл открыл контейнер с газом, подождал, пока

его содержимое проникнет в трубу, а затем потянул за рычаг. Небольшая часть стены отъехала в сторону. Через появившееся отверстие вполне мог пройти человек в анабрезе или газонепроницаемом костюме. Он дал знак Мартину следовать за ним и проскользнул в отверстие. Затем он быстро закрыл люк, чтобы в трубу не попало еще больше песка.

Далеко внизу надрывались сирены и кричали люди.

— Надо бы сообщить им, что это ложная тревога, — предложил Невилл. — Я бы не хотел, чтобы нас приняли за грабителей.

Они просидели в трубе несколько минут и покинули шахту так же, как пришли туда. Они хотели выбраться до того, как секретная дверь будет погребена под толстым слоем песка.

— Вот так просто, — заметил Невилл на обратной дороге. — Это было спланировано много лет назад. Такие трубки и секретные люки находятся на разных уровнях. Они устанавливались во время строительства основы. Трубки ведут в трубу с входящим воздухом, а люки сделаны настолько искусно, что даже самая тщательная инспекция вряд ли смогла бы обнаружить их. Я нашел их на моих увеличенных снимках. Их никто не замечал, потому что наветренную сторону трубы практически невозможно обследовать, разве что так, как это сделали мы. Поэтому никто никогда не считал это необходимым.

— Человек Хастингса просто приходил, запускал газ, когда песок достигал необходимого уровня, ждал, пока газ подействует, спускался и грабил шахту. Десять минут спустя он мог исчезнуть незамеченным.

— Человек Хастингса, да? — прорычал майор. — Как ты это докажешь? Да, его компания строила трубы, но это не значит, что он замешан в этом лично.

— Будет тяжело, — признался Невилл, — но я думаю, что у меня получится.

В штаб-квартире их встретили двое смущенных оперативников. Сразу после визита Невилла Хастингс запрыгнул в краулер и понесся на юг. Работники МП (Межпланетная Полиция) последовали за ним на двух танках, но потеряли его в песчаной буре. Последний раз, когда они его видели, он направлялся на запад.

— На «Сципион», — догадался майор.

— Точно. Там он производит газ, — добавил Невилл. — Судя по всему, он воспринял мой визит всерьез.

— Откуда ты знаешь? — потребовал ответа майор Мартин.

— Его ведущий химик раньше работал на Теллурианскую Химическую Компанию. Он признанный эксперт в области смертельных газов. Кроме того, нынешний управляющий шахты «Сципион» был бригадиром в Марсианской Строительной Компании. Я подозреваю, что все сообщники Хастингса живут и работают на «Сципионе». Я нашел много информации, изучая досье сегодня утром. Мы можем арестовать их в любое время. Я доволен...

На стене завизжала сирена. Зазвенел телефон.

— Извини, Невилл. Но ты ошибся с Хастингсом, — сказал майор, положив трубку. — Только что ограбили «Сципион». Хастингс бы не убил своих людей.

— Не убил бы? — мрачно спросил Невилл.

Через секунду дверь открылась и в кабинет вошел Хастингс. Он уже не казался добродушным. Он был взволнован и зол.

— Сколько здесь полицейских! — прокричал он. — Вчера вы говорили мне, что ограблений больше не будет, а сегодня грабят мою шахту «Сципион» и убивают всех ее работников. Опять некроген. А что с тем человеком, которого вы собирались арестовать? Чего вы ждете?

— Мы ждали, пока вы вернетесь, — тихо сказал Невилл. — Этот человек *уже* арестован. Наденьте на него наручники, парни.

Двое оперативников подбежали к Хастингсу и, не обращая внимания на его крики, защелкнули наручники на его запястьях.

— Тебе многое сошло с рук, Хастингс, но все закончилось. Ты зря убил того, кто строил для тебя трубы с секретом, того, кто создавал для тебя отравляющие газы, и тех шакалов, которые выполняли грязную работу. Ты помог нам. У нас достаточно обвинений против тебя и без их показаний.

— Вы не сможете связать меня с этими трубами, — прокричал Хастингс; его глаза горели злобой, а лицо стало бордовым. — Или с газом. Подозревайте, сколько хотите. Но что вы можете *доказать*?

— Ну, — ответил Невилл, — если не принимать во внимание целый ряд косвенных улик, которых, уверяю вас, вполне достаточно, а также вполне очевидное преимущество для вас в случае, если из игры выйдут все конкурирующие шахты, то думаю, что будет достаточно и того, что

в настоящий момент в вашем распоряжении находятся все алмазы, украденные на других шахтах. Все они хранятся в этом здании.

— Ха! — фыркнул Хастингс, пытаясь избавиться от наручников. — Марсианские алмазы не маркируются. Фосфоресцирующий тест также не имеет значения, все они реагируют одинаково...

— Я тоже понял это, — сухо ответил Невилл. — Но есть еще кое-что. Я провел исследование, о котором вы не догадались. Вы когда-нибудь слышали о триболюминесценции? Удивительно, что такой умный человек, как вы, мог пропустить такую простую вещь...

Глаза Хастингса горели, он тяжело дышал.

— Потрите алмазы в темноте шерстяным или шелковым платком, и они начнут слабо светиться. Ваши марсианские алмазы очень чувствительны к такому тесту. Камни с шахты «Ганнибал» светятся бледно-зеленым, а алмазы с шахты «Кастер» — ярким пурпурным цветом. У каждой шахты есть свой цвет. Самое интересное заключается в том, что мне удалось обнаружить в хранилище. Алмазы всех шахт соответствуют тем камням, которые там добывают. Кроме ваших. В вашем хранилище мы нашли не только алмазы с ваших шахт, но и с ограбленных. *При этом, там не было ни одного алмаза с еще не ограбленных шахт!* Если вы можете объяснить это, а также рассказать нам, где вы были последние шесть часов, то вам не о чем беспокоиться. Уведите его, ребята!

Специальный следователь Билли Невилл сел в кресло. Он устал и непрерывный вой песка действовал ему на нервы.

— Теперь ваш выход, майор, — сказал он. — Вызовите мне корабль. Я бы хотел для разнообразия посмотреть на воду, а не на песок.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Под псевдонимом КОЛИН КЕЙТ

Выдержка из слушаний Высшего Военного Суда по делу Эрика Стрользунда, старшего сотрудника Межпланетной Патрульной Службы, несущего службу на борту космического корвета «*Лизет*» в должности главного инженера. Он обвиняется в том, что сбросил за борт триста тонн государственного ракетного топлива во время полета с Лунной Базы на Оберон.

Председатель суда:

— Стрользунд, вы выслушали доказательства и подтвердили, что вы это сделали. Вы хотите высказаться в свое оправдание?

Обвиняемый:

— Да, сэр. Обязательно. Я сделал это, чтобы спасти корабль.

Судья:

— Объясните.

Обвиняемый:

— Сэр, все происходило следующим образом. Вы знаете, что «*Лизет*» — старый корабль, и мы подали запрос на его

модернизацию. Перед отлетом с Луны на борт корабля погрузили дополнительное оборудование, которое я должен был установить во время полета. Именно так я и сделал. В первую очередь я извлек старые инжекторы «Марк IV» и установил инжекторы «Эберле Хай Лайф». Затем я заменил задающие резонаторы «Морган» на новую Универсальную модель. После этого мы обмотали концы трубок спиралью Гилсона, чтобы отвести радиационный жар для подпитки нагнетателя. А потом...

Судья:

— Хватит болтать. Все это не имеет отношения к делу. Более того, все это уже является частью протокола. Что было дальше?

Обвиняемый:

— Топливное хранилище начало раздуваться. Я опасался того, что корпус лопнет и мы потеряем воздух. Мы тратили по десять тонн в день, поэтому я решил, что будет разумнее сбросить пару сотен тонн за борт. Это всё.

Судья:

— Каким образом ваш рассказ оправдывает ваши действия?

Обвиняемый:

— Сэр, все происходило следующим образом. С помощью «Эберле Хай Лайф» можно сэкономить тридцать пять процентов топлива. Благодаря спирали Гилсона можно сэкономить еще шестьдесят три процента. Благодаря всем остальным приборам можно сэкономить еще примерно соток один процент. Если вы возьмете лист бумаги и ручку...

ПОДНОЖИЕ НОГ ГОСПОДНИХ¹

Эссе

Мы, научные фантасты, так настойчиво изобретаем и исследуем странные и фантастические другие миры, что часто забываем, что в том мире, в котором мы живем, еще очень много неизвестного. Многие удивятся, если узнают, что нам до сих пор не известна такая простая вещь, как точный диаметр Земли. Если учесть, что именно на основе этого критерия мы определяем размеры Вселенной, то становится очевидным, насколько именно этот критерий важен для нас. Взяв за основу именно его, мы определили расстояние до Солнца, Луны и других планет, а также определили размеры, расстояния и орбиты всех основных элементов в нашей Солнечной системе. Определив нашу собственную орбиту, мы добрались до ближайших звезд. Мы разработали такие ультрасовременные измерительные

¹ «Так говорит Господь: небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих; где же построите вы дом для Меня, и где место покоя Моего?» (Исаия 66:1, «Библия короля Иакова»)

приборы, как спектроскоп, с помощью которого мы пытаемся забраться в глубокий космос. Любая ошибка в исходных данных увеличивается в несколько раз по мере того, как мы удаляемся от нашей планеты. Ошибка в паре сотен метров на Земле превращается в триллионы миль, когда речь заходит о Магеллановых Облаках.

Сложность заключается в том, что не существует способа точно измерить диаметр нашей собственной планеты. Его можно вычислить с помощью других исходных данных, которые необходимо точно определить на поверхности планеты. Сложность таких вычислений заключается в том, что нам до сих пор не известна *форма* Земли. Именно так. В детстве нам говорили, что это «сплюснутая на полюсах сфера» со средним диаметром в семь тысяч девятьсот восемнадцать миль¹. Но насколько она сплюснута? И равномерна ли эта сплюснутость? Сколько диаметров было измерено, чтобы вывести среднее значение? Ответ заключается в том, что мы пока не уверены в степени отклонения сплюснутости. На поверхности планеты существует огромное количество выпуклостей и углублений, не все из которых измерены. К тому же существует не менее трех отдельных пространственных осей, которые предлагают нам большое количество основных диаметров. А между этими крайними точками существует невероятно огромное количество отдельных диаметров.

Человечество пытается решить эту проблему уже почти три тысячи лет. Если бы мы могли взять Землю, словно

¹ 1 миля = 1609 метров.

мячик, и измерить ее с помощью космического циркуля, то никакой проблемы бы не было. Если бы мы поняли, что Земля — не идеально круглая, то смогли бы продвинуться в этом вопросе намного дальше.

Ранние греческие философы практически единодушно высказывали мнение о том, что Земля круглая. Фалес Милетский, живший примерно в 600 г. до нашей эры, был первым, кому удалось развить эту теорию, а Анаксимандр, живший после него, создал первый в мире глобус. Пару сотен лет спустя Дикеарх высчитывал географические широты, измеряя тени в полдень и создавая грубые стереографические карты мира. Все эти люди исходили из того, что Земля круглая, а Луна и Солнце, которые также имеют сферическую форму, вращаются вокруг Земли. Они даже и представить себе не могли, что Земля на самом деле намного больше, нежели показывали их примерные расчеты. Именно поэтому, как это ни печально, их маленькая геоцентрическая Вселенная, была абсолютно неверной.

За два с половиной века до начала христианской эры на сцену вышел Эратосфен. Он был поэтом, драматургом и библиотекарем в великой библиотеке в Александрии, но также интересовался и картографией, а соответственно — и астрономией. Его называют отцом геодезии, потому что он был первым, кому удалось более или менее точно определить размеры Земли. Он знал, что если измерить большую дугу любого крупного круга сферы, то можно вычислить и все другие параметры. Поэтому он решил измерить дугу, которая проходила через Александрию, чуть выше седьмого градуса над меридианом. Он родился в городе

Сиене¹, который находился в четырехстах с лишним милях вверх по Нилу, южнее Александрии. Он помнил, что в летний полдень объекты не отбрасывали там тень. Он посчитал, что Сиене находится в тропиках, а значит прямо под Солнцем в день летнего солнцестояния. Определив, насколько далеко Солнце находится от зенита в этот же день в другом месте, он мог определить разницу в географической широте между двумя точками. С помощью гномона, столбика-указателя, он определил, что Александрия находится на широте 7 градусов и 13 минут. Затем, с помощью кадастровых карт земли, находящейся между Александрией и Сиене, которые создавались египетскими собирателями налогов, он рассчитал длину дуги по земле.

В его работе были ошибки: Сиене и Александрия не находятся на одном меридиане, а Сиене расположена примерно в тридцати милях от южного тропика. Именно поэтому его расчеты нельзя назвать точными. Однако результат был потрясающим. Он определил, что плоскость эклиптики оставляет 23 градуса и 51 минуту. Его результаты всего лишь на 20 минут отличаются от того, что нам известно сейчас. Он рассчитал, что длина одного градуса географической широты составляет 61,945 миль, что всего на 3,5% отличается от современных данных — 59,8 миль.

Работа Эратосфена позволила Гиппарху развить астрономическую науку тех времен. Птолемей завершил развитие открытием эффекта атмосферной рефракции на широтах тех небесных тел, за которыми он вел наблюдения.

¹ Сиене — современный Асуан на юго-востоке Египта.

Он также создал теорию Солнечной системы. Птолемеева теория была неверна, но для того времени она была вполне приемлемой. Именно в тот период начались Темные века¹, что стало одной из величайших трагедий человечества. Потрясающая работа греков была потеряна на протяжении тысячи лет. Мир окутала пелена суеверий. Молодые науки — геодезия и астрономия — были запрещены. Позже пришлось начинать все с самого начала.

В те суровые и бесплодные времена работа не останавливалась, но, к сожалению, никакой информации об этом не сохранилось. Халиф Абдуллах аль-Мамун приказал измерить большую дугу меридиана, пересекающего долину Сенаар в Месопотамии. Другие арабы также занимались подобными исследованиями. Западу пришлось ждать появления Галилея и Коперника. Потом пришли Кеплер, Ньютон и Гюйгенс. А вместе с ними — и современная концепция Солнечной системы, телескоп и знаменитые теории движения и гравитации Ньютона.

Однако сравнительно неизвестный голландец по имени Снелл сотряс эти теории до самого основания. Он был топографом и печатал свои работы на латинском под псевдонимом Снеллиус, или Голландский Эратосфен. Именно он заново открыл закон рефракций и некоторые тонкости наблюдений. Однако самым главным его достижением было тщательное исследование Нидерландов², в ходе которого он

¹ Темные века — раннее средневековье.

² В то время охватывали территорию Голландии, Бельгии и Люксембурга.

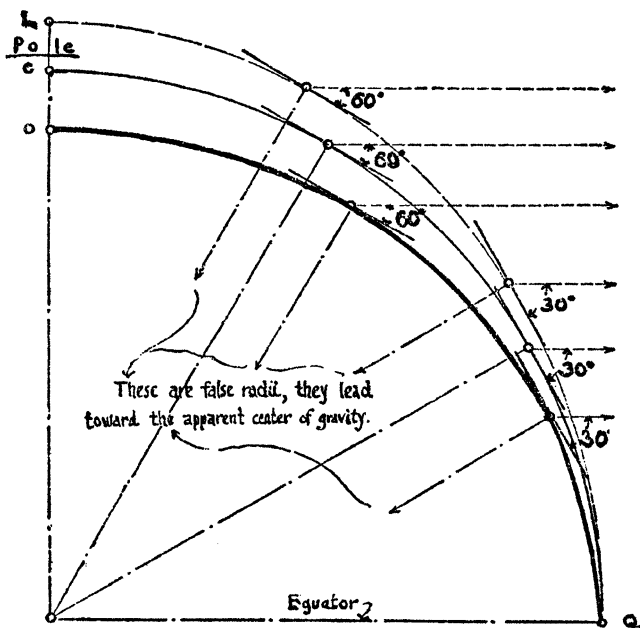

рис. 1

измерил несколько градусов их осевого меридиана. Это был 1615 год, который можно назвать годом рождения современной геодезии. Проблема его исследований заключалась в том, что если бы их результаты посчитали правильными, то общепринятые размеры Земли оказались бы неверными.

Ньютон и Гюйгенс читали его работы и были потрясены. После длительных размышлений Ньютон наконец признал, что Земля может быть не круглой, а иметь другую

форму — например, эллиптическую, как похожий на луковицу Сатурн. В конце концов, их расчеты основывались лишь на измерениях, сделанных в Средиземноморской Европе и в Северной Африке. Площадь была недостаточно большой, чтобы оценить возможное уплощение поверхности ближе к полюсам или увеличивающуюся выпуклость планеты ближе к экватору.

В данных исследованиях человек сталкивается с серьезными затруднениями. Маленький человек, находящийся на огромной планете, может определить ее размер лишь с помощью поэтапных измерений. К тому же точная форма планеты неизвестна человеку. С хорошими телескопами, знаниями о феномене атмосферных рефракций и примерными знаниями о горизонтальном параллаксе определение географических широт не представляет проблемы. Точное наблюдение за высотой небесных тел, скорректированной по дате, позволяет без труда вычислить широты. *Если бы* Земля была обычной сферой, как считал александрийский Эратосфен, и *если бы* его расчеты были проведены с достаточной точностью, то больше ничего не нужно было бы делать. Однако на рисунке изображена проблема, обнаруженная Снеллом. На круге CQ (рис. 1) все градусы широты имеют одну длину. На сплюснутой сфере OQ градусы становятся длиннее по мере приближения к полюсу. На растянутой сфере LQ наблюдается обратное. Единственным способом для астрономов и топографов определить форму нашей планеты — будь она в форме луковицы, бильярдного шара или лимона — является вычисление длины различных дуг меридиана по *всем* широтам.

Теперь мы знаем, что Земля похожа на круглую луковицу, которая упала с лестницы и немного сплюснулась. Но тогда они этого не знали. Мы до сих пор не знаем этого наверняка. Первые попытки узнать это были сделаны в 1750 году. Королей Испании и Франции убедили выделить деньги на соответствующие экспедиции. Международное сотрудничество имеет большое значение в таких экспедициях, а в то время сделать подобное можно было только с разрешения королей. Они дали разрешение на совместную экспедицию в испанские владения в Перу, куда раньше входил и современный Эквадор. Руководителем экспедиции был Шарль Мари де ла Кондамин. Его задачей было измерить три градуса меридиана, примыкающего к экватору. В это же время Мопертюи отправился в Лапландию, чтобы измерить дугу, проходящую от Ботнического залива до Северного Ледовитого океана. Результаты дали самые разные степени отклонений, и чем больше учёные измеряли, тем меньше они понимали. Показатели Мопертюи говорили о том, что Земля имеет форму не сплюснутой сферы, а удлиненного сфероида.

Исследователи вернулись к более удобным средним широтам. Там они измерили десять градусов дуги, проходящей между Барселоной и Дюнкерком, затем ушли в сторону и прошли по всей Британии, вплоть до Шетландских островов. К 1792 году ученые решили, что им удалось найти ответ. Лавуазье со своими коллегами разработал метрическую систему, в основе которой находился метр — предположительно одна десятиллионная часть расстояния между полюсом и экватором. В 1801 году Наполеон обнародовал эту систему. Метр стал последним словом в вопросах точности.

Однако он олицетворял лишь приблизительную точность, и причин у этого было несколько. В первую очередь, форма Земли приготовила ученым мужам Франции такие сюрпризы, о которых они даже не подозревали. Кроме того, точность их методов оставляла желать лучшего по сравнению с современными стандартами. Однако о методах мы поговорим позже, так же, как и о мельчайших проблемах, которые всегда будут возникать перед исследователями.

Как и все великие войны, война Наполеона привела к полной остановке всех научных исследований, зависевших от международного сотрудничества. Как только война закончилась, геодезисты вновь принялись за работу. В этот раз они позарились на самый сочный кусок — измерение длинной дуги меридиана, проходящей от устья Дуная в Черном море, через Россию и Финляндию, до самого Мурманска. Длина этой дуги составляет более двадцати пяти градусов, а ее дополнительное преимущество заключается в том, что большая ее часть проходит над плоской поверхностью. Однако работа длилась с 1816 по 1855 год. Исследователям удалось получить новую информацию о геоиде, однако они столкнулись с загадкой, заключающейся в том, что форма планеты становилась более плоской в высоких средних широтах. Они прошли до Шпицбергена и измерили находящуюся там короткую дугу. В то же самое время подобные исследования проводились и в других странах, например, в США.

Ответ на главный вопрос найти не удавалось, хотя в 1841 году эллипсоид Бесселя был принят за эталон формы

Земли. Сегодня уже никто не считает эллипсоид Бесселя эталоном для измерений, однако европейские ученые все еще пользуются им, в основном потому, что он достаточно хорошо описывает форму Европы, а также ввиду того, что огромное количество таблиц и вычислений основаны именно на эллипсоиде Бесселя и переход на другую величину будет слишком затратным. Наше Управление береговых и геодезических съемок (США) берет за основу эллипсоид Кларка 1866 года, который является более плоским, чем эллипсоид Бесселя, но лучше подходит для американского континента. Считается, что идеальная форма Земли представляет собой нечто среднее между эллипсоидами Бесселя и Кларка. В перерыве между войнами исследователи всего мира пытаются определить форму Земли и выпрашивают у своих правительств деньги на исследования.

Данная задача колоссальна по своим масштабам и, скорее всего, никогда не будет решена. Геоид, который создают исследователи, является формой Земли, которая была бы полностью покрыта водой. Таким образом, отправной точкой для исследований является уровень океана, определить который очень даже непросто, потому что под влиянием приливов и отливов он изменяется дважды в день, а постоянные ветра неделями гонят водяные массы туда, где их, в принципе, не должно быть. При этом многолетняя работа по исследованию приливов и отливов, различных фаз Луны и других явлений позволила создать относительно точную базу для исследований. Мы считаем, что достаточно точно определили уровень океана. Однако как только геодезисты начинают работу на суше, начинаются проблемы.

Суша не плоская. Огромные территории недоступны для человека. К тому же поверхность планеты далеко не однородна. Именно неоднородность является самой большой проблемой, так как она оказывает большое влияние на силу притяжения. Это серьезная проблема, потому что сила притяжения определяет не только то, как быстро предметы падают на землю. С помощью этого показателя можно безошибочно определить высоту над уровнем моря.

Любой студент знает, что гравитационная постоянная (g) составляет тридцать два фута в секунду. Однако данная точная цифра, которую приводят в учебниках по физике, является очень упрощенным показателем. Это всего лишь теоретическая величина. Чтобы определить показатель g в конкретном месте, необходимо на протяжении многих часов смотреть на раскачивающийся маятник и считать общее количество его движений за определенный промежуток времени. За последние десятилетия в связи с этим было сделано несколько интересных открытий.

Было обнаружено, что сила гравитации разительно отличается в зависимости от расстояния до притягивающего тела. Если учесть, что полярный радиус меньше экваториального, то можно предположить, что предметы будут падать быстрее в районе полюсов, нежели в районе экватора. Так и есть. Этот факт также объясняется центробежной силой, возникающей в результате вращения Земли, хоть она и не так заметна. Получается, что g зависит от широты. А также от высоты над уровнем моря, ведь горная вершина находится дальше от центра Земли, нежели морское побережье. Эксперименты с маятником также показы-

вают, что гравитация зависит и от плотности поверхности. Может показаться странным, что заиленное дно океана на самом деле намного тяжелее горных массивов. Именно поэтому горы были выдавлены наверх. Сила гравитации над Небраской и Миссури будет значительно отличаться от того же показателя, но измеренного над Скалистыми горами. И все из-за плотности поверхности.

Именно поэтому гравитационная постоянная **g** является прекрасным дополнительным инструментом для исследований, касающихся формы Земли. В сочетании с другими методами исследования данный показатель помогает также изучать природу поверхности Земли. В результате геодезисты помогают геологам и наоборот. Исследования продвигаются вперед и становятся более точными.

Есть и другие способы определения высоты, например, триангуляция, которую, однако, можно использовать только в районах с пересеченным рельефом. Для определения высоты можно также использовать барометр. Однако барометр еще более подвержен особенностям местности, нежели **g**. Работа барометра зависит от влажности, температуры и других неочевидных причин. В результате исследователям приходилось совершенствовать геометрическое нивелирование, наиболее точный способ которого называется «высокоточным нивелированием». Это крайне требовательный метод. Управление береговых и геодезических съемок не может использовать результаты нивелирования, вероятная погрешность которых превышает один миллиметр на километр. При этом нельзя забывать, что разницу высот на Земле нельзя сравнить с разницей высот слоено-

го пирога. Эта разница скорее похожа на разницу между внешней и внутренней кожурой луковицы. Высоты считаются уровнем наклона, касательно поверхности Земли, в определенной точке. Однако если брать такое предположение за основу исследований, то результаты будут ошибочными. Ведь необходимо учитывать, что угол наклона поверхности Земли изменяется на шестьсот футов каждые тридцать миль и на двадцать четыре тысячи футов каждые шестьдесят миль! Поэтому исследователи должны всегда учитывать эти изменения, причиной которых является линия изгиба планеты, даже если они и изучают этот самый изгиб. Высокоточные исследования становятся практически невозможными.

Исследования меридианов можно проводить только на суше. Потом эти исследования нужно подстраивать под уровень моря, каким бы он ни был. Проблема кажется неразрешимой, однако исследователям удалось добиться потрясающих результатов. На протяжении последних трех веков исследователи делали предположения, измеряли, корректировали свои предположения, опять измеряли, опять корректировали и т.д. Конечный результат все еще находится далеко впереди.

Давайте вернемся к вопросу измерения дуги меридиана, но не будем углубляться в методы исследования. Вернемся к истории исследований, к тому моменту, на котором мы остановились, к тому времени, когда были созданы два основополагающих геоида. В 1898 году правительства Мексики, США и Канады решили вместе измерить ту часть

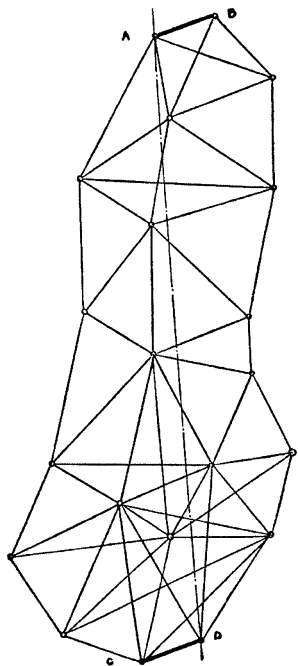

рис. 2

Не самый простой, но довольно точный путь из точки А в точку D. Использовался для измерений Управлением береговых и геодезических съемок (США).

девяносто восьмого меридиана, которая проходит по территории этих трех стран. Это самый длинный меридиан в Северной Америке, проходящий по суше. Его длина превышает шестьдесят градусов. Он проходит от двадцатого градуса северной широты до Тихого океана немного южнее Акапулько в Мексике. Его преимущество также заключается в том, что его большая часть проходит по плоской поверхности, пересекая провинцию Манитоба в Канаде, прерии США и относительно плоскую поверхность Мексики. В рамках данного исследования уже была проведена большая работа, однако решить поставленную задачу без денег и времени невозможно. Это можно понять, лишь взглянув на ту работу, которую приходится проделывать тем, кто занимается триангуляцией.

Предположим, нам необходимо измерить меридиан от точки А до точки D, как по-

казано на диаграмме 2. Предположим, что длина дуги составляет примерно десять градусов, то есть около шестисот миль, а между двумя точками находятся горная цепь, лес, большое озеро и крупный город. Измерить расстояние по прямой невозможно, поэтому необходимо использовать триангуляцию. Для проведения триангуляции необходимо две или более основных линий. Одна из них будет основной, а другие используются для проверки и необязательно лежат на самом меридиане, как показано на рисунке. Прокладывать основные линии для измерений необходимо с особой тщательностью, ведь координаты конечных точек должны быть просчитаны с точностью до секунды, а погрешность не должна превышать одну полумиллионную, то есть быть менее одного дюйма на пятнадцать миль.

Положение конечных точек определяется по положению небесных тел. Как правило, это делается ночью. Широта определяется по высоте выбранных звезд в момент прохождения меридиана. Долгота — по времени прохождения. Мы должны благодарить наших предков за то, что они создали подробные карты звездного неба. Для определения времени раньше использовали хронометры. Их используют и сейчас, но теперь у нас есть возможность проверять их показания ежедневно или даже чаще с помощью радиосигналов.

Самая трудная часть определения основных линий заключается в их непосредственном измерении. Линия должна быть плоской, но так как найти плоскую поверхность длиной в несколько миль достаточно сложно, то необходимо сделать поверхность плоской. Здесь все проходит так же, как при строительстве железной дороги. Углубления

заполняются, а выпуклости срезаются. Когда линия готова, можно начинать измерение.

Раньше для измерения использовали цепь или веревку, которые растягиваются, если их тянуть, и расширяются под воздействием высоких температур. Все эти факторы тщательно учитываются, однако избежать погрешности все равно невозможно. Затем пришел день инвара, но даже этот сплав смогли превзойти. Инвар обладает очень низким коэффициентом расширения, а если инваровый прут обложен льдом и с воздухом соприкасаются только его концы, то его длина относительно постоянна. Однако этого было недостаточно для Управления береговых и геодезических съемок. Сейчас для измерений используется дуплексная измерительная рейка, которая является более точной и не требует дорогостоящего и зачастую невозможного охлаждения.

Данная рейка состоит из двух реек. Одна из них сделана из меди, а другая — из стали. Обе рейки находятся в одном корпусе. Пятиметровая рейка расположена на двух треногах, оснащенных теодолитами. Концы реек лишь ненамного выступают и их длину можно отрегулировать с помощью высокоточных верньеров, значения которых можно прочитывать лишь под микроскопом. Две дуплексные рейки устанавливаются в начальной точке практически вплотную друг к другу. Производится их выравнивание. Затем с помощью специальных регуляторов медные рейки соприкасаются друг с другом так же, как и стальные. Они должны еле-еле касаться друг друга, потому что давление сделает их короче! Замеряется точная температура и длина, а затем

задняя рейка передвигается вперед и начинается замер основной линии.

Смысл данного метода заключается в том, что проводится замер двух параллельных линий — медной и стальной. Так как оба металла расширяются с разной скоростью, длина двух линий не будет одинаковой. Разница в скорости расширения, которая является очень надежным показателем, позволяет исследователям замерить температуру намного точнее, нежели это было бы возможно при обычном измерении температуры. Поэтому, скорректировав показатели температуры, они получают практически идеальные значения.

Интересной особенностью дуплексной рейки является то, что ширина шахты для каждой отдельной трубки основана на электропроводимости конкретного металла по отношению к определенной температуре. Кроме того, каждая рейка покрыта никелем, поэтому обе рейки поглощают тепло с одинаковой скоростью. Именно поэтому можно точно определить скорость расширения.

Исследователи могут измерять основную линию несколько раз, сравнивая результаты измерений. После того, как они будут довольны результатами, можно начинать непосредственно триангуляцию. К этому времени по всей необходимой территории уже расположены сигнальные точки. Это своего рода трехногие нефтяные вышки, при этом одна тренога находится внутри другой, и они не соприкасаются друг с другом. Такая двойная конструкция предназначена для того, чтобы наблюдатель мог установить необ-

ходимые инструменты на внутреннюю треногу, опираясь при этом на внешнюю. Это необходимо для того, чтобы пульс, дыхание и вес человека не оказывали влияния на работу теодолита. Сигнальная точка также оборудована флагштоком, который виден с другой сигнальной точки.

Наблюдатель поднимается к сигнальной точке, устанавливает теодолит, закрывает его зонтом и начинает работу. Зонт нужен для того, чтобы защитить инструмент от воздействия прямых солнечных лучей, так как прямой солнечный свет, падающий на одну из ног треноги, может привести к ее расширению и, как следствие, к нарушению уровня теодолита. Работа часто проводится ночью, потому что ночью свет заметить легче, чем днем. К тому же ночью легче работать там, где часто бывают туманы.

Теодолит — это уникальный инструмент инженера. Их носят в коробках, обитых мягким материалом, и обращаются с ними, как с ребенком. С их помощью инженеры проводят множество замеров. Чтобы описать их все, понадобилось бы слишком много времени. Достаточно сказать, что теодолиты настолько точны, насколько это только возможно.

Исследователь продолжает измерять углы между другими сигнальными точками, которые находятся в пределах видимости. Каждый угол замеряется сотни раз. Точность достигается благодаря наличию большого количества измерений. С помощью двух азимутов каждое следующее измерение добавляется к предыдущим. Длина дуги с точностью в доли секунды определяется следующим образом: сумма измеренных углов делится на их количество. Таким образом, значение тридцать градусов, понятное обычному

инженеру, будет выглядеть как $30^{\circ}00'06,14''$ для геодезиста, который провел тысячу измерений данного конкретного угла и получил $3001^{\circ}42'22''$. Потом разделил данный показатель на тысячу и получил вышеуказанное значение.

Чтобы быть точно уверенным в своих расчетах, он проводит обратный расчет! В результате должно получиться 00-00-00. Однако такое случается редко. Поэтому геодезист проводит вторую тысячу замеров, чтобы оценить первую тысячу. Затем он переходит к другому углу, затем к третьему и так, пока не дойдет до того места, откуда начал. На этом работа на данной сигнальной точке завершается.

Затем начинается оценка записей. Сумма всех углов должна составлять 360° с небольшой погрешностью — в одну секунду или меньше. Исследователь корректирует данные, распределяя погрешность между всеми углами. Затем он начинает оценку данных со следующей сигнальной точки. Чтобы добраться от одного конца линии до другого, может понадобиться несколько лет. Все зависит от погодных условий, длины линии и количества работников. Когда-нибудь настанет день, когда они доберутся до конечной точки основной линии.

И тогда начинаются расчеты. Часть из них проводится в полевых условиях. Однако большая часть расчетов проводится в штаб-квартире в Вашингтоне. Внутренние углы плоского треугольника должны составлять 180° , в то время как внутренние углы сферического треугольника будут намного больше. На нашей планете треугольник площадью семьдесят квадратных миль добавляет к расчетам одну секунду. Чем больше треугольник, тем больше «сферический

избыток». Поэтому наш геодезист, работающий в полевых условиях, проверяет все свои треугольники и корректирует результаты. Это похоже на парадокс, но если сумма углов в одной точке не изменится, то сумма углов в треугольнике может оказаться абсолютно любой. Перед тем, как передать информацию своему начальнику, геодезист должен проверить правильность расчетов.

Вычислительные машины в штаб-квартире проверяют все данные и просчитывают длину от одной основной линии до другой по выбранным треугольникам. Результаты не будут одинаковыми. Длина сторон треугольника будет отличаться в зависимости от использованного при расчетах подхода. При определении длины, после проведения всех предварительных расчетов, в игру вступает сложная математическая теория наименьших квадратов. Она помогает определить наиболее слабые звенья цепи и рассчитать вероятность ошибки. Данная теория позволяет компьютерам распределить погрешность в определенном соотношении. В итоге, определяются конечные значения и данные, собранные в полевых условиях, отправляются в архив.

Такие сети первичной триангуляции покрывают большие территории нашей страны. Они связаны вторичными сетями, расчет которых менее трудоемкий. Затем они заполняются третичными сетями, стандарты для расчета которых еще ниже, но все-таки намного выше тех, которыми пользуются обычные инженеры. И наконец, Геологическая служба заполняет сеть топографическими данными, основой которых является базовая структура. Результатом этой

работы становятся карты, доступные обществу. Инженеры пользуются ими для того, чтобы определить местоположения железных и автомобильных дорог, и для того, чтобы знать, где расположить водосборный бассейн, предназначенный для предотвращения затоплений или необходимый для мелиорации. С помощью этих карт определяются границы стран. Практическая ценность результатов работы таких незаметных государственных служб вполне оправдывает те средства, которые выделяются на подобные исследования. Некачественно проведенные базовые расчеты могут стоить стране намного больше, чем кажется на первый взгляд.

В качестве примера того, какие последствия могут иметь неправильно проведенные расчеты, я расскажу типичную историю, взглянув на которую начинаешь понимать, что такую работу необходимо проводить очень тщательно.

Восточная граница Техаса, которая отделяет этот штат от штата Оклахома, протянулась на одну сотую градуса восточной долготы. Данная линия считалась границей на протяжении более чем одного века. Эта граница была задокументирована в договоре между Францией и Испанией, который касался разделения территорий между Луизианой и Новой Испанией. Граница подтверждалась и в документах их последователей: договор между США и Испанией после покупки Луизианы; договор между США и Техасской республикой; договор между США и государством Техас. Граница всегда составляла одну сотую меридиана. Исследователи прошлого определили эту величину и зафиксировали ее границы. Эти исследования оказались

не просто неверными, а абсолютно неверными. Согласно им, данная граница не только проходила на сотни футов западнее того места, где она действительно проходит, но и абсолютно перекошена. Именно из-за этого и начались проблемы.

Как правило, споры о государственных границах между штатами не интересуют никого, кроме финансовых структур, потому что речь здесь идет в основном о налогах. Но если Техас выиграет спор о границе, то это будет совершенно другое дело. Ведь Техас примкнул к США довольно поздно и является независимым штатом. В Техасе все земли принадлежат штату и никогда не принадлежали США. Таким образом, всё зависит от патента на землю. Поэтому, когда обнаружилось, что несколько сотен миль земли на самом деле находятся не в Оклахоме, а в Техасе, то разразился невероятный скандал. На этой земле находится большое количество действующих газовых и нефтяных месторождений, владельцы которых в одночасье осознали, что эта земля *никогда не принадлежала им!* Права владения землей выдавались правительством США, которое не имело права выдавать такие разрешения. Техасец, который обнаружил ошибку, быстро скупил всю землю у правительства соответствующего штата. И что теперь?

Бесконечное судебное разбирательство. Верховный суд США уже принял решение по этому делу. Граница, проходящая по одной сотой меридиана, находится не там, где было принято. Было проведено соответствующее исследование и граница была перемещена. Все налоги, оплаченные штату Оклахома, были выплачены неверно. Весь доход,

полученный с земли предыдущими владельцами, принадлежит кому-то другому. Такая ситуация — рай для любого адвоката. Вот к чему могут привести исследования, сделанные спустя рукава.

Давайте отойдем от рассказанного выше. Стоит только заметить, что таких историй довольно много. Говоря о геодезии, необходимо упомянуть еще кое о чем. А именно об обратном азимуте. Если направление от А до В — это азимут от А, то направление от В до А — это обратный азимут. Это не просто обратное направление — если В — это юго-восток от А, до А — это не северо-запад от В. Никогда. Если точки находятся недалеко друг от друга, то разница будет небольшая. Если же точки расположены на большом расстоянии друг от друга, то отклонение будет огромным. Объяснить этот факт непосвященному человеку намного сложнее, нежели объяснить, почему среда пропадает или у тебя будет две среды, если пересечь линию перемены дат. Но я попытаюсь.

Так получается, что в определенных больших кругах и лишь в особых ситуациях обратный азимут на 180° отличается от азимута. Точки меридиана могут находиться южнее или севернее друг друга. Точки на экваторе могут находиться восточнее или западнее друг друга. Вот и всё. Других особых ситуаций не бывает. В любом другом месте и в любом другом направлении, даже в определенных больших кругах, обратное направление будет отличаться от исходного.

В качестве ужасного примера я расскажу вам популярный сейчас анекдот. «Если вы прошли пять миль на юг, по-

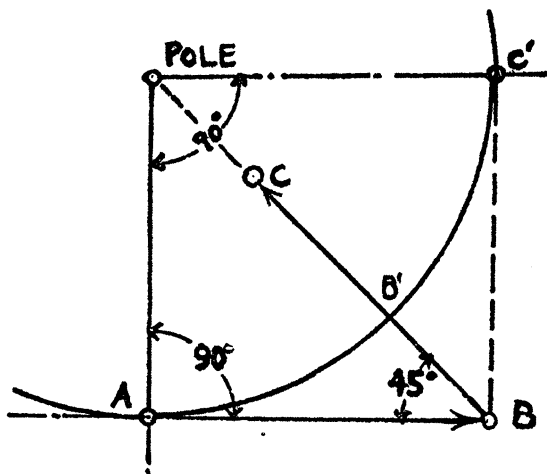

рис. 3

том пять миль на восток, потом пять миль на север, а потом вернулись туда, откуда начали свой путь, то где вы окажитесь? Как где? Конечно же, на Северном полюсе». Неверно. Совершенно неверно. Тот, кто придумал этот анекдот, не имел ни малейшего понятия об обратном азимуте, поэтому и ошибался. Давайте разберемся.

На рисунке 3 изображен пятимильный круг вокруг полюса. Это очень наглядная иллюстрация, потому что на полюсе сближение меридианов особенно заметно. К тому же небольшая площадь позволяет предположить, что всё происходит на плоской, а не на сферической поверхности. Давайте проследим за полярником и посмотрим, где он окажется.

Он идет прямо на юг к точке А. Там он поворачивает точно на восток. Восток будет под прямым углом к северу. Если он пройдет пять миль в этом направлении, то окажется в точке В. Отлично. Он в точке В. Если он теперь пройдет пять миль точно на север, то попадет в точку С, которая находится примерно в двух милях от полюса. Гипотенуза прямоугольного треугольника длиннее его сторон и полярник ничего не может изменить. Возможно, создатель анекдота хотел, чтобы полярник шел по кругу к точке В', но тогда он бы не шел точно на восток. Если он будет идти точно на восток, то он вернется в точку А. Повернуть под прямым углом в точке В и пойти к точке С'? Это тоже не поможет. Он все еще будет в пяти милях от полюса. Понимаете, в чем дело? Я не понимаю.

А дело вот в чем. В находится на востоке от А. Но А находится на северо-западе от В. Любой наблюдатель, находящийся в точке В и смотрящий на полюс и на точку А одновременно, подтвердит это. Это и есть наш обратный азимут. Ввиду близости меридианов, ни один большой круг, пересекающий их под любым углом, неважно, насколько близко меридианы находятся друг к другу, никогда не пересечет следующий меридиан под одинаковым углом.

Попробуйте определить положение неизвестного места в Сибири, которое находится в 180° на восток от Нью-Йорка на параллельной широте. Я бы сказал, что они находятся к северу друг от друга. Если вы пойдете от Нью-Йорка прямо на восток, вы никогда не попадете в Сибирь. Если вы все еще ничего не поняли, то я бы посоветовал вам чаще смотреть на глобус, а не на карты.

После этого небольшого введения, давайте вернемся к главному вопросу — каковы же форма и размер Земли? Я думаю, вы уже поняли, что большая часть всей информации касалась Северного полушария. Изучение нашего полушария поставило достаточно вопросов. Например, теперь мы знаем, что наш мир на двести пятьдесят метров толще в 90° от Гринвича, чем там, где Гринвич пересекает экватор. Можно ли считать, что Южное полушарие полностью симметрично Северному? Исследований там проводилось очень мало. Но провести больше исследований там невозможно, ведь там так много воды и так мало суши. Дуги меридианов измерялись в Уганде и в Родезии. Несомненно, геодезические исследования проводились и в Австралии и в Южной Америке. Есть два места, где подобные исследования можно провести, но этого пока не сделано. Два относительно длинных меридиана в Южном полушарии находятся в Африке и в Южной Америке. Первый является продолжением финско-данубийской линии, которая была измерена в первой половине прошлого века. Если продлить эту линию, то она дойдет почти до Кейптауна — это самая длинная дуга, проходящая по суше. Есть также и шестьдесят пятый меридиан к западу от Гринвича, который пересекает Южную Америку от Венесуэлы до Патагонии. Его недостаток в том, что он проходит по высоким горам и почти непроходимым джунглям Амазонки, а также по бедным и малонаселенным территориям. Если посмотреть на то, как обстоят дела сейчас, то до полного измерения этих дуг пройдет еще не меньше века. До тех пор нам остается только верить в то, что наша земля име-

ет форму луковицы с двух сторон, а не представляет собой картофелину, скрещенную с грушей.

На данный момент нам известен диаметр Земли с точностью до полумили — такая неточность может заботить только геофизиков. Вполне возможно, что мы никогда не сможем сократить эту погрешность. Наша Земля — существо загадочное и нестабильное. Ежедневные приливы и отливы не только перемещают водные массы, но и сдвигают континенты. Огромные территории на суше постоянно поднимаются и опускаются. Непредсказуемость и неоднородность приводят к тому, что наши линии лишь по случайности могут указать на местоположение центра Земли. Полюса вращения перемещаются, а вместе с ними перемещаются широты и меридианы. Точно так же перемещаются магнитные полюса и агонические линии. Нам нужно еще много времени, чтобы понять свою собственную планету. До тех пор звезды могут подождать.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Удар вслепую	3
Лилии жизни	49
Ленивый бог	83
Ты не выиграешь	108
Что делать с добычей?	131
I	131
II	139
III	150
IV	158
V	166
VI	175
VII	183
Посланник пришельцев	189
Монстр из космоса	220
Глава I. Знакомство с монстром	220
Глава II. Небесный монстр	227

Глава III. Погоня.....	237
Глава IV. Смертельная глубина	247
Глава V. Ум против силы	264

Под псевдонимом Колин Кейт

Король супа	268
Песок	294
Эффективность	319

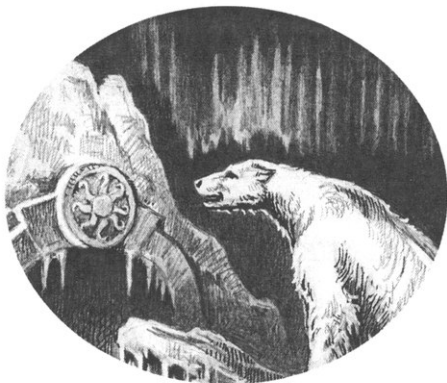
ЭССЕ

Подножие ног Господних	321
------------------------------	-----

TERRA INCOGNITA

*Издательство В.В. Мамонова
представляет новую серию
«TERRA INCOGNITA»*

*Ее продолжает роман Чарльза Стилсона
«Поларис из снегов»*

*Иллюстрации Михаила Емельянова
оформление Павла Парамонова*

TERRA INCOGNITA

Издательство В.В. Мамонова
представляет новую серию
«TERRA INCOGNITA»

Ее продолжает роман Чарльза Стильсона
«Минос из Сарданы»

Иллюстрации Михаила Емельянова
оформление Павла Парамонова

Литературно-художественное издание

MORE Фантастики

18+

Малькольм Джеймисон

УДАР ВСЛЕПУЮ

Издатель — индивидуальный предприниматель
Мамонов Владимир Викторович

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Отпечатано
по технологии print-on-demand
в типографии
ИП Птухина В.А.
г. Ярославль, ул. Лисицина д.5

ИП Мамонов В.В.
E-mail: mamonbook@mail.ru

ISBN 978-5-00096-092-9

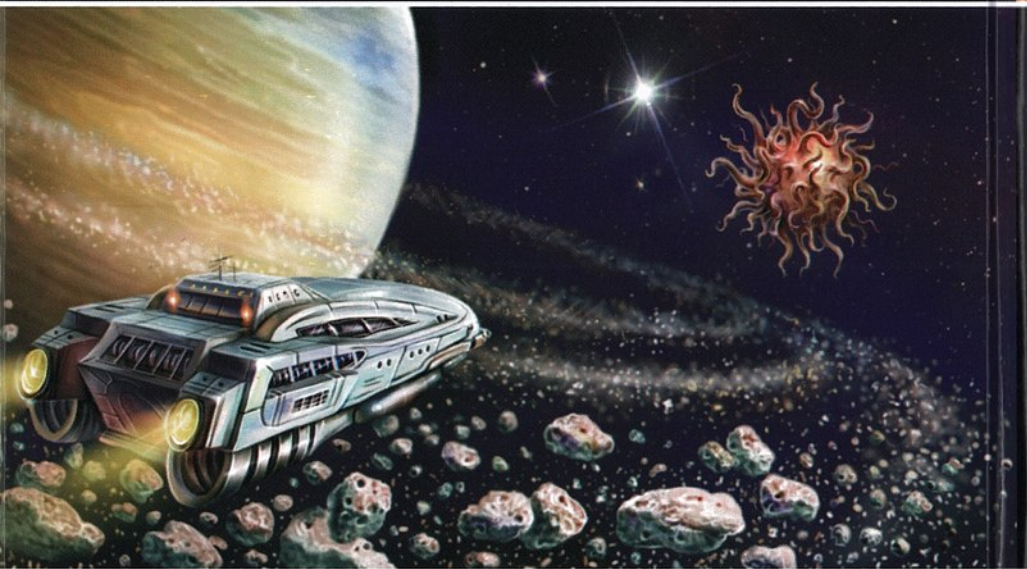

MORE

ФАНТАСТИКИ

«Произведения Малькольма Джеймисона — живые, остроумные и читаемые».

Грофф Конклин, литературный критик

«Издатель В.В. Мамонов»